ПОЛТАВСЬКИЙ КРАЄЗНАВЧИЙ МУЗЕЙ
УКРАЇНСЬКЕ ТОВАРИСТВО ОХОРОНИ ПАМ'ЯТОК ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ
ПОЛТАВСЬКА ОБЛАСНА ОРГАНІЗАЦІЯ
ЛУБЕНСЬКИЙ КРАЄЗНАВЧИЙ МУЗЕЙ

ОХОРОНА І ДОСЛІДЖЕННЯ ПАМ'ЯТОК АРХЕОЛОГІЇ ПОЛТАВЩИНИ

ТРЕТІЙ ОБЛАСНИЙ НАУКОВО-ПРАКТИЧНИЙ СЕМІНАР

Квітень, 1990 р.

ТЕЗИ ДОПОВІДЕЙ

Полтава, 1990

ПОЛТАВСЬКИЙ КРАЄЗНАВЧИЙ МУЗЕЙ
УКРАЇНСЬКЕ ТОВАРИСТВО ОХОРОНИ ПАМ'ЯТОК ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ
ПОЛТАВСЬКА ОБЛАСНА ОРГАНІЗАЦІЯ
ЛУБЕНСЬКИЙ КРАЄЗНАВЧИЙ МУЗЕЙ

ОХОРОНА І ДОСЛІДЖЕННЯ ПАМ'ЯТОК АРХЕОЛОГІЇ ПОЛТАВЩИНИ

ТРЕТІЙ ОБЛАСНИЙ НАУКОВО-ПРАКТИЧНИЙ СЕМІНАР

Квітень, 1990 р.

ТЕЗИ ДОПОВІДЕЙ

Полтава, 1990

ББК 63.4 (2 Ук...).
О 92.

Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: Третій обласний науково-практичний семінар: Тези доповідей; Редкол.: **Білоус Г. П., Журавель Г. Г., Кулатова І. М.** та ін. — Полтава, 1990. — 200 с., іл. 24.

Вміщені тези доповідей з питань охорони та дослідження пам'яток археології Полтавської, Дніпропетровської, Сумської, Черкаської, Харківської та ін. областей УРСР, досвіду підготовки археологічної частини «Зводу пам'яток історії та культури народів СРСР». Частина доповідей присвячена введенню в обіг нових, раніше невідомих, археологічних матеріалів, частина — історії археологічного вивчення краю та його дослідникам.

Для археологів, істориків, краєзнавців, співробітників державних органів охорони пам'яток і музеїв, вчителів шкіл та студентів.

Редакційна колегія:

Білоус Г. П. (відповідальний редактор), **Журавель Г. Г., Кулатова І. М.** (відповідальний секретар), **Лугова Л. М., Прищепа І. З., Супруненко О. Б.,** (заст. відповідального редактора), **Тасенко М. П.**

На обкладинці: Курильниця II ст. до н. е. з с. Кагамлик Глобинського району.

© Полтавський краєзнавчий музей. УТОПІК, Полтавська обласна організація. Лубенський краєзнавчий музей. 1990.

ОХОРОНА ПАМ'ЯТОК АРХЕОЛОГІЇ. ПІДГОТОВКА «ЗВОДУ ПАМ'ЯТОК ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ»

А. А. НЕСТУЛЯ

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПОЛТАВЩИНЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Среди мероприятий Советской власти по отношению к историко-культурному наследию Украины важное место занимали вопросы, связанные с сохранением археологических памятников.С целью их решения уже в 1919 г. в составе Всеукраинского комитета охраны памятников искусства и старины (ВУКОПИС) была создана археологическая секция, координировавшая работу местных органов по учету, охране, изучению и популяризации объектов археологии.

На Полтавщине эти функции были возложены на образованный в начале 1919 г. губернский комитет охраны памятников искусства и старины (губкопис), музейно-археологическую секцию которого возглавил М. Рудинский. Уже в первой половине 1919 г. ее сотрудниками были зарегистрированы 360 археологических памятников, проведены раскопки некоторых из них. Соответствующая работа продолжалась и в 1920 г. Однако на пути ее расширения стояли многие трудности военно-политического, финансового и др. порядка.

Экономическая разруха, ликвидация в 1921 г. ВУКОПИСа, а в 1922 г. и Полтавского губкописа еще более осложнили работу по охране археологических памятников губернии. Усилий сотрудников Полтавского краеведческого музея, к которому перешли функции губкописа, было явно недостаточно, чтобы приостановить волну кладоискательства, захлестнувшую в середине 20-х годов Полтавщину. Так, в 1924 г. крестьянами, искавшими сокровища на Бельском городище, было обнаружено ряд ценных предметов, в том числе бронзовый котел, амфора. При-

чем, если усилиями учителя местной школы котел все же был передан в музей, то отыскать амфору так и не удалось. Особенно угрожающее положение для памятников археологии сложилось в это время на территории Кременчугской округи. «Округа, — писал в 1926 г. один из ее жителей, — находится в состоянии опасности. С начала осени начались производиться раскопки могил и городищ, а последнее время разрушения приобретают чисто эпидемический характер. Раскопками захвачены не только отдельные граждане, но и целые общества. Цель раскопок — это отыскать бочки с золотом и казацким оружием». Корреспондент, попытавшийся было остановить самовольные раскопки, трижды был обстрелян искателями сокровищ.

Важное значение для усиления охраны археологических памятников на территории республики в целом имел циркуляр НКВС УССР от 25 января 1924 г., которым местные органы власти обязывались запретить «раскопки без разрешения соответствующих отделов Управления и органов Наркомпроса». В соответствии с ним 25 февраля 1925 г. Полтавский губисполком обязал окрисполкомы «принять решительные меры к тому, чтобы... были полностью запрещены какие бы то ни было самовольные раскопки». Раскопки на территории губернии могли проводиться только с разрешения Главнауки НКО УССР на основании выводов Всеукраинского археологического комитета при ВУАН.

Активизации работы по охране археологических памятников способствовало утверждение 16 июня 1926 г. ВУЦИКом и СНК УССР «Положения о памятниках культуры и природы». В частности, Кременчугский окрисполком в 1927 г. принял постановление «Об охране археологических памятников». К концу 1928 г. он выделил свыше 3 тыс. рублей на археологические раскопки, контролировал ход земельных работ на территории округи, сообщал о наиболее ценных находках ВУАК. В 1927 г. Лубенский окрисполком обратился с письмом к сельским Советам, в котором потребовал принять решительные меры по прекращению несанкционированных раскопок. На это были направлены и решения Полтавского окрисполкома, неоднократно рассматривавшего вопросы охраны археологических памятников и установившего шефство над археологическими исследованиями в округе (См. Кот С. И., с 47, 49).

Положительно сказалось на подходах местных органов власти к вопросам охраны археологических памятников создание в 1926 г. Харьковской и Днепропетровской краевых инспектур охраны памятников, распространявших сферу своей деятельности на территорию Полтавщины. Их сотрудники неоднократно выезжали в Кременчугскую, Полтавскую, Лубенскую и другие округи, способствуя мобилизации широких слоев общественности на решение проблем охраны историко-культурного наследия. В 1926—1927 гг. при поддержке исполкомов начали работу Полтавская и Кременчугская окружные комиссии охраны памятников, уделявшие важное внимание и охране памятников археологии. Главное же — они координировали усилия местных органов власти, учреждений и организаций, общественности по улучшению этой работы.

Все это давало положительные результаты. В частности, в отчете Днепропетровского краевого инспектора за 1928 г. указывалось на полное прекращение несанкционированных раскопок на территории ряда районов Кременчугской округи. Харьковский краевой инспектор отмечал значительное снижение числа случаев самовольных раскопок в других округах Полтавщины. Таким образом, общими усилиями органов власти, государственных органов охраны памятников и общественности уже к концу 20-х годов удалось значительно улучшить сохранность археологических объектов края.

Н. А. РЫЧКОВ

ОХРАНА ИЛИ ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ?

В названии настоящего семинара не случайно фигурируют два термина: «охрана» и «исследование» памятников археологии.Это два различных вида деятельности. Цель охраны памятников — сохранить их, а цель исследования — изучить, даже если это и приведет к их уничтожению. Вместе с тем охранная и исследовательская деятельности проводятся параллельно, что естественно в связи с возрастающими масштабами новостроек. Это положение приводит к тому, что исследование памятников причисляется к охранной деятельности. Появился даже термин «охранные раскопки», несмотря на то, что сам памятник в ре-

зультате этих раскопок, как правило, исчезает с лица земли. Остается лишь его отражение в материалах полевой документации, научных публикаций, да отдельные предметы или другие материальные фрагменты данного памятника, оседающие в фондах научных учреждений и музеев и пополняющие иногда экспозиции выставок.

Охранные раскопки — мера вынужденная, призванная спасти хоть что-то от обреченного памятника. Несомненно, лучше раскопать памятник и извлечь из этого хоть минимум информации, нежели дать ему бесследно погибнуть. Однако этот вынужденный путь не должен быть основным. Это означало бы, что деятельность организаций, которые осуществляют охрану памятников, шла бы на поводу у огромного количества строительных организаций и других ревнителей прогресса за счет окружающей среды. Задача состоит в том, чтобы данная зависимость была переориентирована в обратном направлении.

Одним из основных принципов охраны памятников истории и культуры является их учет и картографирование. Причем, учет не формальный, а с научным обоснованием ценности того или иного памятника. Работа в этом направлении ложится в основном на плечи работников системы Министерства культуры, а также различных общественных организаций, в первую очередь Общества охраны памятников истории и культуры.

Вторым важным принципом охраны памятников является их сохранение. В наше экологически тревожное время сохранить памятники древности означает не просто сберечь культурное достояние человечества, но и спасти в будущем его от духовной смерти. Не вдаваясь в детали этого сложного процесса, трудности которого хорошо известны любому, кто хоть мало-мальски им занимался, хочется обратить внимание на одну специфическую его особенность.

Ежегодный рост масштабов новостроек и, в соответствии с этим, увеличение объемов раскопок, часто в сжатые сроки, отпущенные на исследование конкретных археологических памятников, приводят к весьма невысокому качеству их исследования.

Сейчас вполне резонно ставить вопрос о сохранении памятников прошлого не только от рук строителей, но и от рук археологов. Это означает, что необходимо стремиться к оптимальному объему раскопок, обусловленному возможностью научно-технической обеспеченности их качества, а также достаточно высоким научно-изыскательским уровнем полевых исследователей. Однако, поскольку ни то, ни другое в достаточной мере зачастую не может быть обеспечено, представляется правомочным курс на возможно максимальное сокращение раскопок и использование средств на сохранение памятников.

Подчас сооружение какой-либо дамбы, препятствующей затоплению памятника, может быть более рациональным, чем проведение поспешного его исследования. Здесь не надо забывать и о чисто коммерческой стороне дела: многие памятники могут быть местом паломничества туристов. Из этого логично следует еще один аспект сохранения памятников: их реконструкция после завершения раскопок — работа, которая в очень многих случаях не только не проводится археологами, но и не предполагается сметой на расходы по исследованию археологических памятников.

Сохранение любого памятника старины будь то от строителей или от археологов — залог того, что в будущем исследователи смогут извлечь из него гораздо больше информации, чем они это делают теперь. А это значит, что будет сохранена не только информация о прошлом, но также и сама наука археология, которая при неразумном, небережливом отношении к археологическим памятникам обречена на вымирание. Поэтому спасение памятников археологии от археологов пойдет во благо для археологов будущего.

Таким образом, отвечая на поставленный в заголовке вопрос о том, что сейчас важнее — охрана или исследование археологических памятников, приходится признать, что все-таки важнее их охрана, причем всесторонняя, в том числе и от исследований. А исследования нужно проводить только там, где без этого невозможно ничего сохранить, и там, где может быть обеспечен необходимый их научный уровень.

В. В. РУБАН

ДРЕВНОСТИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Происходящие процессы реформирования правовой системы в СССР должны повлечь за собой пересмотр законов об охране и использовании памятников истории и культуры, поскольку практика прошлых лет поставила под сомнение эффективность соответствующих юридических актов.

Опора преимущественно на культурно-историческую ценность древностей — понятие, весьма абстрактное и туманное для юриспруденции, — является одной из основных причин сложившейся ситуации, характерная черта которой заключается в отсутствии надежных экономических оснований для юридической защиты археологических памятников.

Действительно, вряд ли найдется хотя бы один музей, который был бы в состоянии назвать цену хранящихся в нем древностей, не говоря уже об их оценке в масштабах отдельной республики или страны в целом. Равным образом, нет надежных экономических критериев для определения стоимости древних городищ, поселений и некрополей. Поэтому разрушение археологических памятников вследствие хозяйственной деятельности или грабительских раскопок с целью хищения и сбыта древностей на черном рынке остаются практически безнаказанными из-за отсутствия экспертной оценки наносимого ущерба в денежном выражении, которая должна служить основанием для соответствующих юридических мер.

Между тем, помимо культурно-исторической и научной ценности, древности, в силу объективно существующего спроса на них среди частных коллекционеров и со стороны государственных музеев, возможно оценивать именно в денежном выражении. Оценка фактически любой категории древностей практикуется за рубежом официально преимущественно с опорой на результаты аукционов. Реально существует она и в нашей стране в области так называемой теневой экономики.

Что касается недвижимых археологических объектов, то ущерб, наносимый им различного рода разрушениями, предлагаем определять на основании государственных расценок, установленных для единицы археологически исследуемой площади.

Вещественный материал целесообразно оценивать, исходя из конъюнктуры на внутреннем и международном рынках. Немалую положительную роль как в определении цен, так и в смягчении теневых сторон коллекционирования и разрушения древностей, могли бы сыграть специальные аукционы. Выставляя на внутренние и международные аукционы образцы своих многочисленных дубликатов древностей, археологические учреждения имели бы дополнительные финансы на научные исследования и на приобретение новых экспонатов.

Предлагаемый комплекс экономических мер может послужить надежным основанием для разработки новых, более эффективных правовых актов о древностях.

Л. Н. ГОЛУБЧИК

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ НА ДНЕПРОПЕТРОВЩИНЕ

Древнейшие свидетельства пребывания человека на территории Днепропетровской обл. относятся к эпохе раннего палеолита (Кодак, б. Скубовая, Ненасытец, устье р. Самары и т. д.). Поселившись здесь, в столь древние времена, человек уже не покидает их, что подтверждается многочисленными, разнообразными и разновременными археологическими памятниками Днепропетровщины.

Однако до 1981 г. на государственном учете Днепропетровской обл. состояло 332 памятника археологии: палеолитических местонахождений, древних поселений, курганов, бескурганных могильников и т. д. Первым шагом на пути массового выявления, картографирования и взятия под государственную охрану древних памятников стали обследования земель области археологами Днепропетровского исторического музея в 1981—1982 гг. Было обследовано 3835 курганных групп, объединяющих более 7 тыс. курганов. Большая часть из них находится на Левобережье, так как на Правобережье ведется интенсивное промышленное строительство, разрушающее памятники. Но вышеуказанная цифра не отражает реального количества сущест-

вующих на территории края курганов* и тем более, других видов памятников. Так, на учете только 115 поселений, относящихся к разным хронологическим периодам. Обследование поселений и грунтовых могильников, известных по литературе, выявление новых памятников и взятие их под государственную охрану — одна из важнейших наших задач.

Положительным примером в деле охраны памятников археологии и истории в области может служить выделение Игреньского полуострова в заповедную территорию. Игреньский полуостров расположен в пределах г. Днепропетровска и представляет собой большую луку, созданную коленом Днепра. С севера его омывает р. Самара, с запада и юга р. Днепр, с востока его отделяет от плато широкая долина — древнейшее русло р. Шиянки. На территории Игреньского полуострова выявлено около 30 разновременных археологических памятников. Это стоянки и могильники практически всех археологических эпох: от каменного века до периода Киевской Руси. Здесь же расположено поселение и кладбище запорожских казаков, а также остатки укрепления XVII—XVIII вв. на острове Старуха.

Это первый опыт на Днепропетровщине придания территории статуса заповедной и, тем более, важно, что решение было принято в противовес планам строительства на Игрени двух жилых массивов.

Действуя на основании ст. 34 Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры», Днепропетровский исторический музей с 1983 г. начал проводить спасательные работы по договорам с промышленными предприятиями и колхозами области.

Так, были исследованы два кургана на землях колхоза им. Крейсера «Аврора» Никопольского района, под насыпями которых находились захоронения эпохи энеолита-бронзы и два каменных кромлеха, представляющих собой сложные культовые сооружения. При содействии областного общества охраны памятников истории и культуры начаты спасательные работы на сарматском могильнике, расположенном у с. Филия Межевского района.

* Многие из них, в результате многолетней распашки, утратили насыпи.

В 1986 г. был заключен договор с Вольногорским комбинатом. В результате здесь были исследованы три кургана эпохи энеолита-бронзы и один скифского времени.

С 1983 г., на основании долговременного договора, музей работает на землях Марганецкого горно-обогатительного комбината. Район работ определяется водоразделом Днепра и его притока р. Томаковки. В течение семи лет здесь было исследовано более 70 курганов. Древнейшие из них были возведены в эпоху энеолита над «вытянутыми» погребениями в удлиненно-овальных ямах. Большой интерес представляют расчлененные погребения ямной культуры. Всего же здесь исследовано более 100 погребений этого времени. 67 погребений относятся к катакомбной культуре и, как правило, сопровождались инвентарем: посудой, проколками, пронизями, игральными костями, костяными орнаментерами, изделиями из камня и кремня. 42 кургана, в которых исследовано 56 погребений скифского времени, датируются V—IV вв. до.н. э. и возведены рядовыми общинниками. В основном, это небольшие насыпи от 0,2 до 1 м. Архитектура насыпи (там, где она прослеживалась) традиционна, 80% насыпей имеют ровик с перемычками, 20% — каменные конструкции: крепиды, кладки. Все погребения, за редким исключением, ограблены. Несколько исследованных в курганах погребений относятся к эпохе средневековья, к печенежско-торческому периоду и датируются X—XI вв.

Таким образом, в исследованных курганах выявлены захоронения всех народов, живших на территории края и имевших курганный обряд погребения. Полученные материалы дают возможность осмыслить и реконструировать уровень социально-экономического развития древних обществ, духовный мир людей. Археологическими работами на договорных началах мы, с одной стороны, — вовремя исследуем памятники, находящиеся под угрозой разрушения, а с другой — продолжаем традиции, заложенные первой новостроечной экспедицией — Днепрогесовской, работавшей под руководством Д. И. Яворницкого, имя которого сейчас носит Днепропетровский исторический музей.

Н. П. ОЛЕНКОВСКИЙ

РОЛЬ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК В ПОДГОТОВКЕ МАТЕРИАЛОВ СВОДА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

1. При подготовке материалов Свода памятников перед всеми без исключения облредколлегиями и рабочими группами стоит проблема неполноты охвата территорий областей предыдущими археологическими исследованиями и необходимость проведения дополнительных разведок. Это легко объяснимо. Степень изученности любого региона зависит прежде всего от наличия местных специалистов и их научных интересов, а также от попадания данной территории в сферу интересов сотрудников центральных научных учреждений. Определенное значение может иметь наличие краеведов, но в зону их деятельности попадают обычно только территории в пределах своего района или в окрестностях населенного пункта. К тому же, в археологической деятельности краеведов в подавляющем большинстве присутствует непрофессионализм, а зачастую и антинаучность. Существует и еще одна проблема в подготовке археологических материалов Свода — тематико-хронологическая неоднородность изучения территорий областей. Причем, на эту проблему облредколлегии обычно не обращают внимания. Трудности здесь заключаются преимущественно в отсутствии специалистов, занимающихся теми или иными проблемами изучения конкретных археологических эпох. Наиболее существенна нехватка специалистов в области исследований памятников каменного века.

2. Опыт поисковых археологических исследований на территории Херсонской области показал, что достаточно полное выявление памятников каменного века может быть осуществлено только специализированными разведками. Херсонская область топографически однородна — низменная степная равнина с чрезвычайно слабым развитием гидрографической сети (Нижний Днепр и его приток Ингулец, другие реки отсутствуют). До 1974 г., за столетнюю историю археологических исследований, в регионе было открыто значительное количество поселений и городищ в долине Днепра и до 5000 курганов в степной зоне. Единичные памятники каменного века были известны только в долине Днепра. С 1974 г. автором проводились здесь же специализированные разведки, которыми выявлено более 150 памят-

ников каменного века, многие из которых включены в Свод отдельными статьями. С 1983 года (начало непосредственных работ по подготовке материалов Свода) встал вопрос о обследовании других участков территории обл., ранее считавшихся археологически не перспективными. Автором для специализированных разведок выбрано Северное Присивашье, практически совершенно не исследованное. Разведки проводились поэтапно — в 1983—1985, 1988, 1989 гг. Пешими разведками обследовано около 250 км берега Сиваша (с учетом обследования мелких заливов и островов, вероятно, около 400 км).

3. Открыто 57 памятников каменного века (в т. ч. 13 позднепалеолитических стоянок и местонахождений). Стоянка Вознесенка IV, с мамонтовой фауной в комплексе, датируется ранней — началом средней поры позднего палеолита. Среди кремневых изделий есть выразительная группа нуклеусов (преобладают торцовые). Изделия со вторичной обработкой не очень разнообразны. Наиболее многочисленны резцы — срединные, боковые и двойные комбинированные. Другие категории представлены малочисленными группами или единичными экземплярами — острия (косое с притупленным краем, сагайдакско-мураловского типа, шательперрон), долотовидное орудие, скребки, отщепы с зубчатым краем, пластинки и отщепы с ретушью. Стоянка Нововладимировка II раскопана в 1985 и 1987 гг. почти полностью. Получены ценные планиграфические результаты, давшие материалы для палеоэкономических и социальных реконструкций. Коллекция кремневых изделий насчитывает 1946 экз. Нуклеусы призматические с преобладанием двухплощадочных. Много вторичных ядрищ. Изделия со вторичной обработкой (183 экз.) составляют 9,4%. Микрокомплекс составляет 19%. Много резцов, пластинок и отщепов с ретушью. Меньше долотовидных и комбинированных орудий, скребков, изделий на резцовых сколах, проколок и др. Фаунистические остатки принадлежат бизону и лошади. Результаты исследований этого памятника легли в основу выделения Нововладимировской археологической культуры (первая половина заключительной поры позднего палеолита). Другие позднепалеолитические памятники — более бедные местонахождения, часто с разрушенным или переотложенным культурным слоем. Среди мезолитических памятников для включения в Свод особый интерес представляют стоянки Сальково I (горнокрымская к-ра), Сергеевка I

(кукрекская? к-ра), Соленое озеро I, VII «а», IX. Неолитические памятники более многочисленны. Наиболее показательны среди них стоянки Сергеевка II (горнокрымская к-ра), Ивановка II, Соленое озеро VI и VII.

До двух десятков памятников каменного века, выявленных и исследованных в Северном Присивашье, включены в том Свода статьями. Остальные имеют большое значение для написания археологического раздела вводной статьи к тому.

4. Кроме памятников каменного века здесь открыто около 50 более поздних археологических объектов, по многим из которых написаны статьи в том. Основные из них это поселения Дружелюбовский выступ (катакомбная к-ра), Васильевский залив и Сергеевский залив (сабатиновская к-ра), Нововладимировка и Стрелка (белозерская к-ра), Сивашовка (скифы), Вознесенка I, II, III (средневековые кочевники) и зольник Большой залив (поздние скифы или сарматы).

5. Среди слабоисследованных, в плане памятников каменного века, можно назвать также Полтавскую, Сумскую, Черкасскую и Харьковскую обл. По мнению автора эту проблему можно решить следующим способом — путем привлечения специалистов из других регионов на хозрасчетной основе. Учитывая, что подготовка материалов Свода близится к завершению (а по ряду областей уже завершена), эту работу нужно провести в ближайшие два полевых сезона.

И. В. САПОЖНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ ДЛЯ «СВОДА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ УССР»

(Опыт работы Буго-Днестровской экспедиции ИА АН УССР)

В последние годы археологами и краеведами была проведена большая работа по написанию статей для тома «Одесская область» «Свода памятников истории и культуры УССР». В подготовке около 1700 статей для археологической части «Свода» приняли участие сотрудники отдела Северо-Западного Причер-

номорья Института археологии АН УССР, археологического музея, университета и Общества охраны памятников истории и культуры.

В связи с тем, что разные районы области были изучены неравномерно, редколлегия «Свода» приняла решение о необходимости проведения дополнительных разведок территории 11 наименее исследованных районов области. Финансирование данной программы взяла на себя Одесская областная организация УООПИК, а в 1989 г. дополнительные средства для этого были выделены Отделом охраны памятников облисполкома. Для проведения разведок в Институте археологии АН УССР была создана Буго-Днестровская экспедиция, итогам работы которой в 1988—1989 гг. посвящен представленный доклад.

За два полевых сезона экспедицией были исследованы четыре района области — Котовский, Красноокнянский, Ананьевский и Раздельнянский, в которых обнаружено более 200 новых и обследовано около 100 ранее известных археологических объектов. Помимо сбора информации для «Свода», производилось картографирование памятников на схемах землепользования и их фотографирование для подготовки паспортов и постановки под охрану в местных Советах народных депутатов.

Сплошное исследование территории районов, расположенных на границе степной и лесостепной зон, дало интересные научные результаты. При шурфовке наиболее юго-восточного памятника неолитической культуры линейно-ленточной керамики Майнова Балка в бассейне р. Тилигул были обнаружены остатки длиного жилища. На р. Тростянец выявлено одно из наиболее ранних поселений трипольской культуры на территории Украины — Нестоита IV. В бассейнах рек Ягорлык и Тилигул найдено и обследовано несколько поселений среднего этапа трипольской культуры, определяющих наиболее южную границу ее распространения в Днепро-Днестровском междуречье (Водослив II, Гонората V, Гандрабуры I—III и др.). Поселение белозерской культуры Довжанка IV на р. Ягорлык значительно расширяет к югу ареал памятников балтской группы. Помимо целого ряда новых местонахождений черняховской культуры, было обнаружено несколько поселений первых веков н. э., которые необходимо связывать с носителями иных этно-культурных традиций (т. н. «поздними скифами» — Точилово и кругом памятни-

ков типа «Этулия»). Подробное картографирование курганов и курганных могильников позволило определить ряд особенностей их топографической привязки, которые можно сопоставлять с древними дорогами.

Итоги сплошных археологических разведок, проведенных Буго-Днестровской экспедицией в 1988—1989 гг., показали высокую эффективность и перспективность проведения таких работ, обусловленных как научными, так и практическими задачами.

Г. Г. ЖУРАВЕЛЬ

ПРО РОБОТУ ЛУБЕНСЬКОЇ МІСЬКРАЙОРГАНІЗАЦІЇ УТОПІК ПО ВИЯВЛЕННЮ, ВИВЧЕННЮ, ОХОРОНІ ТА ВИКОРИСТАННЮ ПАМ'ЯТОК

В Лубенському районі на обліку і під охороною держави перебуває 171 пам'ятка. З їх числа: пам'яток історії 132, монументального мистецтва 17, містобудування і архітектури 10, археології 12. Ці пам'ятки послідовно розповідають про славну, в піснях і легендах звеличену історію Лубенщини, починаючи з сивої давнини, як-то Гінцівська стоянка давньокам'яного віку, і кінчаючи періодом соціалістичного будівництва нашої країни.

Робота по виявленню та вивченню продовжується. З 1984 по 1989 рр. виявлено 13 пам'ятних місць, пов'язаних з історичними подіями, життям і діяльністю видатних людей нашої країни. Значну допомогу в цій клопіткій роботі надає державним органам Лубенська міськрайонна організація Товариства охорони пам'яток. Активістами Товариства за останні 5 років в державні органи внесено понад 30 пропозицій по взяттю на облік, покращенню використання пам'яток, по їх ремонту та реставрації. Завдяки турботам громадськості в 1988 році врятовано від руйнації Лису гору — пам'ятник археології республіканського значення, відкрито пам'ятний знак на території СШ № 10

м. Лубен на честь Радянських воїнів, загиблих в роки Великої Вітчизняної війни, встановлені меморіальні дошки на приміщенні поліклініки з іменами загиблих медиків-лубенчан, до 175-річчя Т. Г. Шевченка в с. Ісківці на честь перебування там великого Кобзаря та ін.

За дольовою участю Товариства (біля 40 тис. крб.) з 1982 по 1989 рр. велися розкопки та роботи по створенню археологічного музею під відкритим небом на території пам'ятника республіканського значення — літописного городища Снєпород. На жаль, з невідомих причин, музеєфікація припинена, і якщо вона не буде продовжена, значна частина коштів і, головне, зусиль зведуться нанівець.

Важливим напрямком в діяльності Товариства є безпосередня участь її членів в ремонті, реставрації пам'яток та здійснення шефства над ними. Готуючись до відзначення 1000-річчя м. Лубен, були проведені суботники, кошти від яких (понад 170 тис. крб.) пішли на ремонт, реставрацію та спорудження нових пам'ятників. Серед новостворених: пам'ятник воїну Київської Русі, пам'ятник літописцю Київської Русі. На реставрацію Мгарського монастиря — пам'ятки XVII ст. — Республіканським Товариством виділено 100 тис. крб. народних коштів.

Велику допомогу в охороні, використанні та пропаганді пам'яток надає міськрайонна газета «Червона Лубенщина», в якій ведуться рубрики, присвячені пам'яткам. Особливо активно працювала газета напередодні ювілею міста, за що і нагороджена президією Республіканського товариства Почесною грамотою.

Якісно зріс рівень краєзнавчих досліджень. Активісти міськрайонної організації Товариства брали участь в роботі науково-практичної конференції, присвяченої 100-річчю з дня народження М. Я. Рудинського — видатного радянського археолога (1987 р.), науково-практичній конференції, присвяченій 1000-річчю м. Лубен, І обласній конференції по історичному краєзнавству (1989 р.).

І. М. ГАВРИЛЕНКО, Л. В. ГОЛЬНИК

ПИТАННЯ ЗБЕРЕЖЕННЯ ПАМ'ЯТОК АРХЕОЛОГІЇ В РОБОТІ КЕРІВНИХ ОРГАНІВ ПОЛТАВСЬКОЇ ОБЛОРГАНІЗАЦІЇ УТОПІК

Проблеми виявлення, охорони та пропаганди пам'яток археології постійно перебувають в полі зору керівних органів Полтавської обласної організації Товариства охорони пам'яток історії та культури. З 1966 по 1986 рр. ці питання більше 70 разів порушувалися на засіданнях президії правління, в тому чи іншому аспекті піднімалися 8 разів у доповідях і 7 — у виступах на пленумах облорганізації, а також на звітно-виборних конференціях — 9 і 7, відповідно. Археологічних питань стосувалися 46 окремих постанов або їх пунктів, 34 пункти планів роботи, 12 — розроблених планів заходів, при чому лише третина цих документів мала виключно археологічний зміст, спрямування решти — значно ширше.

За своєю проблематикою виступи, доповіді та прийняті рішення розподіляються таким чином: виготовлення та встановлення охоронних знаків на пам'ятках археології — 13,3%; діяльність археологічної секції при правлінні облорганізації; виявлення і вивчення пам'яток — по 11,3%; стан окремих пам'яток археології — 6,6%; організація експедицій — 6,25%; видання друкованої продукції (листівок, плакатів, буклетів); підготовка наукових і краєзнавчих видань (книжок, збірників статей) — по 4,7%; стан пам'яток археології в районах області; лекційна пропаганда пам'яток археології — по 4,3%; критика діяльності державних органів охорони пам'яток, а також винних в руйнуванні пам'яток будівельних, шляхових організацій, колгоспів, радгоспів — 3,9%; паспортизація пам'яток археології — по 3,5%; фінансування охоронних заходів; діяльність археологічних секцій при районних і міських організаціях (які по суті існували лише «на папері») — 3,1%; загальний стан збереження пам'яток археології в області — 2,7%; фінансування охоронних розкопок; взяття пам'яток на облік та під охорону держави; їх пропаганда засобами масової інформації — по 2,3%; визначення охоронних зон навколо пам'яток археології — 1,95%; оформлення охоронних договорів; підготовка, підвищення ква

ліфікації археологічних кадрів — по 1,64%; проведення археологічних конференцій, семінарів (в т. ч. і юнацьких) — 1,1%.

Слід зауважити, що увага, яка приділялася тій чи іншій проблемі не свідчить про ефективність її вирішення. Наприклад, питання про необхідність встановлення охоронних знаків було порушене у 1967 р., а виготовлені вони були лише у 1981 р. Встановлення ж розтяглося ще на кілька років.

На І (організаційній) конференції обласної організації Товариства висловлювалася стурбованість станом збереження Більського городища, проте спроби «пробити» для нього статус заповідника позитивного результату не дали, і навіть про припинення руйнування цієї унікальної пам'ятки археології говорити не доводиться. Взагалі ж, викликає занепокоєння той факт, що лише 33% всіх рішень виконано повністю, частково було виконано 37% рішень, 30% залишилися невиконаними зовсім.

Причини невиконання: вина виконавців — 48,2% (це свідчить про недостатній контроль керівних органів облорганізації за реалізацією своїх рішень), недостатнє інформаційне забезпечення для прийняття рішень, коли були відсутні реальні передумови для їх виконання — 31,3%, відсутність попереднього погодження з тими установами, організаціями, до яких облорганізація зверталася з клопотанням виконати якусь справу — 14,5% (до речі, всі рішення облорганізацією приймалися самостійно), нереальні строки виконання — 6%. Часто причин невиконання було декілька.

Запланований хід виконання рішень: виконувати президії правління — 18,5%; доручити виконання секції пам'яток археології при облорганізації — 15,1%; виконувати правлінню облорганізації; виконується самим рішенням (організаційні питання, значна частина фінансових питань) — по 11,8%; облорганізації виконувати спільно з іншими організаціями — 7,7%; звернутися з клопотанням до управління культури; доручити виконання окремій особі; виконувати спеціально створеній комісії, робочій групі, експедиції — по 5%; звернутися до Республіканського правління Товариства; виконувати апарату правління; всім міськрайорганізаціям; окремим міськрайорганізаціям — по 4,2%; звернутися з проханням до виконкому обласної Ради народних депутатів; виконувати секціям пам'яток археології райміськорганізацій — по 1,7%.

Розрахунковий строк дії документів: протягом 1 року — 63%; 1—2 р. — 6%; 3—5 р. — 2%. Строк дії 29% рішень важко визначити.

Конкретними можна визнати лише 42% документів (такий високий % дала значна кількість фінансових питань), решта — або неконкретні взагалі, або мають лише окремі конкретні розділи.

Більшість рішень стосуються традиційних напрямків діяльності Товариства або стандартних питань (виділення коштів, звіти голів секцій, правлінь міськрайорганізацій). За принципово новими проблемами прийнято менше 5% документів.

66% всіх документів повторюють або розвивають раніше прийняті рішення, 3% їх заперечують, у 9% взаємозв'язок з раніше прийнятими рішеннями відсутній. 22% дублюють рішення партійних та державних органів або існуючий організаційний порядок.

Проведений аналіз показує, що робота керівних органів облорганізації Товариства характеризувалася недостатньою самостійністю у виборі напрямків і методів діяльності, неконкретністю прийнятих рішень, відсутністю контролю за їх виконанням. Подолання цих негативних явищ, безсумнівно, сприяло б поліпшенню справи охорони пам'яток археології на Полтавщині.

ІСТОРІЯ ВИВЧЕННЯ І ДОСЛІДЖЕННЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ ПАМ'ЯТОК ПОЛТАВЩИНИ

Е. А. ЛИНЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛТАВЩИНЫ ЧЛЕНАМИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НЕСТОРА-ЛЕТОПИСЦА

Всплеск национального самосознания после отмены крепостного права способствовал созданию ряда научных обществ по изучению прошлого России. Одним из таких было Историческое общество Нестора-летописца, созданное в 1873 году, а с 1874 работавшее при Киевском университете св. Владимира и ставившее своей целью разработку русской и всеобщей истории вообще и истории Украины (Малороссии) в частности. Идея создания такого общества в Киеве была выдвинута еще М. А. Максимовичем в 40-х годах, в силу разных причин была реализована после его смерти.

Членами Общества были такие известные историки как Костомаров Н. И., Иконников В. С., Антонович В. Б., Владимирский-Буданов М. Ф.; Котляревский А. А., Багалей Д. И. и многие другие. Число членов из года в год возрастало. Его членами были ректоры и ученые других университетов (Московского, Петербургского, Варшавского, Тартусского, Харьковского и др.), а также преподаватели гимназий. Оно поддерживало тесные научные связи с аналогичными обществами Москвы, Петербурга и других городов.

Круг вопросов, над которыми работали члены общества, чрезвычайно широкий — история, археология, краеведение, история права, история церкви, нумизматика, литература, фольклор и т. п. За время своего существования при Киевском университете (до 1917 г.) оно издало 24 книги в 48 выпусках (1879—1914 гг.) «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца».

Рассматривая ежегодные опубликованные отчеты о его деятельности, мы убеждаемся в той огромной положительной роли, которую оно оказывало на воспитание и просвещение широкого круга населения, взяло на себя функции охраны памятников истории и культуры. Выработали и разослали по всей территории Украины «Программу для собирания сведений о древностях». Между членами общества были распределены губернии для обследования памятников до XVIII в. Полтавская губерния была поручена В. И. Василенко, О. И. Левицкому, В. Г. Ляско-

ронскому и Стороженко. Нам следует помнить, что эти люди были первыми, кто начинал эту работу. На местах активно подключались к изучению родного края другие члены Общества — С. А. Мазараки, Л. В. Падалка, В. П. Горленко. Неоднократно на страницах «Чтений» мы встречаем работы по Полтавской губернии, такие как: «О раскопках в окрестностях Лубен» Ф. И. Каминского (кн. 2, ст. 218); «О раскопке, произведенной г. Сабанеевым в Полтавской губернии» (кн. 2, ст. 272); «О раскопках, произведенных летом 1889 вместе с проф. Самоквасовым в Роменском уезде Полтавской губ.» И. А. Линниченко; «Об археологической находке в Чигиринском уезде» А. А. Котляревского (кн. 2, ст. 149); «О раскопках, произведенных в Роменском уезде» С. А. Мазараки; «О музее г. Мазараки» П. В. Голубовского и др. В «Отчете о поездке в Глухов Н. Ф. Беляшевского» узнаем, что в этой же поездке он был и в Полтавской губернии с обследованием, но отчет об этом, к сожалению, не опубликован. Безусловно интересна дальнейшая судьба археологических коллекций, найденных на Полтавщине, но автор этих строк может лишь констатировать, что в Киевском университете сегодня их нет.

Особо хочется остановиться на кн. XVI вып. I—III 1902 года издания, которая полностью посвящена памяти Н. В. Гоголя. Интереснейшей является статья И. М. Каманина «Научные и литературные произведения Н. В. Гоголя по истории Малороссии». До нас, к сожалению, не дошла «История Малороссии» Гоголя, но из переписки Гоголя с Максимовичем и др. мы узнаем, с каким жаром и интересом работал он над нею и как требовательно относился к этому научному труду. Его интересовало все: «каким образом отделилась эта часть России (т. е. Малороссия), какое получила она политическое устройство, находясь под чуждым владением; как образовался в ней воинственный народ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвигов, каким образом он три века с оружием в руках добывал права свои и отстоял свою религию; как присоединился к России...». Так глубоко и широко ставил Гоголь задачи по истории Украины, с осуждением говорил о предыдущих историках, которые «не указали до ныне этому народу место в истории мира». Вот чего хотел выдающийся писатель: указать место в мировой истории украинского народа, что для 1834 года было невыполнимо, говорит Каманин.

Н. В. Гоголь собирал не только материалы по истории Малороссии, но и этнографические и археологические. Так, в письме к родным от 12 ноября 1829 года он пишет: «Ради Бога если будете иметь случай, собирайте все попадающиеся вам древние монеты и редкости, какие отыщутся в наших местах, стародавние старопечатные книги, др. какие-нибудь вещи-антики, а особенно стрелы, которые во множестве находимы были в Пле. Я помню их целыми горстями доставали. Сделайте милость, пришлите их...».

Большой вклад внесли в изучение истории Украины первопроходцы — члены Исторического общества Нестора-летописца при университете св. Владимира в Киеве. На наш взгляд, весьма полезно было знать и в чем-то даже перенять опыт научной и просветительской работы наших предшественников, который сейчас может пригодиться.

К. К. ВАСИЛЬЕВ

И. С. ОРЛАЙ И ЕГО ИНТЕРЕСЫ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ

Имя Ивана Семеновича Орлая (1770—1829) — ученого-медика, деятеля просвещения, воспитателя и врача Н. В. Гоголя широко известно. Получив разностороннее образование, владея древними языками (по свидетельству И. Г. Кулжинского его «почитали (и справедливо) первым латинистом того времени в России»), он живо интересовался историей и археологией.

И. С. Орлай был связан и с Полтавщиной, где в Миргородском уезде недалеко от поместья матери Гоголя (он был знаком с родителями писателя) имел маленькое имение — 6 душ мужского пола крестьян, приобретенное им в 1821 г.

Жизнь и деятельность И. С. Орлая в России естественно распадается на три периода: петербургский (1791—1821), нежинский (1821—1826) и одесский (1826—1829). (Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. 405, оп. 1, л. 158, лл. 859—872).

В столице, где Иван Семенович получил высшее медицинское образование, он служил помощником ученого секретаря медицинской коллегии, придворным врачом, ученым секретарем Медико-хирургической академии. В петербургский период он

обзавелся семьей и тогда же появились на свет его дети: Екатерина (р. 1798), Михаил (р. 1803), Александр (р. 1805), Анна (р. 1806), Мария (р. 1807), Елизавета (р. 1810) и Андрей (р. 1813).

И. С. Орлай занимался поисками прародины венгров. В одном из писем в Венгрию он писал, что, поселившись в России, у него появилась возможность изучить родственные венграм народы. Как отмечал И. С. Орлай, в Лапландии и в Финляндии, на Кавказе и на Урале, везде убеждаешься, что сохранились следы живших когда-то здесь предков венгров. В степях, раскинувшихся между Доном, Кавказским хребтом и Каспийским морем, он знакомится с остатками древнего города Мадьяр (Л. Тарди, 1959). Здесь надо отметить, что, наряду со сбором минералогических и ботанических коллекций, Иван Семенович собирал и древности.

В формулярном списке И. С. Орлая, который хранится в ЦГВИА СССР и на который мы выше сослались, отмечено, что он был «разных ученых обществ член». По нашим подсчетам — девяти. Он сотрудничал и со старейшим археологическим обществом в нашей стране — Московским. В 1809 г. И. С. Орлай был избран «экстраординарным» членом Общества истории и древностей российских при Московском университете, в 1811 г. признан «соревнователем» общества, а в 1823 г. принят в действительные члены «в уважение отличной его любви и ревности к отечественной истории и древностям». В 1812 г. и 1824 г. этому обществу он принес в дар «значительное число» книг и рукописей, за что получил благодарности общества.

Выслужив пенсию, И. С. Орлай стал искать возможности заняться педагогической деятельностью. В 1821—1826 гг. он директор Нежинской гимназии высших наук, а с 1826 г. до последних дней своей жизни — директор Ришельевского лицея. В это время проявлялся особый интерес к античным древностям в связи с изучением вошедших в состав России Причерноморских степей. Феньвеши Иштван (1985) пишет, что в одесский период И. С. Орлай сообщал на страницах венгерских газет об интереснейших археологических открытиях, осуществленных на Черноморском побережье.

Деятельность И. С. Орлая в области археологии требует дальнейшего изучения.

С. И. ПОБОЖИЙ

ХАРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ДО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ (XIX — нач. XX вв.)

Образованный в 1805 году Харьковский университет на протяжении целого столетия был центром научной мысли юга России. Особенно плодотворными были достижения университетских ученых в гуманитарных дисциплинах. Во многом этому способствовало преподавание теории и истории искусств, истории археологии и эстетики. И несмотря на то, что долгое время, вплоть до конца XIX века, эти курсы читались нерегулярно, все же многие преподаватели знакомили студентов с результатами археологических разведок и раскопок, собраниями крупных археологических музеев. Вначале, в основном, это были разнообразные энциклопедические курсы. Профессор Я. Я. Белен де Баллю преподавал не только греческую грамматику, но и греческую археологию; профессор А. А. Умляуф — римские древности и эстетику. А. Г. Рейниш знакомил с археологией всеобщей истории. Специалист по греческой литературе, он же — заведующий мюнц-кабинетом А. О. Валицкий читал лекции специально по греческим древностям. Интерес к археологии усилился с образованием в университете историко-филологического общества в 1877 году. Задача общества состояла в распространении исторических и филологических знаний не только в научной среде, но и в различных слоях общества. Определенный интерес проявляется к изучению истории археологии, результатам археологических раскопок. На заседаниях общества рефераты по археологии читали: Д. И. Багалей (об одесском археологическом съезде, о VII археологическом съезде в Ярославле, о трудах VII археологического съезда в Москве, об археологических раскопках священника Спесивцева), В. П. Бузескул (о жизни и научных трудах Г. Шлимана). Е. К. Редин посвятил свои рефераты жизни и ученым трудам основателя христианской археологии Джованни Батиста де Росси, памяти Ле Блана, в которых он исследовал главнейшие труды ученого по археологии и истории искусства. Совместно с Н. А. Федоровским им был сделан

доклад «Могильник кургана слободы Сеньково Купянского уезда». Интерес представляют и две работы Е. К. Редина, посвященные обзору трудов по истории искусства и археологии А. И. Кирпичникова и Ф. И. Буслаева. Будучи специалистом по древнехристианскому и византийскому искусству, Е. К. Редин большое внимание уделял археологии, понимая, какой ценный материал для изучения истории искусства дают вновь открытые археологические памятники. О его знакомстве с новейшими исследованиями в этой области говорят многочисленные рецензии Е. К. Редина на работы А. И. Успенского, Н. П. Кондакова, а также обзоры библиографии по искусству и археологии в «Византийском временнике». Он также приветствует выход нового журнала по христианской археологии в Италии. Огромный стимул в развитии археологии дали археологические съезды. На многих из них присутствовала и делегация от Харьковского университета.

XII археологический съезд в Харькове (1902 г.) сыграл большую роль в становлении археологии на Левобережье Украины. В сферу изучения попали Левобережная и Слободская Украина, Новороссия, а также Донская и Кубанская области. К съезду были заявлены вопросы и запросы по археологии. Некоторая часть из них предполагала изучение и раскопки на территории Полтавщины. В одной из своих работ Е. К. Редин отмечал огромное значение подобных съездов для русской археологии, указывая, что съезд в Харькове будет настоящим научным праздником. Он писал, что «университетское преподавание археологии и общей истории искусства должно помочь успеху русской археологии». (Редин Е. К. История искусства и русские художественные древности. — Х., 1902, с. 2). Активно занимались историей археологии и практической археологией искусствовед Ф. И. Шмит и историк литературы Н. Ф. Сумцов.

После революции центр изучения памятников археологии перемещается в Археологический музей, организованный по инициативе Ф. И. Шмита, где с 1919 г. существовал археологический семинар под руководством А. С. Федоровского. В нем принимали участие Е. А. Никольская, Н. Е. Редин, А. В. Фюнер.

В. Е. КУРИЛЕНКО

К БИОГРАФИИ ТУРВОИА КИБАЛЬЧИЧА

На Черниговщине, в Мезинском археологическом музее, созданном в 1965—1989 гг., имеется комната высланного сюда из Полтавы в эпоху декабристов «политически опасного» поэта, любимого И. П. Котляревским актера — Максима Иваницкого. Он воспитал в революционном духе своего внука — Николая Кибальчича, бомбой которого был убит царь. Родственником Иваницкого являлся и археолог Турвон Венедиктович Кибальчич.

Когда умер Иваницкий, царский служака, конфисковав архив поэта (там были и письма И. П. Котляревского, его книга с автографом), заявил, что «имя его должно быть забыто потомками». А когда погиб на эшафоте Н. Кибальчич, на его близких обрушились гонения. У Кибальчичей взяли расписки о том, что ни их дети, ни внуки никогда не должны были услышать из их уст имени Николая. Не миновали гонения и Турвона, проводившего раскопки Чернигова за три года до казни Николая. Поэтому сведения о Турвоне Кибальчиче довольно скупы. Известно, что он, как и Иваницкий, имел связи с Полтавщиной, вел археологические раскопки, был одним из первооткрывателей древностей Чернигова.

О его работах писали «Черниговские епархиальные ведомости» (1878, № 25), Д. Я. Самоквасов, Д. И. Блифельд, Б. А. Рыбаков (1949). Важно знать, кем был Т. В. Кибальчич — кладоискателем или исследователем. Известно, что в 1803 г. в Чернигове были срыты валы, а к 1876 г. и позже на их месте уже происходили крупные обвалы высоких обрывов р. Стрыжень. Так обнажились четыре каменные стены до 1,8 м толщины, обрушившиеся своды неизвестного тогда, видимо, разрушенного Батыем Благовещенского собора. Сюда устремились кладоискатели. Они нашли клад гривен, золотые, серебряные браслеты, серьги и пр. Поэтому «местный любитель старины» Т. В. Кибальчич, а затем Д. Я. Самоквасов провели охранные раскопки. Их продолжили в 1909 г. (через 18 лет после начала гонений на Кибальчичей и казни народовольцев) П. С. Кармалей и М. А. Сахновский. Последние обвинили Т. В. Кибальчича и Д. Я. Самоквасова в «полном несовершенстве» упомянутых раскопок. Но по данным Б. А. Рыбакова, «крайне несовершен-

ны были» методы раскопок Кармалея и Сахновского. Они в описании раскопок не соблюдали элементарных правил точности. Эти раскопки «вызывают недоумение и досаду» (Рыбаков, 1949, с 69).

Все же, работы Т. В. Кибальчича дали много. Были изучены стены храма, 20 захоронений, украшенные мозаикой склепы и др. По мнению Б. А. Рыбакова «наука должна быть благодарна Кибальчичу», так как его раскопки «позволяют воссоздать ту часть здания собора, которая сейчас уже совершенно разрушена». Отсюда вытекает, что обвинения Т. В. Кибальчича в его полной некомпетентности шло в русле официальной идеологии — гонениях всего рода Кибальчичей. Турвон был потомком руководителя повстанческого отряда сербов — священника Федора Кибальчича, которого приютила братская Россия (Рувимская пустынь — монастырь у г. Сосницы на Черниговщине) после разгрома повстанцев турками.

А. Б. СУПРУНЕНКО

В. Б. АНТОНОВИЧ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ПОЛТАВЩИНЕ

Известный украинский дореволюционный историк, археолог и этнограф Владимир Бонифатиевич Антонович (1834—1908), профессор Киевского университета и председатель Исторического общества Нестора-летописца, произвел ряд археологических исследований на Полтавщине. Лишь небольшая часть сведений об этих работах была опубликована. А получить полный реестр данных обо всех раскопках и разведках одного из первых исследователей археологических памятников края казалось вовсе невозможным. Тем не менее, сам В. Б. Антонович счел необходимым составить краткий обзор своих работ на территории Полтавской губернии. Эти сведения он предоставил полтавскому краеведу и археологу, этнографу и музейному работнику Ивану Антоновичу Зарецкому (1857—1936) по его просьбе в 1893 году. Автограф В. Б. Антоновича сохранился среди бумаг И. А. Зарецкого в Оренбурге и ныне хранится в

Полтавском краеведческом музее (ПКМ 66121, Д 8884/28а). Письмо написано ученым на 1,5 листа почтовой бумаги ровным аккуратным почерком черными чернилами.

Сведения о характере работ и находках дополнены перечислением археологических находок, происходящих с территории Полтавщины в Музее древностей университета св. Владимира в Киеве и личной коллекции ученого. Впрочем, этот краткий каталог личного собрания В. Б. Антоновича — важный источник данных о происхождении предметов, составе коллекции. Интересные сведения можно почерпнуть в письме и о существовавших в 1850—1870-е гг. на Полтавщине небольших археологических собраниях историка М. А. Максимовича и помещика П. С. Щетинского.

Безусловно, лаконичное перечисление находок с данными об их происхождении является ценным источником для археологов, изучающих памятники лесостепного Левобережья, может быть использовано при подготовке статей для «Сводов памятников» современных Полтавской, Сумской и Черкасской областей. Прилагаемый полный текст письма не нуждается в комментариях: он по-современному информативен.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«1893. Января 22

Киев

Многоуважаемый, Иван Антонович!

В ответ на Ваше письмо от 28 октября я, к несчастию, могу Вам сообщить только самые ничтожные сведения. Мои экскурсии слагались так, что редко и только случайно мне приходилось заезжать в Полтавскую губернию. Раскопок на ее площади сколько-нибудь связных и систематических я не делал. В 1878 году я раскопал 6 курганов в группе у Аксютинец (Роменск. у.). Подробностей не буду Вам сообщать, Вы их знаете по позднейшим раскопкам в той же группе гг. Мазараки и Самоквасова. В 1883 я раскопал 1 курган (в группе их было 6) у села Середовки Прилуцкого уезда, но не нашел в нем ничего, кроме разрозненного скелета. В 1889 раскопал одну большую могилу (в группе их было 13) у с. Великой Кручи Пирятинского уезда (раскопанная называлась **Куценкова могила**, другая могила в

группе называется **Попова**). Нашел в ней скелет, окрашенный охрою — один из типов погребения каменного века[1]. В 1891 у Бубновской Слободки Золотоношского уезда я исследовал городище, так называемое «Чайковского», по моему мнению, судя по контурам, относящееся к княжескому периоду нашей истории[2].

Вот и все мои отрывочные набеги на Полтавскую губернию. Все заметки об археологических памятниках Полтавской губ., какие мне случалось выписывать из книг, записать по личному наблюдению или со слов местных жителей, находятся теперь в Полтаве у Виктора Ивановича Василенко, которому я сообщил весь, имевшийся у меня исторический материал для Полтавщины, в том числе и археологические заметки[3]. Если найдете нужным, обратитесь к нему и выберите те сведения, которые будут годны для Вас; обратите внимание, что среди массы карточек те, которые содержат сведения по археологии, отмечены красными крестиками. Наконец, в дополнение шлю Вам при этом перечень предметов, найденных в Полтавской губ., хранящихся как в университетском Киевском музее, так и в моей частной коллекции. Простите скудность сообщаемого материала и примите выражение моего глубокого уважения.

В. АНТОНОВИЧ.

а) **Предметы, хранящиеся в университ. музее.:**

Переяславль. Два обломка стеклянных браслетов; железное копье; 3 железных стрелы; нижний обломок створки бронзового энколпиона.

с. Кучаков Переясл. у. Полированный молот-топор из глинистого порфира с просверлиною;

Золотоношский у.: а) **Прохоровка.** Молот-топор с просверлиною из грюнштейна; Молот-топор с просверлиною из шлифштейна. Коллекция М. А. Максимовича, составленная из предметов, найденных в песчаных россыпях у Прохоровки: 6 кремневых стрел, 2 кремневых ножика; 8 двухгранных и 186 трехгранных бронзовых стрел; 2 железные стрелы. Полированный молот-топор из диорита[4].

в) **Дерев. Мохнач** — трехгранная бронзовая стрела.

Г. Хорол. Бронзовая статуэтка, изображающая человека в древнем славянском костюме (найдена на берегу реки 1861 г.).

Роменский у. Аксютинцы. Предметы из раскопанных мною 6 курганов в 1878 г., а именно: железные: 2 ножика, копье, иголка, гвозди[5]; бронзовые: проволоки, булавка, 2 браслета, 2 стрелы. Круглый отделанный метательный камень; 2 костяные кружка; бусы: янтарные, стеклянные, глинистой композиции, сердоликовая. Кусок реальгара, кусок серы, масса железного шлака, комки терракотовой глины, обугленный шелковый кокон. — Глиняный маленький горшок, такой же светильник. Терракотовая, орнаментированная черными полосками слезница. Глиняный горшочек. Более 100 экземпляров, бывших в этом горшочке cuprae monetae с вырезками на задней части раковин.

б) **Предметы древности в моей коллекции.**

Переяславль: 6 пряслиц из каменного шифера.

Золотоношский уезд.

а) **с. Лебеховка:** 5 наконечников кремневых стрел; кремневое острие; 15 двухгранных, 85 трехгранных, 4 четырехгранных и 1 коническая бронзовых стрел; 4 ромбовидных и 1 трехгранная железные стрелы; бронзовые: пряжка, 10 трубочек и 2 бляшки; 2 свинцовые привески, патиновое зеркало; железные: удочка, гарпун, шпора, 2 стремян, кольчуга; низка бус янтарных, стеклянных и глиняных; бронзовые: 2 фибулы и 4 бубенчика; обломок серебряной орнаментированной бляхи; часть бронзового энколпиона; все эти предметы были собраны частью на стоянках, частью в раскопках могил (дневники не сохранились) помещиком Щетинским (1850—1870 гг.)[6].

в) **Прохоровка.** Кремневая стрела, кремневое острие, трехгранная бронзовая стрела, 4 трехгранные железные стрелы; найдены в песчаных россыпях.

с) **Коврай:** горшок и черепки 3-х других, обломки костяного орудия, костяное кольцо; из раскопок проф. Лучицкого (1880 г.).

д) **Мойсенцы.** — 9 глиняных грузил.

Кременчугский у. — Жолнин: 2 двухгранных и 7 трехгранных бронзовых стрел.

Кобелякский у. — Переволочна. 1 трехгранная бронзовая стрела.

Зеньковский у. Солновщина. Диоритовый молот-топор с просверлиною полированный.

Роменский у. а) **Перекоповка** — черепки сосудов, собранные на стоянке каменного века.

в) **Поповка:** трехгранная бронзовая стрела; привеска полупрозрачная в форме полумесяца из зеленоватого камня, украшенная орнаментом (раскопка г. Мазараки).

с) **Медвежье:** длинный, прямой обоюдоострый меч, вырытый крестьянами из кургана (1886).

д) **Коржи:** 6 маленьких глиняных сосудов; большая низка бус глиняных и стеклянных, 2 бронзовых гвоздя, глиняная пряслица, костяное украшение, железные гвозди (раскопки г. Мазараки).

Прилукский у. Малки. Обломки железных: кинжала, удил и копья, бусса горного хрусталя. Из раскопанного крестьянами кургана».

[1]. К каменному веку В. Б. Антонович относил погребения ямного времени.

[2]. Осмотру подвергался крупный майдан.

[3]. В. Б. Антонович передал своему ученику В. И. Василенко (1839—1914), известному этнографу и статистику, свои выписки по Полтавщине, которые последний использовал неоднократно, в т. ч. и при подготовке статей для энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.

[4]. Коллекция М. А. Максимовича (1804—1873) экспонировалась на выставке III Археологического съезда в Киеве в 1874 г.

[5]. «Гвоздями» В. Б. Антонович называет гвоздевидные булавки скифского времени.

[6]. Коллекция П. С. Щетинского также экспонировалась на выставке III Археологического съезда, будучи подаренной В. Б. Антоновичу.

Е. В. МАХНО, О. Е. ФРАНКО

В. В. ХВОЙКО И ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
(К 140-летию со дня рождения)

В 1990 году исполняется 140 лет со дня рождения известного ученого археолога Викентия Вячеславовича Хвойко. Его деятельность связана с последней четвертью XIX и началом XX столетия. Чех по национальности, он принадлежал к числу наиболее уважаемых фундаторов украинской археологии. Нет ни одного раздела этой науки, в котором В. В. Хвойко не внес свой весьма весомый вклад.

Однако, особой его заслугой является не только открытая им, на грани двух столетий, но и правильно интерпретирован-

ная широко известная черняховская археологическая культура. До сих пор в археологии Европы первого тысячелетия она остается наиболее ярким явлением. Скупые данные из биографии В. В. Хвойко свидетельствуют, что он принадлежал к трудовой интеллигенции. Он родился в 1850 году в Чехии (местечко Селине). Образование получил в коммерческом училище в городе Хрудиме. В 1864 г. переехал в Прагу. Большую часть жизни он провел на Украине, начиная с 1876 года, когда он появился в Киеве в возрасте 26 лет. Средства к жизни он зарабатывал, преподавая в средних школах немецкий язык и рисование.

Даже эти очень лаконичные сведения позволяют предполагать, что Родину он покинул не ради веселой прогулки, и всю жизнь был стеснен в материальных средствах.

Однако, с ранней юности его увлекает особый интерес к истории. Есть сведения, что еще в Праге, куда он переехал в возрасте 14 лет, он входил в круг любителей старины.

Естественно, что В. В. Хвойко не мог не знать об учении П. Й. Шафарика о славянах, а также то, что П. Й. Шафарик с 1839 года был членом-корреспондентом Российской Академии наук, и что первый перевод трудов П. Й. Шафарика был осуществлен в России. Не исключено, однако, что образ этого ученого стал для юного В. В. Хвойко образцом в его будущей трудовой деятельности, которая подняла его до высот науки.

Середина и вторая половина XIX века была временным пробуждением всеобщего интереса ко всем отраслям науки и это способствовало появлению в среде имущих классов меценатов, которые материально поддерживали энтузиастов-исследователей и способствовали накоплению научных ценностей, которые сосредотачивались во вновь открываемых музеях. Таких меценатов было достаточно и в Киеве, особенно в среде сахарозаводчиков.

Следовательно, обстановка здесь в общем благоприятствовала эмигранту из Чехии. Он имел возможность общаться не только с любителями старины, но также с представителями науки, археологами. Примером такого археолога может быть В. А. Городцов, вместе с которым В. В. Хвойко проводил раскопки. Известно также, что ученый с мировым именем Ф. К. Вовк очень благожелательно относился к даровитому и трудолюбивому чеху и всячески его поддерживал. Благодаря Ф. К. Вовку первые ра-

боты В. В. Хвойко по палеолиту приобрели общеевропейскую известность.

Материальную базу для полевых исследований и последующей камеральной обработки для В. В. Хвойко предоставляли, главным образом, любители старины, меценаты. И когда на собранные любителями средства было построено помещение городского музея, первым его смотрителем был назначен В. В. Хвойко. Будучи смотрителем этого музея В. В. Хвойко напечатал и свою последнюю итоговую работу «Древние обитатели среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена».

В архивных делах Института археологии АН УССР хранится 2645 единиц, материалы относящиеся к 1893—1914 годам. Среди них есть и добытые на Полтавщине. Однако, с горечью нужно признать, что какая-то часть дневников о раскопках в Черняхове и Белгородке, которые перед смертью В. В. Хвойко передал В. Е. Козловской, в этот фонд не поступили. Они, вероятно, рассеялись в бурлящих волнах Отечественной войны. Следовательно, часть бесценных материалов В. В. Хвойко в архиве, к сожалению, отсутствует.

В короткое время В. В. Хвойко стал первооткрывателем таких ярких археологических культур, как трипольская, зарубинецкая, черняховская (последние две культуры — зарубинецкая и черняховская фигурировали у автора открытия под общим названием «поля погребений»). В. В. Хвойко время существования и уровень общественного развития, а также место этих культур в историческом процессе Приднепровья в основном определил правильно.

При всей значимости новооткрытых культур особое место, как уже упоминалось в начале, принадлежит культуре черняховской.

Исследуемый в 1899—1901 годах В. В. Хвойко могильник, давший название культуре, расположен на северо-восточном склоне высокого плато в урочище Окип у с. Черняхов, ныне Кагарлыкского района Киевской области.

По подсчетам автора раскопок на вскрытой им площади 7 тыс. м^2 располагалось, по его мнению, более 600 погребений.

Весь облик материальной культуры, сопровождающей погребения, свидетельствовал о высоко развитой культуре общества, остатками которой эти погребения являлись. Вся посуда, в частности, была только гончарной. Некоторые ее образцы по-

ражали совершенством форм и орнамента. Каждая деталь в отдельности и весь комплекс находок вместе поражали цельностью и устойчивой монолитностью, свидетельствуя не только о высокой культуре, но и многочисленности народа, остатками которого являются раскопаные погребения.

Весьма критически относящийся к своим выводам, но обладающий огромным опытом и крепкими знаниями материальной культуры всех исторических периодов общества на Поднепровье, пятидесятилетний В. В. Хвойко понимал, что данные находки не позволяют ошибиться — могильник мог быть остатками того народа, который жил в первом тысячелетии на Поднепровье, и это могла быть только восточная ветвь ранних славян. Публикации этих материалов В. В. Хвойко посвятил специальную статью.

Именно это открытие позволяло на ярких примерах материальной культуры блестяще подтвердить теоретические выкладки соотечественника В. В. Хвойко, основателя славяноведения П. Й. Шафарика, гений которого позволил в упорном труде скрупулезно проработать, сопоставив друг с другом, множество письменных первоисточников, в том числе, и в первую очередь, относящихся к истории ранних славян.

Именно это открытие, подчеркивая всю основательность славяноведческой науки, обязывает нынешних ученых имя В. В. Хвойко поставить рядом с именем гениального П. Й. Шафарика. Оба они, поднявшись на вершину науки, прославили свой народ.

Большую половину своей жизни и почти все свои годы напряженного творческого труда В. В. Хвойко прожил на Украине, объединив в благородном стремлении к истине усилия двух дружественных и, вероятно (еще со времен черняховской культуры), родственных славянских народов.

Он заслужил самые глубокие чувства уважения и благодарности украинского народа.

Но, несмотря на то, что в силу трудно сложившихся обстоятельств появилось поколение, которое пытается придать забвению труд гениев, указанная годовщина напоминает, что яркая звездочка В. В. Хвойко по-прежнему еще горит ровным, немеркнущим светом и призывает к поиску.

Д. Е. МАКАРЕНКО

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГА И ИСКУССТВОВЕДА Н. Е. МАКАРЕНКО

Уроженец с. Москалевки Роменского уезда бывшей Полтавской губернии Николай Емельянович Макаренко (4.02.1877—4.01.1938) окончил Центральное училище технического рисования в С.-Петербурге (1897—1902) и Петербургский Археологический институт (1903—1905). Работал ассистентом помощником хранителя и заведующим античным отделом Эрмитажа, преподавателем в Школе Общества Поощрения художеств, Первом реальном училище и Высших женских архитектурных курсах в Петербурге. Принимал активное участие в исследовании архитектурных памятников старины и археологических исследованиях в различных регионах России. Состоял членом Совета Российской археологической комиссии и многих губернских ученых архивных комиссий, в том числе и Полтавской.

Деятельность ученого тесно связана с родной Полтавщиной. Симптоматично, что первая его научная статья «Художественно промышленная керамическая школа имени Н. В. Гоголя в г. Миргороде» (1900) посвящена Полтавщине. В дореволюционный период Н. Е. Макаренко производил археологические исследования на Полтавщине почти ежегодно. Они касаются изучения материальной культуры различных эпох. Однако в археологическом мире Н. Е. Макаренко известен, прежде всего, как первооткрыватель славянских городищ так называемой роменской культуры (VIII—IX ст.). В 1912 г. южнее г. Полтавы сделано сенсационное открытие — случайно обнаружен комплекс золотых (25 кг) и серебряных (50 кг) изделий. «Клад» поступил в Эрмитаж и первичное его изучение производил Н. Е. Макаренко. В настоящее время существует гипотеза о принадлежности этого «клада» хану Кубрату протоболгарского царства, существовавшего на юге Украины в VII веке. В 1916 г. Николай Емельянович описывает предметы материальной культуры скифского времени из кургана близ с. Тишки Лубенского уезда. В научные планы ученого входило издание справочника по учету всех известных на территории Полтавской губернии городищ, курганов и других археологических памятников, для чего он подготовил и разослал по всем волостям специальный опросник

из 12 пунктов. «Приступая к изданию сведений по родной мне Полтавской губернии, я имел в виду снабдить их примечаниями, в которых были бы весьма желательны указания, когда и кем был исследован или раскопан тот или иной из перечисленных в сведениях памятник» (Макаренко, 1917, с. V—VI).

Исключительно важный вклад Макаренко в изучение памятников Киевской Руси и Украины XVII—XVIII веков. Великокняжеский период и время запорожского казачества в истории Южной России он называет периодами возрождения. В эти эпохи наука, культура, зодчество, искусство достигли наибольшего развития. Воспитанный на лучших традициях таких представителей художественного объединения «Мир искусств» как А. Н. Бенуа, С. П. Дягилев, Н. К. Рерих, И. Я. Билибин, В. А. Верещагин, Н. Н. Врангель, Н. П. Кондаков Н. Е. Макаренко стремился возбудить интерес к искусству прошлого, украинской истории и культуре, милосердию и состраданию, что весьма актуально и сегодня. «Забыта великая роль — просвещение, атрофировалось чувство сострадания к больным и бедным... Вместе с этими потерями лучших заветов древней Руси утрачено и чувство красоты, так щедро рассыпанной в бесчисленных произведениях древности» (Макаренко, 1914, с. 47).

Макаренко один из первых высоко оценил научное и воспитательное значение сохранившихся архитектурных памятников и энергично боролся за их сохранение для потомков. Как справедливы его слова сегодня: «Тяжело слышать, что лучшие и ценнейшие памятники-первоисточники погибают у нас на Руси. Заботу о сохранении их должно взять на себя государство, не жалея никаких средств. Гибель же таких памятников будет занесена в историю как государственное преступление лиц, ее допустивших» (Макаренко, 1908, с. 747).

В 1919 г. Н. Е. Макаренко переезжает на Украину. Его избирают председателем секции археологии и секции искусств Украинского научного общества, действительным членом Всеукраинского Археологического комитета ВУАН, директором Музея Искусств ВУАН. Преподает в Украинской академии искусств и Институте народного образования. В последние годы жизни возглавляет сектор рабовладельческого общества ВУАН. Участвовал в работе комиссии по снятию мозаик и фресок в Михайловском Златоверхом соборе и категорически отказался подписать акт на снесение собора.

Как и многие представители передовой украинской интеллигенции «расстреляного возрождения» по сфабрикованным обвинениям в 1934 г. Макаренко был репрессирован. Сначала его обвинили в «контрреволюционной деятельности, выразившейся в противопоставлении проводимым мероприятиям» и приговорили к трем годам вольной ссылки в г. Казань. В 1936 г. он был осужден к трем годам лишения свободы за «контрреволюционную работу и клевету в отношении вождя ВКП(б) и руководителей правительства». В декабре 1937 г. за «участие в кадетско-монархической контрреволюционной повстанческой организации «Союз спасения России», имевшей своей целью свержение советской власти путем вооруженного восстания» приговорен к высшей мере наказания.

Реабилитирован посмертно в 1960, 1965 и 1989 годах.

І. М. КУЛАТОВА, О. Б. СУПРУНЕНКО

АРХЕОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ І. А. ЗАРЕЦЬКОГО В ПОЛТАВІ

Одним з перших дослідників пам'яток археології Полтавщини був краєзнавець, археолог і етнограф Іван Антонович Зарецький (1857—1936). Уродженець с. Лютенька сучасного Гадяцького р-ну Полтавської обл. він більше 35 років свого життя віддав Полтаві, що стала його рідним містом. Самотужки краєзнавець освоїв ази археології та етнографії, музейної справи й організації виробничого процесу. В кінці 1880-х рр. І. А. Зарецький запрошується на службу у Полтавське земство, епізодично працює у складі підпорядкованого губернському земству Природничо-історичного музею, займаючи посади лаборанта, препаратора, помічника завідуючого (1891—1912). Він входить у склад фундаторів музею, є членом кількох наукових товариств Росії . (Павловский, 1912, с. 234—236; Пошивайло, 1989, с. 7—12, 50—52, Супруненко, 1989, с. 59—65).

Інтерес до найдавнішої історії краю призводить до знайомства дослідника з пам'ятками археології Полтави та її найближчих околиць, де у кін. 70—80-х рр. XIX ст. І. А. Зарецький здійснює свої археологічні екскурсії. Як наслідок дослідником першим розпочато вивчення археологічних об'єктів у Полтаві, Середньому і Нижньому Поворсклі (Кулатова, Су-

пруненко, 1989, с. 74—75). Лише окремі відомості про ці роботи були опубліковані автором (Зарецкий, 1912, с. 204—205) чи його колегами (Бучинсвич, 1891, с. 2; Макаренко, 1908, с. 203—207), про інші — залишилися згадки у роботах послідовників (Рудинський, 1928, с. 44—45, 57). Пропонований огляд археологічних знахідок І. А. Зарецького на території міста і публікація деяких матеріалів наводиться за документами нещодавно переданого у Полтаву особистого архіву дослідника (ПКМ 66121, Д 8884) і даними облікової документації Полтавського краєзнавчого музею.

На початку 1880-х рр. І. А. Зарецький, оглядаючи дюни узбережжя р. Коломак, натрапляє на місцезнаходження різночасових матеріалів біля хут. Триби і в ур. Біла Гора. Збори 1884 р. склали основу невеликої колекції речей, згодом переданих (1894) до земського музею (Олеховский, 1892, с. 17—18). Крім описів, збереглися фото цієї першої археологічної збірки Полтавського музею (Д 8884/226, 228, 239, 243, 246). Матеріали колекції та записи І. А. Зарецького дозволили М. Я. Рудинському 1923 р. обстежити і згодом опублікувати роботу про неолітичне поселення на Білій Горі (Рудинський, 1926, с. 4—11 та ін.).

З пам'яток, відкритих І. А. Зарецьким, походили 96 виробів з кременю, крім того 22 крем'яних, 49 бронзових і 17 залізних наконечників стріл, більше 30 уламків виробів із заліза, близько 100 фрагментів кераміки, скляні, склопастові, срібні намистини тощо (Олеховський, 1892, с. 17). Керамічні знахідки належали ліпному посуду пізньонеолітичного, пізньоямного, катакомбного і ранньоскіфського часу, круговому посуду XII—XIII ст. та кераміці XVIII—XIX ст. Серед знахідок було керамічне біконічне пряслице з двома зрізаними основами поч. 1 тис. н. е. та уламок ллячки (Д 8884/243). Переважна більшість крем'яних наконечників стріл належала трикутним двобічно обробленим виробам з невеликою виїмкою в основі, розповсюдженим в ямний час. Серед бронзових наконечників лише 4 відносилися до часу VII—VI ст. до н. е.; переважали стріли VI—V ст. до н. е. Майже всі залізні наконечники (14) належали стрілам IV—III ст. до н. е. Серед наконечників стріл виділялося залізне вістря стріли XIII—XIV ст. Вироби із заліза були репрезентовані також уламками ножів з горбатою спинкою (5) скіфського часу. Фрагментами ключів від замків, шила,

свердла, ножів давньоруського часу і пізньосередньовічної доби. З індивідуальних знахідок назвемо кам'яний «човник» видовженої підовальної форми з поперечним широким жолобком через центр (рис. 1, 1—6,7), уламки бронзової фібули черняхівської культури та середньовічну кочівницьку бронзову сережку (рис. 1, 11). Знахідки датовані І. А. Зарецьким добою кам'яного віку, скіфського часу і III—IV ст. н. е., що лише частково відображало широкий хронологічний спектр зібраної колекції.

Неподалік від хут. Триби розташоване с. Макухівка. Знахідки з його околиць зараз широко відомі за поданням І. А. Зарецького (Зарецький, 1912, с. 202, 204; Артамонов, 1970, с. 16; Смиленко, 1968, с. 165; 1975, с. 116, 117; Семенов, 1986, с. 32—35; 1989, с. 62—63). 1882 р. поблизу села хлопчиком-пастушком знайдене багате кочівницьке поховання перещепинського типу. І. А. Зарецькому вдалося купити лише кілька речей з цього яскравого комплексу (рис. 1, 9—10). Земському музею археологом були подаровані копії цих знахідок, що зберігалися у Полтаві до 1943 р. (Семенов, 1986, с. 32—33; 1989, с. 63). Щодо долі оригіналів, то, напевне, вони були продані дослідником у скрутну хвилину чи потрапили до Оренбурзького музею, де І. А. Зарецький працював останні роки життя. Цікаво, що золота монета Іраклія з Макухівки була датована І. А. Зарецьким VII ст. н. е. (Олеховський, 1892, с. 18; зрівн.: Семенов, 1986, с. 33). Та в подальшій інтерпретації комплекс втрачає наведене датування і вважається «скарбом» (Зарецкий, 1912, с. 204).

Біля Макухівки, на правому березі р. Коломак, І. А. Зарецьким знайдена створка бронзового енколпіона «давньоруського» часу, який за численними аналогіями датується XIV ст. (Д 8884/227; Супруненко, 1988, с. 9).

Доробок І. А. Зарецького на терені вивчення пам'яток найдавнішого минулого Полтави практично зовсім залишився поза увагою наступних дослідників. Завдяки І. А. Зарецькому збережені відомості про знахідки кісток викопних тварин в яру біля міського саду (парк Перемога) та зуба мамонта «на подвір'ї Орлова на Новому базарі» (Бучневич, 1891, с. 2). Ряд зафіксованих знахідок відносилось до роменського і давньоруського городища в Полтаві, яке дослідник вважав залишками літописної Лтави (Зарецкий, 1912, с. 205), локалізуючи її на місці Соборного майдану (Червона пл.) і невеликого мису корінного берега

Ворскли біля Миколаївської церкви (Першотравневий провулок), де знаходив кераміку та шиферні пряслиця (Бучневич, 1891, с. 2).

Під 1893 р. він наводить відомості про знахідку в історичному центрі міста скарбу срібних арабських дирхемів, що складався з «кількох сот монет» (Зарецкий, 1912, с. 205). Частина з них потрапила до земського музею. Ще один речовий скарб 1905 р. також не пройшов повз увагу дослідника. Він був одним з перших, хто тримав у руках виявлені при прокладанні водогону речі на Соборному майдані міста. Йому належить і фото скарбу, вміщене в 5-му випуску праць Полтавської Вченої Архівної Комісії (Д 8884/220), як ілюстрація до роботи М. О. Макаренка (Макаренко, 1908, с. 203—207). І. А. Зарецький відносив комплекс до X ст., що відповідає сучасному датуванню знахідки рубежем X—XI ст. (Корзухина, 1954, с. 79).

Завдяки досліднику збережена інформація про місцезнаходження некрополя Полтавського поселення X—XIII ст., який був розташований між Петровською пл. і рогом Олександрівської вул. (сучасні пл. Леніна та вул. Жовтнева), в т. ч. на місці колишнього старого будинку земської управи. Серед виявлених — кілька поховань. Перше з них розчищене І. А. Зарецьким 1891 р. при обстеженні провалу підземного ходу на подвір'ї Чоботарьова (подвір'я кафе «Коровай») на глибині 1,75 м. Скелет жінки знаходився у випростаному положенні головою на захід. Біля черепа виявлені дротові бронзові сережки (втрачені), на руках — круглодротовий із розімкненими кінцями, що заходять один за другий, та вузькопластинчастий замкнений перстні з мідного сплаву, в області грудей — 19 скляних циліндричних і біконічних позолочених намистин, поряд — бронзовий ремінний трійник-розділитель, орнаментований в центрі трьома рельєфними круглими виступами (рис. 2, 1—4). (Бучневич, 1891, с. 2; Зарецкий, 1912, с. 205; Рудинський, 1928, с. 57, табл. VIII, рис. 34). Поряд, на тій же глибині, було виявлене ще одне поховання із західною орієнтацією, але в зібганому положенні на правому боці. Обидва поховання датовані І. А. Зарецьким «не пізніше XII ст.» і були перекриті пізньосередньовічними нашаруваннями (Бучневич, 1891, с. 2). Третє поховання виявлене 1901 р. при земляних роботах перед будинком старої земської управи. Воно супроводжувалося двома «бронзовими лунницями, різнокольоровим і золоченим скляним та сердоліковим намис-

том та ін. предметами» (Зарецкий, 1912, с. 205), які не збереглися.

І. А. Зарецьким збиралися дані і про окремі археологічні знахідки на території міста. Відомості про виявлення римських і візантійських монет були передані дослідником В. Г. Ляскороиському і використані ним у своїх публікаціях (Ляскоронский, 1901; 1903). Невідомою залишилася знахідка мідної монети Гонорія, виявленої на подвір'ї поряд зі Спаською церквою (Бучневич, 1891, с. 2), що зберігалася у колекції Зарецького. Несподіваною знахідкою, виявленою 1904 р. при спорудженні фундаменту Полтавської водокачки неподалік від Панянського спуску, була пісковикова чоловіча половецька стела XII ст. Фото скульптури збереглося у архіві дослідника (Д 8884/221). Напевне, скульптура була перевезена до міста на поч. XIX ст. із степових районів Ворсклинського Лівобережжя. Досить цікавою знахідкою виявилася срібна сережка, малюнок (Д 8884/121) якої зберігався у архіві дослідника. Оригінал прикраси, знайденої на подвір'ї Романовського на Монастирській (тепер Радянській) вул. у 1908 р., датувався І. А. Зарецьким X—XI ст. і вважався східним за походженням; пізніше був проданий комусь із колекціонерів. Копія прикраси зберігається у Полтавському музеї, виріб належить часу XIV—XVI ст. (рис. 2, 5).

У березні 1899 р. Московське археологічне товариство видало на ім'я І. А. Зарецького свідоцтво на право ведення розкопок «могильників і курганів при роботах по будівництву залізниці Полтава—Київ, головним чином у місцях, що розташовані неподалік від Полтави і на місці Полтавської битви 1709 р.», а також «нагляду за археологічними знахідками» в зоні будівництва (Д 8884/7). Хоча сподіваних пам'яток не було виявлено, Зарецький здійснював систематичний нагляд за земляними роботами. Зберігся малюнок керамічних виробів XVIII—XIX ст., виявлених під час спорудження залізничного насипу поряд з Хрестовоздвиженським монастирем (Д 8884/101).

Завершуючи огляд археологічних робіт І. А. Зарецького у Полтаві, слід відзначити, що краєзнавець був першим дослідником пізньосередньовічних підземель міста. Ці роботи здійснювались епізодично у 1889—1891 рр. і були проведені настільки ретельно, що більшість послідовників на протязі століття

займалась сумлінним переписуванням результатів обстежень, опублікованих В. Є. Бучневичем (Полтавские подземелия (мины) //Полт. губ. ведомости, 1891.— №№ 53—55.—14, 17, и 21 июля. — С. 2). Вважаємо за необхідне навести основні висновки дослідника, що досить часто повторювалися у перекрученому вигляді.

Перший раз І. А. Зарецький потрапив у підземелля при будівництві будинку біля Спаської церкви по Олександрівській вул., де при спорудженні фундаментів доводилося заглиблюватись до 7 м, щоб заповнити провали ходів. На цій глибині й відзначено дослідником дно більшості оглянутих підземель (подвір'я Чоботарьова, Петровський майдан та ін.). Він відзначає, що розміри і будова підземель різноманітні. Переважно «склепіння підземель — у вигляді півкруглої арки», висота споруд варіює від 1,1 до 3 м, ширина ходів буває від 1,8 до 5,7 м. «Низькі й середні за розмірами ходи викопувалися» у материковому суглинку, більш високі і широкі — місцями ще на 2—3 м підкріплювалися цегляними і дерев'яними склепіннями. «Дерев'яні склепіння влаштовані на товстих дубових балках з таких же брусів і дошок, які збереглися настільки добре, що ... можуть бути використані», — повідомляв І. А. Зарецький. Він звернув увагу й на те, що на цеглі немає ніяких позначок і клейм, і «по вигляду вона не древніша XV ст.». Такі підземні споруди розміщались паралельно одна одній або перехрещувались, розходились, мали рукави і відгалуження. І. А. Зарецьким відзначені й інші конструктивні особливості, направленість ходів до Ворскли, крутих схилів корінного берега. Дослідникові при обстеженні не вдалося знайти ні одного предмета старше XVII ст. У заповненні споруд він не шукав дорогоцінностей і зброю, відзначаючи рештки ужиткових речей: биті саксонське фарфорове блюдечко, гутного виробництва штофи і пляшки з-під наливки або пива, керамічні курильні люльки, мідні монети Петра II і Анни.

В результаті огляду підземель І. А. Зарецький робить висновок, що споруди могли служити на випадок приходу ворога тимчасовим житлом, про що свідчить знахідка спорудженої у материку печі у стінці підземелля проти будинку колишнього земства. За даними І. А. Зарецького, частина підземель — ходи сполучення, пов'язані з функціонуванням Полтавської фортеці XVII—XVIII ст., більшість — випадково чи навмисне засипані льохи (Бучневич, 1891, с. 2).

Таким чином, аматорські розшуки І. А. Зарецького передували науковим дослідженням на території міста. Але, забезпечені документацією, вони мають першорядне значення для вивчення найдавнішого минулого Полтави. Розвинуті послідовниками — М. І. Гавриленком і М. А. Станом — ствердження І. А. Зарецького дозволили І. І. Ляпушкіну розпочати розкопки Полтавського городища (Ляпушкін, 1949, с. 58—75). Дослідником відкрито ряд археологічних пам'яток — поселення доби неоліту-бронзи біля хут. Триби і на Білій Горі, Макухівське поховання VII ст. тощо. А враховуючи масштабні розкопки курганів, діяльність І. А. Зарецького була фактично початком археологічних досліджень у Середньому та Нижньому Поворсклі.

Н. М. ВЫСТАВКИНА

ИЗ ПЕРЕПИСКИ И. А. ЗАРЕЦКОГО

Свыше 20 лет (1915—1936) прожил в г. Оренбурге Иван Антонович Зарецкий, археолог, этнограф, музейный деятель, много сделавший для прогресса русской и украинской культуры. Долгие годы до революции он жил на Украине, занимался научными исследованиями, был одним из основателей Полтавского краеведческого музея. И. А. Зарецкий прожил долгую жизнь (1857—1936), встречался и переписывался со многими замечательными современниками. Часть сохранившегося архива И. А. Зарецкого — его переписка. Она отражает интересы автора и его адресатов, сообщает некоторые сведения к их биографиям и пр.

С 1886 г. И. А. Зарецкий — член Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Одно из писем этих лет принадлежит академику Д. Н. Анучину (1943—1923), антропологу, этнографу, археологу, президенту этого общества. В письме 1887 г. Д. Н. Анучин благодарит И. А. Зарецкого за посылку для музея (по-видимому, Исторического. — Н. В.) «интересной коллекции стрел со значками». Анучин сообщает, что готовит статью, где думает воспользоваться присланными материалами, просит Зарецкого сообщить о новых находках. Вероятно, И. А. Зарецкий высылал Д. Н. Анучину какую-то свою работу, так как тот обещает Зарецкому

«доложить» его «труд, как это...обещал и исполнить в первом же заседании».

В 80-е гг. XIX века И. А. Зарецкий — обладатель коллекции редких древних вещей. Одно из писем 80-х гг. принадлежит М. П. Боткину, родственнику известных В. П. и С. П. Боткиных. Боткин пишет, что «слышал от Кочубея, что у Зарецкого есть много вещей древних и весьма интересных», интересуется составом коллекции, отдельные предметы которой он желал бы у Зарецкого приобрести.

В мае 1887 г. Общество предлагает И. А. Зарецкому выступить с докладом об археологических раскопках в Богодуховском уезде Харьковской губернии. Спустя годы, в 1927 г. сотрудник Исторического музея будет уточнять в письме правильность реконструкции колчанов, в свое время найденных Зарецким в ходе раскопок в Харьковской губернии.

В 1889 г. И. А. Зарецкий получает телеграмму от председателя Императорской археологической комиссии графа А. А. Бобринского с просьбой выслать свою коллекцию древних вещей «для представления на Высочайшее воззрение», чтобы потом отправить ее на выставку в Москву.

Переехав в 1915 г. в Оренбург, И. А. Зарецкий переписывается с бывшими полтавскими знакомыми. Один из его адресатов — Н. И. Гавриленко, сотрудник Полтавского музея. «Очень рад получить письмо от старого друга, — пишет Гавриленко, — Вас, конечно, помню...». Он обещает И. А. Зарецкому работу в своем музее («...с нового оперативного года вернетесь в милую Полтаву»), сообщает кое-какие сведения о себе, отдельных сотрудниках Полтавского музея. Просит прислать ему шкурки некоторых птиц. В конце письма заверяет: «Как только соберу свои печатные работы, сейчас же пришлю Вам на утешение».

В 1927 г. И. А. Зарецкий получает письмо от А. А. Спицына (1858—1931), археолога, члена-корреспондента АН СССР. Письму Спицына предшествовала просьба Зарецкого выслать ему карту Оренбургской губернии. Письмо И. А. Зарецкого — для Спицына приятная неожиданность: «Так было удивительно получить это известие! Вы уже так давно скрылись с археологического горизонта. Ваш атлас и Ваши вещи в сохранности в Историческом музее. Я их видел месяц назад и кое-что для себя зарисовал».

В 30-е гг. печатаются многие работы Д. К. Зеленина

(1878—1954), фольклориста, диалектолога, этнографа, члена-корреспондента АН СССР. В 1930 г. он пишет Зарецкому письмо: «Я получил Вашу интересную статью «Растения в понятиях народа» и с большим интересом ее прочел». (Можно предположить: в статье И. А. Зарецкого шла речь о терминологии растений, об отражении темы растений в поэзии. — Н. В.). Тема работы Зарецкого слишком обширна для готовящегося словаря. Зеленин советует ему дать более конкретный материал или обещает сделать ссылки в будущем словаре на материалы И. А. Зарецкого, когда пойдет речь о поверьях и легендах. Интересен ответ И. А. Зарецкого (в архиве сохранился черновик его письма): он не согласен на сокращения своей работы, так как при этом часто искажается основная мысль, горько сетует на недостаток денежных средств, что препятствует «приведению в приличный вид» его материалов. Из черновика ответа узнаем также, что этнографическая работа И. А. Зарецкого написана на полтавском материале.

В 20—30 гг. И. А. Зарецкий предпринимает частые археологические экспедиции на территории Оренбургского края.

С середины 20-х гг. в Поволжье и Приуралье ведет археологические раскопки Б. Н. Граков (1899—1970), известный советский археолог, профессор МГУ. Они знакомы, часто встречались. В одном из писем 1934 г. Б. Н. Граков вспоминает раскопки Зарецкого 1929 г. на Белошапочном, просит сделать для него культурный набросок позднекочевнических вещей оттуда: «Это мне крайне необходимо в связи с обработкой интересующего материала экспедиции этого года...». В конце письма он извиняется: «...Не сердитесь, что ничего не писал с раскопок и не зашел на обратном пути в Оренбурге...».

Одно из писем 1935 г. в архиве И. А. Зарецкого привлекает особенной теплотой. Автор — М. А. Гра, слушательница Высших музейных курсов, дочь одного из ведущих членов бывшей Оренбургской Архивной комиссии и члена Общества изучения Киргизского края А. П. Гра. Она живо интересуется в письме событиями оренбургской музейной жизни, вспоминает общих знакомых, спрашивает о планах Зарецкого на новые экспедиции. Дает попутно высокую оценку Зарецкому как человеку и специалисту. Проникновенными строками этого письма закончим краткий обзор переписки И. А. Зарецкого: «Спасибо Вам от души! Ценят ли Вас так, как Вы того заслуживаете в музее?»

А. М. АББАСОВ

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР МИРГОРОДСКОГО МУЗЕЯ

1 мая 1990 года исполняется 70 лет со дня основания Миргородского краеведческого музея. Его первым директором и основателем был украинский художник Афанасий Георгиевич Сластьон (1855—1933). В основу вновь открытого им музея были положены его личные картины, полотна художника В. Л. Боровиковского, Д. Г. Левицкого, рукописи и старинные книги из библиотеки поэта В. В. Капниста, помещиков Трощинских, Фролова-Багреева, Лукьяновичей, Гоголь-Яновских и др. Немало интересных экспонатов было найдено А. Г. Сластьоном в имении отца братьев декабристов Муравьевых-Апостол. Вместе с членами уездной комиссии он вскрыл склеп гетмана Украины Данила Апостола в селе Великие Сорочинцы. Часть вещей из захоронения были выставлены в экспозиции музея. В момент открытия музея в нем насчитывалось до 600 экспонатов.

Важным разделом музея являлся археологический, где были представлены предметы материальной культуры, собранные художником в окрестностях Миргорода вместе с историком Д. И. Яворницким, неоднократно бывавшим на Миргородщине. Дружба художника с историком имеет давние традиции. Еще в 1880-х годах они вместе с Дмитрием Ивановичем обследовали Запорожскую Сечь. Ныне в фондах Института искусств, фольклора и этнографии им. М. Т. Рыльского хранятся письма А. Г. Сластьона к историку по поводу их поездок по Запорожью в целях сбора материалов. Несколько лет подряд они путешествовали по казацким местам, посещали днепровские пороги, проводили археологические раскопки, фотографировали, делали зарисовки краевидов, интересных находок, предметов быта, оружия, старинных вещей.

Итогом этих поездок для художника явился альбом литографий «Старина украинская и запорожская», который был издан им в 1895 году. Он состоял из 25 портретов исторических лиц, множества образцов старинных костюмов, зарисовки древнего орнамента, архитектурных мотивов, предметов казацкого быта. Альбом был отпечатан тиражом в 480 экз. Из-за цензурного разрешения распространение его задерживалось. Весь тираж хранился в подвальном помещении типографии. Случилось не-

счастье. Во время наводнения все книги погибли. У Афанасия Георгиевича остался лишь единственный авторский экземпляр, который он передал в 1930 году в Харьковский музей искусств.

Известен А. Г Сластьон и как первый иллюстратор целого произведения Т. Г. Шевченко. В 1883—1885 годах создал он серию рисунков и иллюстраций к поэме Шевченко «Гайдамаки». Илья Ефимович Репин дал высокую оценку этим иллюстрациям: «Наш Сластьон — чудовий ілюстратор, бездоганний рисувальник, тонкий знавець козацького побуту». Этими иллюстрациями художник завоевал себе славу первого иллюстратора творчества Шевченко и художника исторического жанра. Ученик П. Чистякова, Н. Крамского и И. Репина Афанасий Георгиевич Сластьон как художник известен такими полотнами как: «Маруська» (1878), «На Січ» (1898), «На жнивах» (1899), «Миргород» (1901) и многими другими.

А. Г. Сластьон был не только прекрасным художником, но и певцом, пропагандистом творчества украинских кобзарей. С 1875 по 1928 год он создал иконографическую галерею украинских кобзарей, бандуристов, лирников. О зарисовках этих народных певцов, сборе сведений о них, записи их голосов на фонограф подробно рассказано в вышедшей в 1960 году книге «Портрети українських кобзарів О. Сластьона», где представлены более десятка народных бардов Украины.

В кобзарской среде Афанасия Георгиевича Сластьона народные певцы называли не иначе как «пан-отець». Это было признание его высших качеств певца. Он также исполнял украинские думы. Об этой стороне его артистической деятельности с теплотой вспоминали историк Д. И. Яворницкий, поэтесса О. Пчилка, художник И. Е. Репин, Петро Саксаганский и др. Стремление оставить для потомков голоса кобзарей, их думы и исторические песни побудили его начать запись их репертуара на фонограф: «Я ж перший на Україні почав записувати думи на фонограф, тому і приїхала до мене в Миргород Линьова, щоб послухати їх і по можливості собі записати» — вспоминал об этом художник в 1930 году. Вместе с композитором Филаретом Колессой им было записано на Полтавщине весь репертуар полтавских и частью харьковских кобзарей. Итогом деятельности экспедиции Ф. Колессы были изданные в 1910 и 1913 годах «Мелодии украинских народных дум».

Высокой оценки заслуживает и преподавательская деятельность художника в Миргородской художественно-промышленной школе им. Н. В. Гоголя, в стенах которой он проработал с 1900 по 1930 годы. За это время им подготовлена большая плеяда украинских художников. Уйдя на пенсию, художник не остался без дела, он отдался творческой работе. Он принял участие в подготовке и издании в Киеве в Академии наук издания «Украинские народные думы» (первый том вышел в 1927 году). Одновременно с этим А. Г. Сластьон работал над воспоминаниями о художнике П. Д. Мартиновиче (своем соученике по Академии Художеств). Эта книга вышла в свет в издательстве «Рух» в Харькове в 1931 году.

До сих пор творчество А. Г. Сластьона не раскрыто в полной мере. В 1973 году издательство «Мистецтво» в Киеве выпустило в свет книгу автора этих строк «Опанас Сластьон. Життя і творчість. Нарис». Это была лишь попытка фрагментарно наметить основные вехи его жизненного и творческого пути. Ныне настало время создать подробную биографию художника, четче определить его вклад в историю украинской и мировой культуры.

Миргородцы чтят и уважают своего знатного художника; на зданиях керамического техникума и краеведческого музея установлены мемориальные доски, посвященные Афанасию Георгиевичу Сластьону.

Ж. А КОНОНЕНКО

Н. В. СИБИЛЕВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИЗЮМЩИНЫ И ДОНЕЧЧИНЫ

(По материалам личного фонда)

В научном архиве Института археологии АН УССР хранится личный фонд известного археолога, краеведа и музееведа, исследователя Изюмщины и Донеччины Николая Викентьевича Сибилева (1873—1943). Материалы фонда имеют большое научное значение, показывают роль Н. В. Сибилева в развитии археологии на Украине, в изучении им Изюмщины и смежных областей, в создании им Изюмского и Святогорского музеев, богатых археологических коллекций. Документы личного фонда

Н. В. Сибилева изучены недостаточно в связи с малодоступностью материалов 30-х годов. Одним из немногих исследователей научного наследия ученого можно назвать Д. С. Цвейбель (Укр. истор. журн., 1973, № 2, с. 132—134). В личном фонде Н. В. Сибилева биографических материалов немного, некоторые данные о жизни и деятельности можно найти в документах, отображающих его научную деятельность, многочисленных вариантах его трудов, официальных документах о раскопках, открытых листах, докладных записках, справках, личной переписке.

Родился Николай Викентьевич Сибилев 9 февраля 1873 г. в г. Глухове Черниговской губернии в семье служащего. В детстве осиротел и не имея средств к существованию не окончил Глуховскую гимназию. Работал в финансовых учреждениях г. Курска. Там он собирает материалы по истории Курского края, а выйдя на пенсию в 1912 г. из-за болезни глаз и переехав в г. Изюм Харьковской губернии, он начинает исследовать историю Изюмщины. Неутомимый изыскатель, Н. В. Сибилев занимался, в основном, археологическими разведками, с целью выявить места, которые представляли бы интерес в археологическом отношении и помогли бы решению поставленных им задач. За годы работ на Донце ученым было выявлено более 350 стоянок, селищ и городищ, на которых был собран громадный археологический материал. Последние годы, перед Великой Отечественной войной, Н. В. Сибилев занимался непосредственно раскопками, которые произвел на Дроновской стоянке, Студенок-2, Миньевский Яр и др. Собранный им материал стал основой коллекций Изюмского и Святогорского музеев. С января 1920 г. по апрель 1934 г. Н. В. Сибилев — директор Изюмского краеведческого музея. Круг его интересов широк. Он занимается историческими и археологическими исследованиями, музееведением и краеведением. Средства на исследовательскую работу у Н. В. Сибилева были чрезвычайно ограничены, но он сумел объединить вокруг себя таких же энтузиастов истории и археологии, как и он сам. С 1921 г. и на протяжении 18 лет Н. В. Сибилев занимается исследованиями дюнных стоянок. К 1 января 1925 г. им были открыты 182 стоянки и, что особенно важно, установлено существование на Донце двух совершенно новых культур — «микролитов и макролитов», ранее не известных на востоке Украины (ф. Сибилева

Н. В., ед. 9, с. 1). По поручению Российской Академии Истории Материальной Культуры в 1924—1925 гг. Н. В. Сибилев вел археологические раскопки и сбор материала на территории Курской губернии и на Донце. Научные изыскания ученого в области истории, археологии и краеведения не остались не замеченными научной общественностью: в протоколе 32-го заседания комиссии по археологии московской секции Российской Академии Истории Материальной Культуры от 28 января 1926 г. отмечено: «...комиссия ... признает крайне ценным в научном отношении разведочные работы Н. В. Сибилева, которые впервые дали точные указания на области распространения различных культур. ...Постановили: просить Президиум секции поставить на общее собрание вопрос об избрании в члены Сибилева Н. В.» (ед. 154, с. 30). 7 июня 1926 г. Н. В. Сибилев был избран в действительные члены московской секции РАИМК. В этом же году выходят два первых выпуска (I и II) «Старовинностей Ізюмщини», подготовленные Н. В. Сибилевым и изданные на его средства. Эти выпуски были высоко оценены известным археологом П. П. Ефименко, который ранее посетил места раскопок Н. В. Сибилева и помог ему издать III (1928 г.) и IV (1930 г.) выпуски. В 1927 г. Украинский Комитет охраны памятников культуры избирает ученого своим членом-корреспондентом. Он командируется Государственной Академией Истории Материальной Культуры (Ленинград) в Новгородскую губернию, где несколько месяцев работает, исследуя озерные неолитические стоянки, а по поручению Московского антропологического института проводит археологические раскопки в нижнем течении реки Донца. В «Краеведении» Н. В. Сибилев публикует статью «Как я произвожу разведки» (1929 г.). Тридцатые годы полны для ученого упорного труда и неутомимых исследований. В январе 1930 г. отмечается 10-летний юбилей его детища — Изюмского музея. В июне 1931 г. Н. В. Сибилев принимает активное участие во Всеукраинской археологической выставке, организованной в Киеве, где выступает с докладом «Полевой опыт. Результаты археологических разведок 1920—1931 гг.», который был встречен с большим вниманием: в журнале «Советская этнография» публикуется его статья «Археологические разведки в районе новостроек» (1931 г.). В 1932 г. Н. В. Сибилев избирается действительным

членом ВУАК по сектору доклассового общества, (ед. 157). Весной 1934 г. ученый переезжает в Святогорск и там основывает краеведческий музей: составляет экспозиции, делает выставки. Работе музеев посвящены его статьи. В 1938 г. Н. В. Сибилев становится научным сотрудником Института археологии АН УССР. Он участвует в Конференции по ископаемому человеку и палеонтологии (15—18 мая 1939 г., Киев) с докладом «Итоги расследования послепалеолитических стоянок бассейна р. Донца». В Воронеже (24—31 мая 1941 г.) им прочитано два доклада «Новые стоянки с культурными слоями в лессовидном суглинке» и «Земледельческие орудия эпипалеолита, неолита и бронзы». Во время Великой Отечественной войны Н. В. Сибилев пытается спасти коллекции Изюмского и Святогорского музеев и только в мае 1943 г. ему удается перевезти уцелевшие экспонаты в Уфу. Тяжелая дорога и лишения в пути окончательно подорвали ослабленное здоровье ученого. В августе 1943 г. Н. В. Сибилева не стало, но осталось его замечательное наследие, его вклад в развитие археологии и истории родного края.

Н. М. СЕКЕРСКАЯ

М. С. СИНИЦЫН

Имя Моисея Сергеевича Синицына хорошо известно исследователям, изучающим скифские и античные древности.

Родился М. С. Синицын 26 августа 1899 г. в селе Гонтаревка Харьковской области, в крестьянской семье. После окончания исторического факультета Одесского института народного образования (1930 г.) и аспирантуры Одесского археологического музея (1933 г.) М. С. Синицын связал свои научные интересы с археологией. С 1933 по 1936 год он возглавляет Археологический отдел музея в г. Полтаве, в 1936—1938 гг. работает заместителем директора Краеведческого музея в г. Херсоне, а в 1939 г. заместителем директора Николаевского исторического музея. Эту работу М. С. Синицын совмещал с многочисленными полевыми археологическими исследованиями. Он активный участник Азово-Черноморской и Ольвийской

экспедиций, при этом особое внимание уделяет изучению памятников скифо-сарматского времени в Северо-Западном Причерноморье (поселение у с. Варваровка, городище у с. Петуховка и др.).

С конца 1939 года по 15 июля 1941 г. М. С. Синицын работает старшим научным сотрудником в Одесском археологическом музее и собирает материал для кандидатской диссертации. Завершил работу М. С. Синицын уже после окончания войны. В 1946 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию.

В послевоенные годы М. С. Синицын работает преподавателем Одесского педагогического института, а с 1956 г. он доцент кафедры древнего мира и археологии Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова. Его педагогическая деятельность была неразрывно связана с научной. Он проводит полевые исследования памятников эпохи бронзы и скифо-сарматского времени, результаты которых опубликованы в работах: До питання про населення північно-західного Чорномор'я в IV—III вв. до н. е. // Наукові записки ОДПІ. — Т. 3, Одеса, 1947; Дослідження скіфо-сарматських пам'яток під Одесою в 1946 р. // АП. — Т. 2, Київ, 1949; Городище у хутора Петуховки Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг. //ВДИ. — 1952. — № 2: Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Южного Буга // Наукові записки ОДПІ. — Т. 9. — Одеса, 1950, и др.

Педагогический талант и выдающиеся организаторские способности М. С. Синицына позволили ему организовать и до 1966 г. руководить археологической практикой студентов исторического факультета Одесского госуниверситета. Много внимания Моисей Сергеевич всегда уделял Одесскому археологическому музею. С 1959 г. он совмещал педагогическую и воспитательную работу с музейной, сначала в качестве директора музея, а затем научного консультанта. Возглавив Одесский археологический музей, М. С. Синицын стал одним из учредителей Одесского археологического общества и на протяжении семи лет руководил его многосторонней деятельностью. На годы пребывания М. С. Синицына на посту председателя приходится расцвет деятельности Одесского археологического общества. Оно объединяло в своих рядах около 400 человек и играло большую роль в работе археологов, краеведов, преподавателей истории. При непосредственном участии М. С. Синицына реша-

лись все вопросы, связанные с выявлением и охраной археологических памятников Северного Причерноморья. В 1960 г. он добился решения исполнительного комитета Одесского областного Совета депутатов трудящихся о выделении Одесскому археологическому музею территории площадью 5 га, на которой расположены руины античного Никония. С 1963 г. ведутся раскопки на Каменной горе у с. Орловка Одесской области, в 1965 г. велись разведки с закладкой шурфов на славянских памятниках IX—X вв. между Болградом и с. Криничное Одесской области.

С 1957 г. свои полевые исследования М. С. Синицын сосредоточил на памятниках Нижнего Поднестровья: городище у с. Надлиманское, городище у с. Роксоланы (Никоний). На городище у с. Надлиманское были открыты фрагменты каменных кладок, хозяйственные ямы, фрагменты орудий труда и оружия из железа, бронзы, кости, камня. Найдены многочисленные обломки амфор, сосудов, изготовленных на гончарном круге, и сделанных без гончарного круга (Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957—1958 гг. // ЗОАО. — Т. 1/34). Археологические находки позволили автору датировать городище IV—III вв. до н. э. Роксоланское городище (Никоний) М. С. Синицын исследовал до 1966 г. Расположенное на северо-западной окраине современного с. Роксоланы, городище отличается значительным культурным слоем до 4 м. Автором раскопок были открыты строительные остатки различных периодов: римского, раннеэллинистического, классического. Исследованы оборонительные сооружения, ямы хозяйственного назначения, жилые и хозяйственные помещения, орудия труда из металла, кости, камня. Найдено свыше трехсот экземпляров монет (Ольвия, Тира, Истрия). Несколько тысяч фрагментов и целые экземпляры амфор (Хиос, Лесбос, Самос, Гераклея Понтийская, Менда, Фасос, Синопа, Херсонес). Многочисленные фрагменты посуды аттического производства, среди которой встречается расписная, посуда местного производства. Среди жилых помещений наибольший интерес представляет почти полностью сохранившийся подвал с каменными стенами, площадью более 23 кв. м. Все собранные материалы позволили автору не только определить стратиграфию городища, но и решить основные вопросы экономики и культуры города, которые до настоящего времени не потеряли своего значения.

Большое внимание уделял М. С. Синицын издательской деятельности музея и общества, он был ответственным редактором I и II тома Записок Одесского археологического общества, членом редколлегии Материалов по археологии Северного Причерноморья и ряда других изданий, в которых публиковались результаты исследований по археологии и истории Северного Причерноморья.

М. С. Синицын был организатором и участником научных конференций, посвященных итогам полевых археологических исследований; им было опубликовано свыше двух десятков исследований.

До последних дней жизни (декабрь 1973 г.) М. С. Синицын проявлял интерес и оказывал помощь Одесскому археологическому музею АН УССР и Одесскому археологическому обществу.

Знание истории края, современная методика полевых исследований, незаурядные организаторские способности М. С. Синицына оставили глубокий след в деятельности Одесского госуниверситета, Одесского археологического музея и Одесского археологического общества.

АРХЕОЛОГІЯ КАМ'ЯНОГО ВІКУ

Н. А. МИЛОВАНОВА

ПАЛЕОЛИТ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ: ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение палеолита лесостепной Левобережной Украины носит довольно неравномерный характер на протяжении всей истории развития палеолитоведения в нашей стране. Первой в ряду открытий палеолитических памятников этого региона, как и всей Восточной Европы, стала стоянка Гонцы, обнаруженная в 1873 г. Ф. И. Каминским в Лубенском у. Полтавской губ. История открытия и исследования этого замечательного памятника широко известна. Отметим лишь, что после длительного перерыва исследования стоянки были возобновлены под руководством В. Я. Сергина.

Вслед за открытием палеолита в Гонцах, Каминский предпринял археологическое изучение Лубенского уезда. Им обнаружены древние обработанные кремни около с. Вязовок и в оврагах около Лубенской гимназии. Результаты своих открытий, опровергавших мнение Ворсо о незаселенности России в палеолите, Ф. И. Каминский сообщил в докладе «Следы древнейшей эпохи каменного века по р. Суле и ее притокам», который был зачитан Д. Я. Самоквасовым на III археологическом съезде в Киеве в 1874 г.

В 1879 г. геолог Н. Д. Зубок-Мокиевский обнаружил кости мамонта и кремневую пластинку со следами утилизации в с. Шаповаловка (сейчас — Конотопский р-н Сумской обл.) В том же году Д. Я. Самоквасов сделал сообщение об этой находке на второй сессии «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Через 50 лет М. Я. Рудинский провел небольшие полевые работы в Шаповаловке, не давшие, однако, положительных результатов. Сам автор считал свои работы недостаточными для окончательных выводов о характере шаповаловской находки и высказывал убеждение о необходимости дальнейших, более широких исследований (Рудинский, 1930).

В 1912, 1913 и 1919 гг. в карьере кирпичного завода г. Полтавы (т. н. Щемиловский карьер) были обнаружены кости мамонта, бизона, носорога, оленя в сопровождении небольшого количества обработанных кремней.

Таковы основные итоги дореволюционного изучения палеолита в лесостепной зоне Левобережной Украины. Они нашли свое отражение в обобщающих работах А. А. Спицына «Русский палеолит» (1915) и В. А. Городцова «Археология. Каменный период» (1923).

Благодаря исследовательской деятельности М. Я. Рудинского, И. Ф. Левицкого, М. М. Семенчика и других исследователей, проходившей в 20-е — 30-е годы, стали известны новые памятники древнего каменного века.

В 1921 г. в с. Сергеевка Полтавской обл. местные жители обнаружили кости мамонта. Место находки было обследовано сотрудником археологического отдела Полтавского Пролетарского Музея В. М. Щербаковским, собравшим там небольшое количество кремневых сколов и заполированный с одного конца крупный фрагмент бивня мамонта. В 1922 г. находки того же времени открыты у сел Градижск и Максимовка на Полтавщине. В 1924 г. экспедиция Кабинета антропологии и этнологии им. Ф. Вовка выявила обломки костей мамонта и патинизированную широкую пластину у с. Городище около Кременчуга. Годом раньше датируется находка небольшого скопления костей носорога и грубых отщепов у х. Гай (Роменский р-н, Сумской обл.) (Семенчик, 1930). В 1935—37 гг. И. Ф. Левицкий открыл и исследовал палеолитическое поселение у г. Богодухов Харьковской области.

В 40-е—60-е годы поисками и изучением палеолита на территории северо-восточной и восточной Украины занимались И. Г. Шовкопляс, И. Г. Пидопличко, Д. Я. Телегин, П. П. Ефименко, П. И. Борисковский, А. П. Черныш, Ю. Г. Колосов, М. И. Гладких. Значительным событием в украинском палеолитоведении явилось открытие в 1952 г. верхнепалеолитической стоянки у с. Добраничевка (Яготинский р-н Киевской обл.). Начиная с 1953 г. в течение нескольких полевых сезонов памятник исследовался И. Г. Шовкоплясом, И. Г. Пидопличко, А. Л. Корниец, М. И. Гладких.

В 1954 г. на территории с. Большая Буромка (Золотоношский р-н Черкасской области) был открыт первый в данном регионе памятник раннего палеолита. Местонахождение выявле-

но Г. Я. Рутковским и Л. Г. Бруздь, в том же году обследовалось И. Г. Шовкоплясом. Находки грубых атипичных кремневых изделий и костей ископаемых животных были приурочены к невысокой надпойменной террасе правого берега р. Сулы и залегали на глубине более 4 м от современной поверхности (Шовкопляс, 1954).

Во время обследования берегов р. Орели в пределах Днепропетровской области, проводившегося в 1968 г. Ю. Г. Колосовым, были обнаружены верхнепалеолитические пункты у с. Орельки и у с. Терны.

70-е — 80-е годы характеризуются систематическими обследованиями Среднего Поднепровья, проводимыми экспедицией «Днепр — Донбасс» и экспедицией «Славутич» под руководством Д. Я. Телегина. Результатом этих работ явилось открытие целого ряда позднепалеолитических памятников: Шандровка, Чернявщина, Перещепино (Днепропетровская обл.), Хижняковка (Харьковская обл.), Шушваловка и Пронозовка (Полтавская обл.) (Телегин, 1989). В 1984 г. открыта стоянка у с. Семеновка в Барышевском р-не Киевской области, также относящаяся к позднему палеолиту (Телегин, 1986).

Таким образом, для рассматриваемой территории характерно сочетание небольших скоплений палеолитических памятников в местах наиболее интенсивных исследований и обширных «белых» пространств, на которых не известен ни один достоверный памятник древнего каменного века.

Многие из известных пунктов открыты в прошлом либо первой трети нынешнего столетия, представлены единичными случайными находками и со времени своего выявления повторно не исследовались. Иные же, хоть и подвергались повторному изучению, иногда через длительный отрезок времени (например, Шаповаловка), все-таки не получили окончательной и полной научной оценки вследствие недостаточно широкого обследования и малого количества археологического материала.

Для понимания характера древнего каменного века лесостепного Украинского Левобережья необходимо дальнейшее расширение и углубление археологического изучения этого региона.

В. Н. СТЕПАНЧУК

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ РАСЩЕПЛЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Один из вспомогательных методов, позволяющих решать вопросы реконструкции различных сторон жизнедеятельности древних обществ представляет экспериментальная археология. Она объединяет несколько направлений, в том числе и т. н. дублирование каменных изделий, ставящее задачей, среди прочего, и моделирование различных техник расщепления камня. Эта задача пока слабо разрабатывается, хотя можно указать ряд работ в той или иной степени посвященных данному вопросу (Щелинский, 1977; Bonicher, 1977; Coles, 1979).

На протяжении ряда лет на базе Крымской палеолитической экспедиции автором проводились эксперименты по расщеплению камня в техниках, характерных для мустьерской эпохи. Доклад в основном посвящен интерпретации результатов статистического анализа серии экспериментальных сколов и приложения полученных данных в изучении археологических материалов.

1. Продуктивность расщепления. Как удалось установить, в среднем лишь каждый 2-й запланированный удар был продуктивным в смысле получения скола-заготовки. В то же время выяснилось, что некоторые удары имели результатом две, иногда три и более заготовки со всем набором морфологических черт самостоятельного скола. Различается два подвида таких заготовок.

2. Изучение экспериментальных сколов проводилось по пяти направлениям: а) анализ размеров сколов; б) выяснение причин, влияющих на массивность сколов; в) характеристика отбивных площадок; г) характеристика огранки спинок; д) морфологическая характеристика сколов.

Это позволило предложить новый метод определения микроиндустрий в мустье (Степанчук, Чабай, 1986), выявить жесткую зависимость показателя массивности от качества исходного сырья, попытаться объективизировать методику определения основного принципа раскалывания для археологического комплекса, сделать ряд более частных выводов.

3. Отдельно были проанализированы условия появления атипичных сколов, в особенности т. н. «двупяточных сколов»,

связываемых многими исследователями с применением биполярной техники (Oakley, 1972). Нашими экспериментами был установлен не зависящий от применяемой техники характер появления подобных сколов, что подтверждает аналогичный, сделанный на основании изучения палеоиндейских комплексов обработанного камня вывод (Binford and oth., 1977).

Д. Я. ТЕЛЕГИН, Л. Б. ПОРУБАЙ,
В. Е. БАРАНОВ, В. Л. ТАРАНЕНКО

ПАЛЕОЛИТ В УСТЬЕ РЕКИ СУЛЫ

Работами авторов за последние десятилетия в устье р. Сулы и прилегающих территориях к Днепру обнаружено более десяти палеолитических местонахождении в том числе около сс. Шушваловка, Пронозовка, Мозолиевка, Кагамлык, Градижск и др. Глобинского района Полтавской области, на которых собран обильный кремневый материал. Во всех случаях находки сосредотачивались в размыве высокого коренного берега Кременчугского водохранилища.

Судя по составу кремневых орудий, стоянки не совсем одновременные, среди которых одни относятся к самому началу позднепалеолитической эпохи, другие — к развитой его поре; отдельные местонахождения можно датировать финальнопалеолитическим временем. (Рис. 3).

Периоды, время		Местонахождения
Мезолит		Васьковка *1*
Верхний палеолит	Позднее время	Липовое Шушваловка 1, 4, 5; Мозолиевка, Кагамлык
	Раннее время	Васьковка 2, Градижск—Гардашивка

Около с. Пронозовки, кроме того, обнаружены выходы желвачного кремня, который залегает в отложениях красноватой плотной глины на глубине около 6—7 м.

Открытие куста палеолитических местонахождений в устье Сулы несомненно является заметным вкладом в дело изучения каменного века Украины и Поднепровья в частности.

И. Н. ГАВРИЛЕНКО

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ПОЛТАВЩИНЕ

Работами разведотряда Полтавской облорганизации УООПиК в 1989 г. открыты 5 неолитических пунктов: на р. Ворскла усс. Млынки и Подваровка Котелевского р-на и на левом притоке Псла р. Грунь-Ташань (в 3 км выше устья) у с. Ковалевка Шишакского р-на. Расположены они на дюнах в пойме (Млынки, Ковалевка-2, 5) или на мысах боровых террас (Подваровка, Ковалевка-4), все — на левобережье, исключая поселение у с. Млынки, находящееся слева от старого русла и справа от нового.

Керамика памятников — тонкостенна (0,5—0,7 см), лишь в Млынках утолщенные части некоторых фрагментов превышают 0,8 см. Имеются обломки стенок, в Млынках — и венчиков. Основная примесь — песок, к нему иногда добавлялся кровавик (Млынки, Ковалевка-5) или растительность (Подваровка). В ранненеолитическом фрагменте из Ковалевки-4 — и то и другое; остальная посуда — позднего неолита (культура ямочно-гребенчатой керамики).

Каменный инвентарь представлен изделиями из кремня и кварцита (в Млынках последних 40%), в Ковалевке-2 есть предметы из кремнистого сланца. Отщеповые заготовки преобладают. Пластины — средней и малой толщины, в основном — фрагментированы. (Рис. 4).

Культурный слой памятников разрушается выдувами, на Ковалевке-2 и 4 — карьерами. Неолитический слой относительно хорошо сохранился в Млынках, на остальных пунктах он потревожен позднейшими напластованиями.

МЛЫНКИ. Обнаружено в 1 км на ЮЗ от села, на противоположном берегу. **Керамика:** 43 фр. Орнамент: ряды ямок (23), зоны из рядов ямок, разделенные рядом гребенки (15), ряды оттисков гребенки (3, в т. ч. фр. предвенечной части), прочер-

ченные линии (2). Венчики: 3 фр. горшков со слегка отогнутым наружу краем венчика (у 2 срез гофрирован вмятинами); 1 фр. миски с загнутым внутрь краем (по срезу — вмятины), украшенный снаружи рядами линий, ниже — ряды ямок, изнутри — ряд глубоких ямок. **Каменный инвентарь:** аморфный нуклеус, 73 отщепа, обломка и чешуйки, 13 пластин, 3 отщепа и обломка с ретушью, 2 округлых, подокруглый и боковой скребки на отщепах, обломок наконечника стрелы с односторонней приостряющей ретушью, средневысокая трапеция.

ПОДВАРОВКА, ур. Штэпы. Расположено в 0,1 км к Ю от села. **Керамика:** 2 фр. Один украшен рядами ямок, другой — рядами оттисков гребенки. **Каменный инвентарь:** аморфный нуклеус, 7 отщепов, чешуек и обломков, угловой многофасеточный отщеповый резец, обломок двусторонне обработанного копья, скребок высокий на нуклевидном обломке, обломок орудия.

КОВАЛЕВКА-2, ур. Гэргэлив бугор. Находится на СЗ окраине села. **Керамика:** 4 фр., орнаментированы рядами ямок (3), рядами ямок, разделенными рядом оттисков гребенки (1). Каменный инвентарь: 5 аморфных и ортогнатный одноплощадочный нуклеусы, нуклевидный обломок, 42 отщепа и чешуйки, 17 пластин, 2 ретушированных отщепа, 3 вкладыша кукрекского типа, средневысокая трапеция, 3 высоких скребка на нуклевидных обломках, 4 концебоковых, концевой, подокруглый и боковой на отщепах, остроконечный на пластине.

КОВАЛЕВКА-4. Выявлено на З окраине села.

Керамика: ранний неолит — 1 фр., украшен рядами неглубоких ямок; поздний неолит — 7 фр. Орнамент: ряды оттисков «кошачьей лапки» (2), ряды ямок или оттисков уголком штампа (3), зоны из рядов ямок, разделенные рядом оттисков гребенки (2). Каменный инвентарь: отщеп, пластина, отщеп с ретушью, отбойник.

КОВАЛЕВКА-5. Обнаружено в 0,9 км к З от западной окраины села.

Керамика: 2 фр., орнамент — ряды ямок. **Каменный инвентарь:** пластина, ретушированные отщепы (2) и пластина.

И. В. МОРКОВИНА

ПАМЯТНИКИ СУРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИОРЕЛЬЯ

Являясь одним из значительных левобережных притоков Днепра, р. Орел, с площадью бассейна 22 тыс. кв. км, по своему природному положению соответствует территории Предстепья, понимаемого как пограничье двух физико-природных зон Украины. Положение на границе Днепропетровской, Полтавской и Харьковской областей предполагает участие в археологическом изучении Приорелья ряда научных учреждений, однако степень доступности и полноты сведений о древних памятниках района, остается, за исключением работ ДГУ, недостаточной.

В истории изучения Приорелья возможно выделение трех периодов: 1 — совпадает с работами Д. Я. Яворницкого, приуроченными к проведению ХШ АС и продолженных в 20-е годы XX столетия разведками по Орчику М. Я. Рудинского и по Берестовой — А. К. Тахтая; 2 — получает начало в разведках и раскопках ДИМ под руководством И. Ф. Ковалевой и дальнейшее развитие в работах 70-х годов. Экспедиции «Днепр-Донбасс», руководимой Д. Я. Телегиным; 3 — связан с систематическими работами новостроечной экспедиции ДГУ (научный руководитель И. Ф. Ковалева) и по правому берегу — ХГУ (С. И. Берестнев и Ю. В. Буйнов). Хуже всего изучены памятники полтавского Приорелья, хотя и здесь в последние годы велись работы (М. П. Кучера, Н. П. Шевченко, А. Б. Супруненко).

В ряде пунктов Приорелья сегодня открыты и исследованы остатки поселений, на которых присутствуют материалы неолитической сурской культуры (СК) как в виде отдельных фрагментов, так и культурного слоя. Это, прежде всего, поселение в ур. Турова Гора у с. Бабайковка. Хотя стоянка размывается, материал не переотложен и фиксируется как в естественных углублениях дна (донный желоб), так и в заполнении предполагаемых жилищ. Керамика содержит в массе мелко тертую раковину и песок, ведущая форма — остродонные сосуды S-видного профиля, орнаментированные вертикальным зигзагом, геометрическими и криволинейными фигурами в обрамлении прочерченных линий, частыми поверхностными или разреженными «рваными» ямками, в том числе соединенными вертикальной лини-

ей. Аналогии им известны как в собственно Орельских материалах, так и в сурской культуре Надпорожья (Стрильча Скеля, нижний слой; о-в Сурской; Игрень — Подкова и др.). Очевидно, что большая часть костяных орудий, включая мотыги с поперечным лезвием и колодковидной формы, также относятся к СК. В окрестностях того же села, на оз. Песчаное, найдены фрагменты сосуда, содержащего толченую раковину в тесте и орнаментированного прочерченными криволинейными фигурами, обрамленными наколами. Определенная часть сурской керамики присутствует и в материалах могильника Госпитальный Холм у с. Залинейное Харьковской области. Материал этот происходит из культурного слоя памятника и встречается в заполнении могил, хотя связать его с погребениями нельзя. Фрагменты принадлежат тонкостенным сосудам с обильной примесью раковины, основной орнаментальный прием — прочерченные и проглаженные линии, образующие горизонтальные и вертикальные пояса, угловые шевроны, криволинейные фигуры, часто ограниченные наколами. СК принадлежит наконечник стрелы раннего степного (тарденуазского, по Д. Я. Телегину) типа. Отдельные находки сурской керамики, в частности двух неполных крупных сосудов происходят из зачистки берега у с. Сомовка (Харьковский музей). В пункте «Трансформаторная будка, 169 км» у с. Осиповка в нижнем отделе культурного слоя, содержавшего воротничковую керамику азово-днепровской культуры, найдены отдельные фрагменты темнолощеной раковинной керамики с «рваными» ямками и косой сеткой из тонких линий. Часть фрагментов не орнаментирована. В ур. Лиман у того же села найден развал крупного прямостенного сосуда, орнаментированного зонами наколов, соединенных прочерченными линиями, взаимоперпендикулярных друг к другу. Аналогичная керамика встречена в окрестностях того же села в ур. Пляж.

Слой с сурской керамикой и костяной мотыгой выделен Д. Я. Телегиным на поселении в ур. Засуха. Автор определяет его как отвечающий позднему этапу развития культуры, прерванному вклиниванием племен днепро-донецкой ЭКО второго этапа. Содержащие раковину фрагменты происходят и с развеянных дюнных поселений по берегам стариц у с. В. Козырщина, в окрестностях которого был найден обломок каменного сосуда характерного для СК. Наиболее удаленный от устья реки Орели

пункт, где были обнаружены фрагменты керамики сурского типа — ур. Круглое у с. Терны на границе с Харьковской областью.

Из вышесказанного следует, что СК развитого вида занимала всю обширную территорию Приорельского Предстепья. Дальнейшая ее эволюция прослеживается в памятниках квитянско-чигиринского типа (по В. Н. Даниленко). В частности сюда следует отнести находки известных сосудов с Игренского п-ва, б. Майорки, погребального комплекса б. Квитяной, Чигирина и др. уже, безусловно, связанных с зарождающимся курганным обрядом.

В. Е. КУРИЛЕНКО

НЕОЛИТ СРЕДНЕЙ ДЕСНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЗИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Среднее Подесенье и Полтавщина входили в ареал распространения неолита ямочно-гребенчатой керамики.

В Мезинском археологическом музее хранится 43 тыс. экспонатов, значительная часть которых принадлежит неолиту ямочно-гребенчатой керамики. Как видно из карты (Неприна, 1976, с. 10) на Полтавщине и Черниговщине памятники неолита обрамляют крупные реки. Но больше всего их на Средней Десне.

В районе Мезина история изучения неолита имеет два этапа: до открытия в Мезине музея и после. На первом этапе неолит изучался М. Рудинским, М. Воеводским, В. Левенком и др. (Шовкопляс, 1965, с. 14). В это время было открыто лишь несколько пунктов. Полно археологический потенциал района выявил лишь систематический 25-летний местный контроль музеем земляных работ, изучение памятников после ливней, размывов слоя, при половодьях. Так, в пойме на расстоянии до 8 км от музея автором обнаружено 5 пунктов мезолитического и 32 неолитического времени. (Рис. 5).

Песчаные террасы левого низкого борта поймы у Мезина отрезаны труднодоступными лесными массивами и непроходимыми топями. Они, рядом с правобережными обрывами, каза-

лись «мертвой зоной». Но на семи выступающих в пойму террасах нами обнаружены стоянки эпохи неолита. Их больше, чем под правобережными обрывами высотой 50 м. Скорее потому, что здесь (судя по разрезу траншеи газопровода) слои эпохи бронзы накрыты 2,2 м отложениями деллювиального лесса. Ниже возможен и неолит. На правом борту нами найдено лишь 5 пунктов. Из них Пузырево северное — на семиметровой круче. Из всех 7 неучтенных нами пунктов с одиночными находками лишь Мезинское кладбище лежит на круче коренного берега. Его материал особый.

В правобережной пойме, на болотных дюнах, обнаружено 8 пунктов. Из них 2 в Десне, под слоями ила толщиной 1,4 м и на уровне воды в иле. На левобережных пойменных островах и «гривах» найдено 12 памятников. Из них под илом — Рвачка, Карашевец. На притоках Десны следов неолита не обнаружено. Памятники этого времени тяготеют здесь к пойме крупной реки, пескам, занимают малые, окруженные трудно преодолимыми старицами и болотами «грудки»: Кадунов, Павловичев, Воробьные и др. Видимо, в неолите человек был отличным «водоплавателем»: через пойму шириной 7 км на «острова» доставлял глину, кремень, продукты охоты и собирательства, возможно, сооружал из озерного «сытника» плоты.

Самыми крупными и богатыми поселениями являлись дюны Дубины, Мезенский остров, Звонковое и др.

Каковы причины бурного роста поселений эпохи неолита? Возможно, они, как и расцвет керамического ремесла, — следствие эпохи зарождения начал производящего хозяйства? Но неолиту региона отказывают в производящем хозяйстве (Археология, 1985, т. 1, с. 110), относя аборигенов к рыболовам, охотникам. Создается впечатление, что бурный рост поселений, передавшийся и эпохе бронзы (найдено 43 пункта с 68(?) слоями) был, видимо, следствием каких-то новых, неолитических форм экономики, кормившей возросшее население. Но типичные для керамики земледельцев эпохи бронзы мотивы заштрихованных треугольников в декоре сосудов появляются к концу неолита. Похоже, тогда же появились на остродонных сосудах (Дубина, Хуторище и др.) «сетки» из ямок, нанесенных узлом веревочки, гусенички, оттиснутые шнуром из очень тонких ниток. Видимо, это свидетельство зарождения начал ткацкого ремесла, обработки тонких волокон и пр.

В локальной карте есть и другие неясности.

Так, в северном устье крупной Куриловской балки, солнечные, удобные для заселения берега лишены древних и поздних поселений. Но ими перегружены соседние пойменные «острова», отрезанные от берегов. И ныне в разлив сюда лодками завозят гусят, позже — загоняют скот, ездят на отдых. Каковы причины традиционной «любви к «островам» и отсутствия внимания к северным террасам? Рыбные богатства? Но они были в «северном устье» еще в XVIII в. Охотничьи угодья? Но их на островах не было. Эти обширные участки поймы отрезаны от берега, зверя и особо удобны для птицеводства, домашнего животноводства. Не зарождалось ли оно здесь еще в неолите?

Из 32 пунктов лишь 12 (частично временных стойбищ) лежат на берегах, т. е. привязанность древних к «островам» здесь бесспорна. Неолитическая керамика из ряда пунктов не похожа на ямочно-гребенчатую. Ряд памятников обнаружено нами и в других пунктах Средней Десны. Например, у г. Короп (7). В научный обиход они введены далеко не полностью, но многие уже уничтожены. Хозяйственников порой не пугает даже охранный знак на стоянке. Так, на Поповой он, возможно, скоро обрушится в карьер, принадлежащий отдаленному с. Студенка. Отсюда вывод — нужна не псевдо-, а подлинная реформа в деле охраны памятников.

АРХЕОЛОГІЯ ЕНЕОЛІТУ І БРОНЗОВОГО ВІКУ ДНІПРОВСЬКОГО ЛІВОБЕРЕЖЖЯ

Н. И. МИХАЙЛОВА, Б. Д. МИХАЙЛОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ СТЕЛЫ ВБЛИЗИ КАМЕННОЙ МОГИЛЫ В СЕВЕРНОМ ПРИАЗОВЬЕ

Вопросу происхождения и датировке стел Северного Причерноморья посвящено значительное количество публикаций. Однако до настоящего времени памятники древней скульптуры остаются загадкой, т. к. разновременная источниковедческая база не позволяла решить данную проблему. Все заключается в том, что антропоморфные стелы встречались над погребениями древнеямного (Вязьмітіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 38, рис. 17), усатовского (Формозов. 1969, с. 173), кеми-обинского (Археологія Української РСР, 1985, с. 334—335, рис. 91), позднеямного (Гладилин, Михайлов, 1970, с. 210—212, рис. 1—2) и катакомбного времени (Іллінська, Ковпаненко, Покровська, 1960, с. 139—140, рис. 8). В большинстве своем стелы носили следы вторичного использования. Повторно стелами древние люди перекрывали могилы или таковые были найдены в насыпях курганов (Михайлов, 1988, с. 209—210, рис. I, V; рис. 2), что наводило на мысль о первоначальной принадлежности их к энеолитическому времени (Телегин, 1971, с. 3—7).

В последние годы в результате археологических исследований картина происхождения антропоморфных стел стала приоткрываться в связи с находками их над энеолитическими погребениями в бассейне р. Молочная вблизи Мелитополя. Ниже приводим описание находок.

Курган № 1 расположен в 800 м к северу от Каменной Могилы, на южной окраине с. Терпенье Мелитопольского района Запорожской области.

Погребение № 1 (кенотаф) обозначилось на уровне дневного горизонта в результате размыва весенним половодьем курганной насыпи (высота 30—40 см).

В результате, на поверхности кургана оказалась антропоморфная стела миндалевидных очертаний (высота — 1,25 м, ширина — 0,80 м, толщина — 0,30 м), выполненная из песчаника Каменной Могилы, на лицевой стороне которой в технике протирания широкой бороздки нанесено схематическое изображение животного (Рис. 6, 4). Могила подквадратной формы

ориентирована запад-восток (длина — 1,3 м, ширина — 1.1 м, глубина — 0,80 м). Костяк отсутствовал. У восточной стенки на дне могилы лежал лавровидный наконечник дротика (длина — 4,3 см, ширина — 2,5 см) из черного кремня с двухсторонней отжимной ретушью (Рис. 6, 2).

Курган № 2 расположен на западной окраине с. Сосновка (Старобердянское лесничество) Мелитопольского района и входил в группу из шести курганов. Насыпь состояла из серого однородного грунта (высота — 0,40 м, диаметр — 8 м).

Погребение № 1 (позднекочевническое) располагалось в западном секторе кургана на уровне погребенного грунта; ориентированное по линии запад-восток (длина — 1,80 м, ширина — 0,90 м). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. У правой кисти руки лежало железное стремя. У стоп ног — лепной грубый горшок с округлым туловом, переходящим в плоское дно, отогнутым наружу венчиком (высота — 16 см, ширина — 14 см).

Погребение № 2 (энеолит) располагалось в центре кургана и имело антропоморфные очертания (Рис. 6, 1). Рядом с могилой в насыпи с западной стороны находилась антропоморфная стела миндалевидной формы (высота — 1,12 м, ширина — 0,88 м, толщина — 0,35 м), изготовленная из песчаника Каменной Могилы. (Рис. 6, 5).

В могиле (длина — 1,85 м, ширина — 1,9 м) лежало три костяка плохой сохранности. Первый лежал на спине у западной стенки, головой к западу, от которого сохранились часть головы, ребра, плечевая кость правой руки. Второй костяк находился напротив первого, головой к востоку на правом боку, ноги очень сильно согнуты. Третий лежал рядом на левом боку, головой к востоку, ноги сильно согнуты в коленях, кисть правой руки лежала на тазе. Вблизи головы находился кремневый нож (длина — 8,2 см, ширина — 2,8 см) с краевой ретушью, с небольшой выемкой и уступом для держака (Рис. 6, 1, 3). Костяки и дно могилы сильно окрашены красной охрой.

Малочисленный инвентарь описанных погребений датируется энеолитическим временем. Так, кремневый наконечник дротика с двухсторонней отжимкой ретушью из погребения № 1 кургана 1 (с. Терпенье) известен в энеолитическом горизонте поселения Каменной Могилы (Средний стог II) (Даниленко, 1986, с. 46, рис. 16, 1—4). Кремневая пластина из погребе-

ния № 2 кургана № 2 (с. Сосновка) имеется в материалах Мариупольского могильника (Макаренко, 1933, рис. 8, 17, 18), и в могильниках энеолитического времени, датируемых концом IV — нач. III тыс. до н. э. (Телегин, 1973, с. 46). Особенно сближается погребение № 2 из с. Сосновка с погребением энеолитического времени в г. Ворошиловграде, датируемым серединой IV тыс. до н. э. (Писларий, Кротова, Клочко, 1976, с. 21—28).

Учитывая приведенные данные, описанные погребения и древнейшие антропоморфные стелы из бассейна р. Молочная, следует датировать серединой IV — нач. III тыс. до н. э.

Что касается использования и интерпретации антропоморфных стел в погребальных обрядах местных племен, то архаичная форма подобных скульптур, как отмечает А. А. Формозов, указывает на «прямой эволюционный ряд» (Формозов, 1969, с. 179). Их появление, как известно, связано с периодом, когда взамен групповым могильникам энеолитического времени приходят индивидуальные могилы, свидетельствующие о моногамной семье (Даниленко, 1971, с. 3—12) и развитии анимистических представлений, главным атрибутом которых стали примитивные антропоморфные изваяния.

З. П. МАРИНА

ЯМНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПРИОРЕЛЬЯ

В южной Лесостепи и Предстепье, определяемом Орельско-Самарским междуречьем, на границе Днепропетровской, Полтавской и Харьковской областей в настоящее время известно более 600 погребений, выделяемых автором в лесостепной левобережный локальный вариант ямной КИО. Поскольку существует тенденция их объединения с памятниками бассейна Сев. Донца в едином донецком варианте (О. Г. Шапошникова) целесообразно рассмотреть их с точки зрения возможного сходства или различий.

Прежде чем сделать это, необходимо оговорить наше понимание роли обрядовых признаков в качестве индикатора в выделении групп ямных погребений, в большей части безинвентарных. Пока что это единственный «работающий» признак

классификации, а при условиях проверки стратиграфией — и интерпретации. Для чистоты предлагаемого эксперимента из него выведены ямные погребения бассейна Самары, частью граничащего со Степью, что может проявиться в инокультурных влияниях. Взятый массив происходит из курганных могильников, размещенных на отрезке среднего и верхнего течения Орели, по которым и сегодня проводится граница Лесостепи. В стратиграфических колонках ямных погребений основное место принадлежит захоронениям в обширных могилах, перекрытых бревенчатым накатником с использованием камыша в циновках и связках (кровля?). Скелеты лежат на спине с согнутыми коленями вверх ногами при восточной ориентации. Руки протянуты вдоль туловища. В инвентаре представлены остро-и круглодонные сосуды с раковинно-песчанистой примесью, высокими желобчатыми венчиками и исключительно гребенчатой орнаментацией (Игнатовка 1,6/7; Колпаковка 3,8/11). Сами же погребения представляют тот общедревнеямный горизонт, который Н. Я. Мерперт справедливо считает соответствующим этапу сложения культуры.

За ними следуют погребения, отмеченные достаточно ярким своеобразием. Для них характерны могилы подквадратной формы или более широкие, чем в первой группе, перекрытые деревом, подвергавшимся обжигу до помещения в могилу. Подстилка на дне обожжена и включает пепел и угли. Скелеты лежат скорченно на спине с согнутыми коленями вверх ногами, но уже отмечена намеренная согнутость ног вправо или влево. Положение рук менее строго фиксировано, одна из них может лежать на груди или тазе. Ориентация юго-восточная или южная. Отметим обилие охры и ее использование не только в порошке, но и в изделиях — «хлебцах».

В инвентаре — круглодонные сосуды с гребенчатой и, реже, шнуровой орнаментацией, костяные пронизи-клыки, кремневые орудия. Для погребений в юго-восточной — южной ориентации отмечено переслаивание с погребениями, произведенными в западной ориентации, но основная часть последних следует за ними, образуя наиболее поздний горизонт (Марина, 1978; Ковалева, 1984). Присутствие в инвентаре бронзовых стерженьков-подвесок северокавказской культуры довольно точно определяет их хронологическое положение предкатакомбным и раннекатакомбным временем (конец III тыс. до н. э.) (Марина, 1983).

Таким образом, в материалах Приорелья мы выделяем погребения первого общедревнеямного горизонта, погребения второй обрядово-хронологической группы, также находящие соответствия во втором хронологическом горизонте поволжским памятникам (Мерперт, 1974), параллельно с ними существующую, со смещением к концу этапа, группу с юго-восточной — южной ориентацией и завершающую развитие культуры в районе, группу погребений с западной ориентацией скелета.

На территории Полтавщины, по опубликованным данным, выделяются погребения с восточной и преобладают с западной ориентацией умерших. Плохая сохранность костных остатков препятствует созданию полноценной сводки. В пределах приорельской части Харьковщины известны погребения общедревнеямного горизонта, но численно преобладают скорченные на боку (Берестнев, 1984). Для Среднего Поднепровья развитие ямной культуры определяет первичность погребений в западной ориентации. На юге, в соседнем Присамарье, картина выглядит более сложной. Здесь присутствуют погребения времени формирования первого общедревнеямного горизонта (В. Маевка, Вербки, Орестополь), за которыми следуют ранне-ямные в восточной ориентации, сменяемые погребениями в северо-восточной ориентации при четко определяемом положении скелетов, скорченно на спине. В инвентаре — круглодонные сосуды, процент шнуровой орнаментации несущественно выше, чем в Приорелье. «Переслаиваясь» с ними, в стратиграфических колонках залегают погребения юго-восточной — южной группы. Их численное отношение достаточно представительно. Завершают развитие культуры погребения в западной ориентации. На территории Донецкой области ямные погребения происходят из двух природных зон, что с методической точки зрения требует их разделения. В основе стратиграфических колонок Восточного Приазовья представлены сосуды бережновской фазы, в чем видим единую линию развития с *южной Лесостепью. Погребения общедревнеямного горизонта* представлены как в степной, так и лесостепной зонах. Но уже в этом этапе и на втором получает распространение трупоположение скорченно на боку, в чем можно видеть влияние обряда местных племен среднестоговской культуры. Этим же объясняется распространение шнуровой орнаментации на керамике донецкого района. Небольшой группой представлены погребения в западной ориентации, распространение которых мы

связываем с группой погребений Нижнего Дона и нижнеднепровского варианта (Шапошникова, 1971; Кияшко, 1974).

Таким образом, в Левобережье, не говоря уже о правобережных памятниках, ямная культура Орельско-Самарского междуречья при безусловном присутствии общих ямных признаков имеет только ей свойственную этнографическую окраску. Распространение южной ориентации в ямных памятниках пограничья с Лесостепью питалось местными истоками, которые могут восходить к позднеэнеолитической группе синкретических погребений с чертами усатовской и майкопской культур.

Е. Ю. НОВИЦКИЙ

ЭЛЕМЕНТЫ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПЛЕМЕН ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ

До недавнего времени памятники эпохи раннего металла на территории Полтавской области ограничивались всего несколькими местонахождениями. Одним из наиболее ярких памятников являлась стела из Федоровки с изображением ребер, ступней-подошв и позвоночника. Стела эта связана с поздним периодом существования ямной культуры (Новицкий, 1986, с. 8) и донесла до нашего времени информацию о некоторых моментах древнеиндоевропейской идеологии.

Накопление материалов по ямной культуре в последние годы, связанное с созданием и функционированием в Полтавской области новостроечных экспедиций, позволяет лучше представить эпоху раннего металла в междуречье Ворсклы и Сулы.

Элементы древнейших индоевропейских идеологических представлений, которые возможно в настоящее время выделить, связаны с мифом о посещении «того света» умершим и возвращении его к сородичам в виде предка-покровителя. Об этом свидетельствуют изображения стоп-подошв, необходимых для достижения «того света» — «тридесятого царства — тридевятого государства» (Пропп, 1946, с. 37—39; Новицкий, 1987, с. 144—146). Миф этот распространен на всей территории оби-

тания племен ямной этнокультурной общности. Во всяком случае, на многих сложно-композиционных стелах эпохи раннего металла в Северном Причерноморье изображены стопы-подошвы-сандалии.

Подтверждением того, что и на среднеднепровском Левобережье существовал миф о путешествии на тот свет, является находка погребения Пр. 3/2 (*Сиволап, 1988, с. 36*) — кенотафа, над которым была насыпана первоначальная насыпь в виде подошвы-ступни. Троекратное повторение обряда (повторная и третья подсыпки той же формы) говорят об устойчивости и значении этого обряда.

Еще один элемент, связанный с мифом об уходе из мира живых, содержится в изображении позвоночника и ребер на стеле из Федоровки. В индоевропейском фольклоре упоминается *добровольное голодание как средство ухода в «мир иной»*. Причины голодания могли быть разными: голод из-за неурожаев, желание смерти, вызванное какими-то причинами личного или социального характера, наконец, голодание с целью просветления и связи с миром предков (в ведической литературе).

Все взятое вместе свидетельствует об устойчивости существующего в идеологии древнейших индоевропейцев элемента мифа о предке — покровителе и его путешествии в мир мертвых. *Зафиксированный на территории степи у ямных племен*, этот миф, как мы видим, присутствует и на более северной территории в эпоху раннего металла.

А. Б. СУПРУНЕНКО

О ФЕДОРОВСКОМ ИДОЛЕ И КУРГАНЕ

Антропоморфные стелы эпохи раннего металла с богатой иконографией выявляют сравнительно редко. Что же касается скульптур с изображениями наибольшей сложности, то их находки вообще единичны. Для предстепий Среднеднепровского Левобережья обращает на себя внимание группа уникальных образцов монументальной скульптуры эпохи палеометалла — идолов из Керносовки, Натальевки и Федоровки, обнаруженных в нижнем течении рр. Орели и Самары.

Идол из с. Федоровка Карловского района Полтавской обл. — наиболее северная находка стелы с богатой иконографией на Левобережье, обнаружен в 1,35 км к юго-востоку от села, на второй надпойменной террасе левого берега р. Орчик, поблизости от распахиваемого кургана. В 1979 г. стела перевезена в Полтавский краеведческий музей, где ныне экспонируется (Супруненко, 1986, с. 49; 1988, с. 3—4).

Изваяние изготовлено из плиты песчаника подпрямоугольной формы, сужающейся книзу. Ее высота 133 см, ширина в плечах 51 см, в нижней части 30 см, толщина 15—21 см. Лицевая и оборотная стороны плоские, боковые закруглены. Гравированные изображения покрывают верхнюю часть стелы. Основание выделено уступом, утолщено и грубо обработано, что является свидетельством установки изваяния в грунте в вертикальном положении (Телегін, 1971, с. 3—4). Рисунки, нанесенные на стелу, выполнены при помощи орудия в виде нешироκого зубильца, с подшлифовкой поверхности скульптуры. Изображения лицевой плоскости исполнены, преимущественно, в технике невысокого (0,3—1 см) рельефа, оборотной — контурного углубленного рисунка (канавка различной ширины глубиной 0,5—2 см), боковых — в смешанной технике (рис. 7, 1—4). Голова и правое плечо скульптуры отбиты в древности.

Сохранившееся **левое плечо** стелы украшено двумя разделенными насечками валиками, образующими полуовалы. Канавкой изображение отделено от выступа головы. **Лицевая плоскость.** Выступ головы отделен рельефным валиком. На уровне груди проведена прямая горизонтальная канавка. Ниже — изображение рук, согнутых в локтях, частично занимающих и боковые стороны стелы. Кисти рук находятся на одном уровне: левой расправлена и прижата ладонью к груди, правой — сжимающая стрелу (?) острием вниз. Выше левой руки — изображение предмета в виде валика (остатки рисунка лука с тетивой — ?). Под руками помещено изображение брюшной диафрагмы. В центре расположена сцена при участии человека и животного. Мужчина (обозначен фалл) изображен с поднятыми вверх руками, выделенными рельефом стопами ног и прямым длинным хвостом. Человек развернут в сторону животного, изображенного в профиль с опущенной головой и длинным хвостом. Рядом с ними — круглое углубление в виде пупа, обрамленное ва-

ликом. За поясом, проходящим через все стороны стелы, находится вислообушный топор, обух которого повернут к центру.

На **оборотной стороне** идола изображен ствол — «позвоночник» с отходящими от него под углом 70° вверх «ребрами» — канавками, образующими древо жизни. Его основанием является дуговидное углубление в виде ягодичной области человека. В верхней части, у вертикального ствола, находится изображение прямой палки — посоха с 13-ю нарезками вверху. Пояс на оборотной стороне стелы пересекают контуры стоп ног человека носками вверх. На поясе обозначены углубленными кольцами справа семь отверстий.

На **боковых сторонах** стелы показаны полосы, являющиеся продолжением линий оборотной плоскости, только изображенных сломанными под углом к параллельным канавкам-«ребрам» оборотной стороны.

Изображения, помещенные на стеле, имеют иконографические аналогии среди ряда скульптур эпохи раннего металла (Араканцево, Баратовка, Казанки и др. стелы Крыма, Плачидол, Трояны, Хаманжия и др.). Наиболее близки рассматриваемому изваяния из Керносовки, Натальевки, Новоселовки. Яркой и своеобразной на идоле является сцена с изображением человека-шамана с хвостом с поднятыми вверх руками. Обозначение фалла — свидетельства культа плодородия — для мужского начала непосредственно связывается с астральными культами (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 166). Помещенное рядом изображение животного рассматривается как изображение коня, чему не противоречат его детали: пропорции тела и длинный хвост. Такие рисунки известны на плитах Каменной Могилы и Усатовского кургана, идоле из Керносовки. Композиция может обозначать сцену поклонения коню-посреднику между землей людей и небом предков, небесному коню, связанному с солнцем и плодородием, а также быть отражением какого-либо тотемического обряда, бытовавшего в среде скотоводов Левобережья.

Антропоморфность Федоровского идола подчеркивается помещением на статуарное изображение ряда доминирующих человеческих признаков — утраченного выступа головы, наличия плеч, изображений рук, брюшной диафрагмы, пупа. Все это, дополненное изображениями символов власти — пояса и топора — является воплощением образа представителя верховной влас-

ти — жреца или вождя, наделенного жреческими функциями или же, вероятно, одного из важнейших божеств.

На оборотной плоскости стелы помещен ряд изображений, связанных с древним индоевропейским мифом о посещении жрецом или вождем мира предков и возвращении его назад в виде предка-покровителя (Новицкий, 1990) типа известного Пуруши (Чмыхов, Довженко, 1987, с. 135—138). В набор необходимых для этого культовых средств входят посох и контуры стоп (Алексеева, 1990), интерпретируемые рядом исследователей как реальное воплощение дающего жизнь солнечного божества (Ричков, 1982, с. 64—69; Титова, 1982, с. 12—14) или символизирующего превращение человека в существо высшего порядка (Алексеева, 1990). Интересно, что обращенные кверху носки стоп, видимо, свидетельствуют именно о возвращении с «того света» изображаемого. Положение стоп, пересекающих пояс, символизирует определенную связь изображений стоп-символов великого божества плодородия, господствующих форм хозяйствования и власти (Титова, 1982, с. 14). Вместе с тем дополнительные признаки антропоморфности — наличие ребер — это не только элементы того же мифа об уходе из мира живых (Новицкий, 1990), но и своеобразная кодировка пространственно-временной связи этих явлений. «Ребра» — канавки оборотной плоскости продолжаются с изломом (повторяя очертания человеческой фигуры) на боковых сторонах, достигая лицевой грани (рис. 7,1), как бы связывая мир создателей изваяния с миром предков. Изображения «позвоночника» и «ребер» при рассмотрении воспринимаются как древо жизни с характерным трехчленным делением: корни (ладьевидное углубление) — ствол — ветви, соответствующими миру предков («тому свету»), настоящему творцов изображения и их космогоническим представлениям.

С открытием календарных основ росписи памятников монументальной скульптуры эпохи палеометалла Восточной Европы (Дворянинов, 1980, с. 42—52) стал возможен анализ графических изображений при помощи методики, разработанной для позднепалеолитической графики, используя которую обнаружены древнейшие в мире календари (Фролов, 1974, с. 41—48, 118—146). Рассматривая древо жизни на Федоровском идоле,

удалось проследить определенные календарные основы символики графического изображения как и на ряде др. памятников (Дворянинов, 1980, с. 48; Шилов, 1982, с. 33—34).

Сумма линий-канавок с левой и правой сторон древа жизни составляет 27. Это отвечает количеству суток драконического месяца (Климишин, 1985, с. 34—36). Суммы линий слева и справа (учитывая изломанные под углом канавки боковых сторон) составляют соответственно 26 и 28, которые при сложении единицы (графически ствол древа) будут составлять 27 и 29. Это, как известно, отвечает количеству суток в драконическом и синодическом месяцах лунного года. С правой стороны древа — сумма линий 28, то есть количество суток в усредненном месяце $\frac{(27+28)}{2}$. Общее количество линий, которые не доходят к стволу справа, — 12 (учитывая нижнюю изломанную дважды, 13), слева — 6. В сумме 6 и 12 составляют 18, что отвечает количеству безмесячных ночей лунного года. Интересно, что умножив суммы линий справа — 28 и 12, — мы получаем 336, что составляет количество лунных ночей в лунном году из 354 суток. Заметим, что общая сумма линий, которые доходят вверху к стволу, вместе с последним, составляет 55 и отвечает числу дней, показывающих отставание лунного года от солнечного за 5 лет. Приведенная интерпретация не безупречна, но присутствие календарных основ в графике древа жизни безусловно.

Таким образом, Федоровская стела — это скульптура божества с телесными атрибутами человека (Штернберг, 1936 с. 38), соответствующая комплексу представлений о первопредке — герое древних индоевропейцев (Пуруша), являвшемся символом и законом существования Вселенной и общества, верховным родо-племенным божеством, двойником знатного погребенного и проводником его души в мир богов (Чмыхов, Довженко, 1987, с. 138). Этому не противоречит и наличие на оборотной стороне идола элементов календарной графики — символов времени, видимо, входящих в круг процессов, руководимых божеством, фиксирующих временные ориентиры, необходимые для достижения «того света» и возвращения назад. Не исключено также, что изображения на стеле являются отражением представлений древнего населения Левобережья об умирающем и вновь возрождающемся божестве.

Большинство стел левобережного Поднепровья связывается исследователями с памятниками ямной и катакомбной культурно-исторических общностей (Довженко, 1989, с. 66—67; Формозов, 1969, с. 179—180 и др.). Датировка идолов с богатой иконографией не выходит за пределы конца III — начала II тыс. до н. э. На более точную дату — в рамках первой четверти II тыс. до н. э. — указывают аналогии изображенного на стеле каменного вислообушного топора, имевшие распространение в среде позднеямных и кеми-обинских племен Юга Украины.

Большинство стел левобережного Поднепровья связываются ность воспользоваться этим редким совпадением. И хотя курган был частично нарушен сурчиной, исследования 1988 г. дали определенные результаты. Курган высотой 1,32 м и диаметром 38 м содержал 6 погребений — ямное, катакомбное и 4 срубных. Его насыпь сооружалась из чернозема в два приема, Первичная насыпь возведена над погребением 5 ямного времени и имела высоту 0,95 м при диаметре 22 м, отличалась сильно уплотненным грунтом поверхности, которая была усыпана мелкими комочками охры. На ней в дерне выявлены костяная деталь музыкального инструмента типа «флейты Пана» и кости лошади. Вокруг древнего кургана был вырыт ровик шириной 0,4—0,8 м и глубиной до 0,4 м с округлым дном, прослеженный с севера и юга. В восточной поле обнаружены остатки установленного вертикального деревянного шеста диаметром 6 см. Последующая досыпка связана с катакомбным погребением 3, произведенным практически с вершины первичной насыпи. Центральная часть кургана изрыта, в т. ч. землероями.

Основное погребение 5 находилось у центра первичной насыпи на глубине 2,22 м от репера. Оно было совершено в материковой подпрямоугольной в плане яме размером 1,55 х 2,1 м, ориентированной по линии СВ-ЮЗ, опущенной с уровня древ поверхности на глубину 0,92 м (рис. 7, 5). Яму широким кольцом окружал смешанный выкид (З-В) размером 5,6 х 7,8 м

мощностью до 0,4 м. На древней поверхности в основании выкида обнаружены части тел позвонков лошади и овцы, под выкидом — венечная кость фаланги пальцев лошади. Поверхность выкида была усеяна обломками мелких животных костей и угольками. В заполнении ямы находился чернозем значительной плотности, утоптанный при засыпке. Остатков перекрытия и погребенного не выявлено.

Продольные отвесные стенки ямы сужались к западу, придавая ей «стеловидную» (отдаленно напоминающую антропоморфную) форму в плане. К юго-западной стенке погребальной ямы примыкала круглая в плане материковая яма диаметром до 1 м, также опущенная с уровня древнего горизонта на глубину 0,97 м (рис. 7, 5). Ее стенки плавно сужались книзу, переходя в округлое дно. В заполнении чередовались прослойки чернозема и суглинка толщиной 3—4 см, на поверхности которых отмечались следы увлажнения в виде загеков (рис. 7, 6). Всего прослежено 5 пар таких прослоек.

Образуя «антропоморфное» в плане сооружение, ямы погребения 5 служили культовым целям, являясь кенотафом. Вероятно, над ними совершались определенные обряды, связанные в т. ч. с жертвоприношениями. Это не противоречит высказанной гипотезе о характере назначения Федоровского идола и предназначении всего комплекса первобытному храму, связанному с обрядом погребения первопредка-двойника вождя или жреца с целью совершения «путешествия» последнего в мир богов и предков и его возвращения оттуда. На принадлежность комплекса позднеямному времени указывают находки фрагментов лепной керамики в насыпи кургана, ориентация и форма ямы погребения 5.

Комплекс кургана со стелой с богатой иконографией у с. Федоровка на р. Орчик является уникальным памятником племен ямной культурно-исторической общности и ярким свидетельством идеологических представлений населения Среднеднепровского Левобережья в начале раннего бронзового века.

И. Л. АЛЕКСЕЕВА

К СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ СТОП И ПОСОХА НА АНТРОПОМОРФНЫХ СТЕЛАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Антропоморфные стелы представляют группу источников, содержащую довольно емкую информацию о сфере духовного производства племен эпохи палеометалла Северного Причерноморья. Один из наиболее распространенных сюжетов на стелах, изображения стоп и посохов, в последние годы вызвал оживленную дискуссию в археологической литературе.

Идеограммы стоп и посохов, представленные вместе или каждый в отдельности, распространены в широком территориальном и хронологическом диапазоне Старого и Нового Света. Особенно часто они встречаются на монументальной скульптуре ямных погребальных комплексов и являются характерной деталью их обряда захоронений.

В Северо-Западном Причерноморье у с. Новоселовка Килийского района Одесской области на северо-восточном берегу оз. Китай обнаружена антропоморфная стела, стоявшая первоначально на вершине кургана курганной цепи, протянувшейся вдоль восточного берега озера и далее на север вдоль левого берега р. Алияга.

На лицевой, плохо сохранившейся стороне стелы гравировкой и плоским рельефом изображены глаза, рот, непропорционально короткие и тонкие руки с прижатыми к груди растопыренными пальцами, пояс, охватывающий среднюю часть стелы со всех сторон и за поясом наискось влево — посох с загнутым вниз верхним концом. На задней стороне изваяния, на боках и частично спереди четко просматриваются ребра (по шесть с каждой стороны), позвоночник, лопатки, выделенные полукружиями и плоский затылок, отесанный в виде полукруглой площадки. Наиболее выразительны на обратной стороне идола, пересекающие пояс перпендикулярно, обращенные носками вниз, две большие (по 30,5 см) стопы ног. Низ стелы немоделирован, что указывает на ее первоначальное вертикальное положение и подтверждает установку на вершине кургана.

Изображения крупным планом, повторяемость на большинстве антропоморфных стел отпечатков стоп, позвоночника с ребрами, лопаток, пояса, посоха говорят о том, что они занимали

значительное место в иконографии и обладали высоким информационным статусом.

Наиболее близкой новоселовской можно считать Федоровскую стелу, хранящуюся в Полтавском музее. На последней, в похожей манере, изображены позвоночник, ребра, пояс и отпечатки стоп, пересекающие пояс перпендикулярно, но, в отличие от новоселовской, носками вверх.

При выявлении семантики изображений синкретический характер памятников искусства древнейших скотоводов дает основания предполагать их известное функциональное сходство и персонифицировать в качестве древнейших божеств или их прообразов, в данном случае, божеств, связанных с погребальным культом.

Умерший, находясь в царстве мертвых, оказывал определенное воздействие на оставшихся в живых членов семьи, рода, племени. В определенной степени благополучное достижение страны мертвых живые должны были обеспечить, и достигалось это надежным снаряжением умершего, в которое входили прочные, рассчитанные на долгий, трудный путь обувь и посох.

В мифологии известна и следующая фаза путешествия — возвращение — возрождение из мира мертвых. Очевидно, поэтому изображения стоп-посоха приобретают еще одну функцию — приносить благо и сохраняются в иконографии скотоводов эпохи палеометалла длительное время.

Таким образом, внутри культовой системы эпохи палеометалла Северного Причерноморья посох и стопы имеют значение: 1) выражают культовые предметы, без которых невозможно достижение загробного мира, 2) символизируют превращение человека в существо высшего порядка, 3) являются символом благополучия-плодородия.

Л. Г. СИВОЛАП, М. П. СИВОЛАП

КУРГАН «КИЦИНА МОГИЛА» В ЛІСОСТЕПОВОМУ ПОДНІПРОВ'Ї

1. Курган 3 біля с. Придніпровське Чорнобаївського р-ну Черкаської обл. був досліджений Черкаською Лісостеповою археологічною експедицією у 1987 р. Курган знаходився на вершині пологого підвищення плато на правому березі р. Коврай і

займав панівне положення в групі з 6 курганів, 4 з яких також були розкопані експедицією і містили виключно ямні поховання (Григор'єв, Сиволап, 1987, 1988).

2. Початкова висота кургану, за даними одного з авторів, складала 4—5 м. Розміри пам'ятки перед початком розкопок: висота 1,3 м, діаметр 42 м. Як показали дослідження, курган було споруджено в п'ять прийомів. Найдавніший насип (1) мав дещо незвичайну «ступнеподібну» форму з перехватом посередині і був витягнутий довгою віссю по лінії Пн-Пд. Довжина насипу 19,1 м, ширина в місці перехвату 8,9 м, висота у цьому ж місці 0,27 м. Максимальна висота (0,98 м) спостерігалась у північній найширшій (10,8 м) частині насипу. Краєм своєї північно-східної поли насип (1), очевидно, частково перекривав поховання 2. Насип над цим похованням повністю зник, ймовірно, в результаті просадки і сповзання краю поли в могилу під дією атмосферних факторів, про що свідчить лінзовидне заповнення верхньої чверті ями. Асиметричний підковоподібний викид потужністю 0,2 м знаходився на Зх, Пд і Пн від поховання і був перекритий краєм початкового насипу завтовшки 0,2—0,3 м.

3. Яма основного поховання 2, розмірами 1,71 х 1,18 м і глибиною 0,95 м, мала прямокутну форму з дещо заокругленими кутами і була орієнтована довгою віссю по лінії Зх-Сх. Особливістю даного поховання була повна відсутність кісток похованого (кенотаф, культове місце?), а також інвентаря, слідів підстилки і перекриття. Виходячи з вищесказаного, можна припустити, що яма поховання 2 була засипана при спорудженні насипу (I).

4. Наступний насип (II) повністю перекривав насип (I) і поховання 2. При цьому насип (II) в загальних рисах повторював обриси насипу (I), зберігаючи перехват в середній частині.

5. В край східної поли насипу (II) було впущене поховання, 1, перекрите впоперек дерев'яними плахами, поверх яких були укладені два різнонаправлені шари комишу, загальною потужністю 2,6 см. Могильна яма мала прямокутну форму з дещо заокругленими кутами і була орієнтована довгою віссю по лінії Зх—Сх. Розміри ями 2,44 х 1,65 м, глибина — 1,19 м. Забарвлений вохрою скелет похованого лежав на підстилці з кори, головою на захід, в положенні лежачи на спині з простягнутими вздовж корпусу руками і підігнутими догори колінами. Інвентар був відсутній. Вказані ознаки поховання 1, а також пов-

на його ідентичність похованням курганів, що входили до тієї ж групи, дозволяють віднести його до середньодніпровського варіанту ямної культури. За радіовуглецевим аналізом деревини плах перекриття поховання 1 датується 2500±50 р. до н. е. (аналіз КИ-3139).

6. Поховання 1 було перекрите насипом (III), який лише частково повторює контур двох попередніх насипів, зберігаючи перехват тільки у східній частині кургану. Насипи (IV) і (V) збереглись лише у східній полі. Вся їх верхня частина і пов'язані з ними поховання були зрізані бульдозером під час нівелювання кургану в 1970-х рр.

7. За нашим припущенням, насипи (I) і (II) служили ритуальним цілям, як і поховання 2. Цей комплекс, ймовірно, також відноситься до ямного часу, про що свідчить ряд ознак поховання 2 (орієнтація, розміри і форма ями, тощо). Аналогіями згаданого комплексу можуть бути різні так звані «антропоморфні», «місяцевидні», «ступневидні», інші нетрадиційних форм насипи в ямних і доямних курганах Півдня України, зокрема, в Подніпров'ї, де вони часто поєднуються з кенотафами.

А. В. АНДРОСОВ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНОГО ОФОРМЛЕНИЯ КУРГАНОВ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА ЮЖНОЙ УКРАИНЫ

Традиция возведения надмогильных земляных сооружений (курганов) зарождается в круге доямных энеолитических культур степной зоны Восточной Европы. Ее совершенствование в эпоху бронзы проявляется в многообразии архитектурных форм, отражающих как определенный уровень развития производительных сил и социальной структуры, так и сложную систему идеологических представлений.

При исследовании курганных могильников южной части Днепропетровской области экспедицией ДГУ накоплен значительный материал, позволяющий представить как технологию и общие принципы строительства, так и индивидуальное оформление курганных сооружений.

Основным и универсальным строительным материалом служили специально заготовленные плитки дерна и грунт, взятый с поля или из поймы степных рек. Дополнительно применялись материковый суглинок, пластичные пойменные илистые отложения (грязевые обмазки), специально замешанная с травой глина (саман), а также камень и дерево. Сооружения из этих материалов можно условно разделить на две большие группы — внутренние (в толще кургана) и внешние, оформляющие его поверхность. Внутренние конструкции служили для возведения прочного и устойчивого к внешним воздействиям усеченно-конического или цилиндрического цоколя — низкой платформы с укрепленными внешними сторонами (кромлехи, вертикальные подпорные стенки из плиток дерна или камней, илистые или саманные обмазки). На этом фундаменте в дальнейшем возводилась насыпь (Новоалександровка 1/6; Широкое 2/1а; Каменка 2/2 и 5/3; Кировка 1/1, Жовтневое 1/1). Оформление поверхности курганов сохраняется значительно хуже и фиксируется только в тех случаях, когда временной разрыв между стратиграфическими слоями был небольшим. Возможно выделить несколько типов внешних конструкций: а) уплотненные или обмазанные саманом, четко очерченные площадки на вершинах курганов; б) илистая или саманная обмазка склонов, имеющая целью восстановить и закрепить форму сооружения; в) алтари сегментовидной формы с горизонтальной поверхностью; г) выделенные узкие дорожки с саманным покрытием и каменной обкладкой по краю; д) деревянные сооружения и площадки, устланные камышом; е) выкладки и отдельные камни, не связанные с погребениями. Зачастую внешние конструкции сочетаются между собой и с остатками тризны в виде кострищ, разбитых сосудов и костей животных (Терны 2/4; Кисличеватая 2/5; Григорьевка 2/7 и 1/5; Новый мир 2/1 и 1/3).

Таким образом, если внутренние конструкции в основном определялись технологией и имели утилитарное назначение, то внешние определяли индивидуальный облик кургана, длительное время использовались для отправления культа и являются археологически фиксируемыми свидетельствами функционирования надмогильных сооружений в качестве святилищ (храмов).

Л. Г. КОВАЛЕВА

О ДАТИРОВКЕ КУЛАЧКОВЫХ БУЛАВОК

1. Так называемые кулачковые булавки являются одной из разновидностей молоточковидных булавок, широко распространенных у племен ямной культуры на территории Северного Причерноморья.

Б. А. Латынин выделил кулачковые булавки в отдельный тип, для которого характерны следующие признаки: «головка булавки относительно длины стержня небольшая с отделенными от нее округлыми или слабомоделированными, «кулачковыми» боковыми выступами» (Латынин, 1967).

Согласно Б. А. Латынину, этот тип является самым древним и начинает выработанный им типологический ряд молоточковидных булавок. Основанием для такой датировки явилась интерпретация комплекса из Старой Михайловки, в который, кроме кулачковой булавки, входила костяная плоская бляшка, аналогичная, по мнению исследователя, каменным подвескам из Мариупольского могильника. На основании этого сходства автор и датировал весь комплекс не позднее середины III тыс. до н. э.

2. Вслед за Б. А. Латыниным такая датировка кулачковых булавок получила распространение в научной литературе. Булавки этого типа начали привлекаться как надежный хронологический показатель (Щепинский, 1973; Марина, Никитин, 1980). Все же такой возраст булавок представляется недостаточно аргументированным, более того, имеются основания для пересмотра этой даты: а) документация по Старомихайловскому кургану полностью отсутствует. Следовательно, кулачковая булавка и пряжка не могут считаться безусловно происходящими из одного комплекса. Единственным соображением в пользу их связи является то, что они нашиты на один музейный планшет; б) в настоящее время аналогичные старомихайловской костяные бляшки хорошо известны как фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики и датируются серединой II тыс. до н. э. (Гершкович, 1986). Этот факт также свидетельствует о том, что кулачковая булавка и костяная пряжка происходят из разных комплексов.

Таким образом, данных, несомненно указывающих на ранний возраст кулачковых булавок, нет.

3. Особое значение для датировки кулачковых булавок приобретают погребальные комплексы, содержащие булавки и некоторые типы датирующих металлических изделий, а именно: стержневидные подвески (г. Симферополь, уч. Генкеля, к, 1, п. 2) [Веселовский, 1890] и прямоугольные бляхи-обоймы (Миновка, к. 2, п. 5) [Николаева, Сафронов, 1973].

Стержневидные подвески появляются на территории Украины и Северном Кавказе в предкатакомбное время и распространены в раннекатакомбный период [Братченко, в печати].

Прямоугольные бляшки-обоймы характерны для позднеямно-раннекатакомбного периода и датируются первой четвертью II тыс. до н. э. [Черняков, Никитин, 1988].

Правомерно будет допускать для кулачковых булавок Северного Причерноморья близкий возраст. На относительно позднее время существования булавок со слабомоделированным навершием указывают материалы Северного Кавказа и Предкавказья [Марковин, 1971; Синицын, 1978], раннеполтавкинский комплекс с кулачковой булавкой и стержневидными подвесками из Поволжья (Бородаевка, F 6/9), а также ряд других данных.

4. Можно заключить, что в настоящее время нет данных, позволяющих относить кулачковые булавки к середине III тыс. до н. э. Скорее всего, бытование этих изделий определяется рамками позднеямно-раннекатакомбного периода. Кулачковые булавки не являются древнейшими, а, очевидно, сосуществуют с некоторыми другими типами молоточковидных булавок. Не исключено, что они являются самым поздним типом этих изделий, фиксируя один из этапов угасания и исчезновения традиции использования молоточковидных булавок.

В. Ф. КЛИМЕНКО

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ХАРЬКОВЩИНЕ

Енакиевская археологическая экспедиция «Эврика» в 1979 — 1985 годах провела охранные раскопки 33 курганов эпохи меди — бронзы в бассейне Северского Донца на территории Харьковской области. В курганах исследовано 121 погребение катакомбной культуры.

Погребения катакомбной культуры были основными в 27 курганах (Балаклея, Борщевка, Вербовка, Волосская Балаклея, Мостовое, Пришиб). В курганах содержалось от 1 до 12 ка-

такомбных погребений. Все они совершены в материке. 17 погребений (14,1%) совершены в центре кургана. Остальные располагались по краю, преимущественно в восточной поле. Наиболее распространенной формой погребального сооружения является катакомба (75%).

Анализ положения костяков и керамического комплекса в исследованных курганах позволяет отнести катакомбные памятники к трем группам: донецкой, бахмутской и харьковско-воронежской.

Для памятников донецкой культурной группы характерны погребения, в которых умерший лежит на правом боку, лицом ко входу в катакомбу. Типовым является положение рук: правая вытянута вдоль туловища, левая чуть согнута и находится в области таза. Угол скорченности 130°—135°, в коленях от 60°—70° до 10°—17°. Преобладает южная ориентация умерших. В 57 погребениях донецкого типа найдено 68 сосудов. Выделяются богато орнаментированные кубки с высокой цилиндрической шейкой и резко изогнутыми боками и амфорки с двумя парами плоских ручек каждая, со сферическим туловом и высокой цилиндрической шейкой. (Рис. 8).

Для памятников бахмутского типа характерно положение умерших на правом боку, изредка — на спине. Ориентация погребенных на юго-запад, запад и северо-запад. Угол скорченности, в основном, тупой. Но встречаются костяки, у которых угол в коленях намного больше, чем в тазобедренных суставах. В большинстве случаев угол в коленях остается тупым, но у ряда погребенных пяточные кости вплотную примыкали к тазу. Наблюдаются новации и в положении рук: у некоторых погребенных кисти протянуты к лицу. В 34 погребениях бахмутского типа найдено 38 сосудов. Сосуды характеризуются высокими формами с раструбной шейкой, хотя встречены и своеобразные низкие горшки. Доминирует рельефная валиковая и прочерченная техника орнаментации. Входит в обычай опоясывать основание шейки орнаментальными поясами из валика, прочерченных линий, наколов, защипов.

В погребениях харьковско-воронежского типа умершие лежали на правом боку с вытянутыми вдоль туловища руками. Угол скорченности 115°—160°, угол в коленях приближается к прямому. Преобладает южная ориентация умерших. В 27 погребениях найдено 34 сосуда. Среди них высокие сосуды с вы-

сокой раструбной шейкой, орнаментированные по плечикам полуовалами, обращенными закругленными частями вверх. Валиковый и прочерченный орнамент иногда сочетается со шнуровым.

Кроме керамики погребения содержали разнообразный инвентарь: кремневые наконечники копья и дротиков, зернотерки, терочники, оселки, выпрямители древков стрел, мраморное навершие булавы, керамические модели колес, костяные височные кольца. Изделия из бронзы представлены ножами, наборными браслетами, подвесками, бусами, височными кольцами.

Исследованные нами памятники дали новые материалы для изучения бронзового века бассейна Северского Донца.

В. В. ГЕНИНГ

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БОЕВЫХ КОЛЕСНИЦ СТЕПНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

1. Находки остатков боевых колесниц в могильниках эпохи бронзы (Синташта, Большекараганский, Кулевчи и т. д.), а также отдельных деталей конской упряжи для колесниц (пластинчатые дисковидные псалии — Синташта, Кулевчи, Потаповка, Утевка, Трахтемиров и др.) на территории степных культур поднимает вопросы о времени существования и тактике использования этого вида вооружения.

2. Особый интерес в этом плане представляют могильники, в которых вместе с остатками колесниц найден весь комплекс вооружения (Синташта и др.). В погребениях с легкими боевыми колесницами обычно присутствовал колчан со стрелами (причем длина наконечников достигала 12—15 см) и, иногда, тяжелое копье с бронзовым наконечником сейминского типа. Здесь же следует упомянуть особенность запряжки: из двух лошадей, впряженных в колесницу, управлялась (псалии найдены на черепах) только одна, в большинстве случаев левая, и лишь иногда правая. В то же время в других погребениях этих могильников встречались бронзовые и каменные топоры, каменные булавы, легкие копья-дротики.

3. Со времени одомашнивания лошади в степи была известна верховая езда (видимо, с использованием мягкой кожаной упряжи), так как пасти табуны лошадей пешему вряд ли возможно. Естественно, что одновременно с конными пастухами появились и конные воины. Вооружение их состояло, по-видимому, из каменного, а затем и бронзового топора или булавы, насаженных на длинную рукоять. Вероятно, часть каменных наверший булав, широко распространенных в степях, являлась символами власти; однако, большинство их, судя по массовости находок, скорее всего, были боевым оружием. Может быть, значительная часть подобных булав не насаживалась на рукоять, а являлась ударной частью оружия типа цепа/кистеня, привязываясь через тонкое отверстие при помощи кожаного ремня к довольно короткой рукояти. Эффективность такого оружия весьма велика. Кроме того, в состав вооружения конного воина входило легкое копье-дротик, как с бронзовым, так и кремневым наконечником.

4. В степных культурах издавна был известен лук, находки наконечников стрел в погребениях довольно часты. В последние годы в ряде погребений катакомбной АК зафиксированы остатки деревянных луков (Владимировка, Ефремовка, Новодмитриевка и др.). Наиболее хорошо сохранившиеся луки представляют собой стержни длиной до 1,5 м, одна сторона у которых полукруглая, а другая — прямая. Сечение 2,0х2,5 см. К концам этот стержень утончается. Такой лук, по-видимому, не мог использоваться конным воином. Однако, для борьбы с конницей пеший лучник недостаточно подвижен. По-видимому, именно для борьбы с конными воинами, вооруженными только оружием ближнего боя, была создана боевая колесница, т. е. пеший стрелок из лука был поставлен на колесницу и получил такую же подвижность и маневренность, как и конный воин, обладая при этом оружием дальнего боя. Судя по наконечникам стрел длиной 12—15 см, длина самой стрелы была не менее 1 м, а длина лука при этом могла достигать 1,8—2,0 м, дальнобойность его — 100—200 м (убойная сила — до 70—130 м). Стрелок на колеснице не мог сам управлять животными и одновременно вести стрельбу; ему был необходим возница, управляющий колесницей в бою. Именно такие колесницы, рассчитанные на двух человек, где возница стоит слева и управляет левой лошадью, а

колесничий, вооруженный тяжелым дальнобойным луком ведет стрельбу справа, и найдены в указанных могильниках. Для ближнего боя колесничий имел тяжелое копье.

5. Исходя из всего сказанного выше следует, что появление боевых колесниц в степях Евразии, видимо, следует отнести к рубежу III—II тыс. до н. э. Именно в это время фиксируется появление большого дальнобойного лука, который мог использоваться только пешим или колесничим. Появление такого грозного оружия как колесницы, способного успешно противостоять коннице и обладающего высокой скоростью и маневренностью, привело к выделению колесничих воинов в особую социальную группу, статус которой оформился к XVII—XVI вв. до н. э. Именно в это время фиксируются колесницы в погребениях, причем это уже весьма высокий уровень и отработанная технология производства боевых колесниц.

6. В дальнейшем боевые колесницы существуют в степях, может быть, до рубежа II—I тыс. до н. э., однако устоявшийся социальный статус группы колесничих, возможно, уже не требует подтверждения в виде захоронений с колесницами. С появлением в конце II тыс. до н. э. сложного короткого дальнобойного лука (типа скифского), которым вооружаются конные воины, приводит к потере преимуществ и исчезновению колесниц. Они уже сохраняются только в качестве парадных экипажей. В других же регионах они продолжают использоваться для борьбы с пехотой (ассирийские, персидские и др.).

В. И. ЦЫМБАЛ

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Выполняя работы в зоне сооружения канала «Днепр-Донбасс», Енакиевский отряд экспедиции Института археологии АН УССР в 1973 году провел охранные раскопки трех курганов эпохи меди-бронзы в бассейне р. Орельки у сел Хижняковка и Петровское Лозовского района Харьковской области. Высота курганов 0,5—1,3 м, диаметр 20—40 м. Всего обнаружено 21 погребение: 5—древнеямной культуры, 6—катакомбной, 6—срубной. Культурная принадлежность четырех погребений не установлена.

В кургане 1 (Хижняковка) основным погребением было древнеямное. В этот курган были впущены одно древнеямное, одно катакомбное, 4 срубных и 2 погребения с неясной культурной принадлежностью. В кургане 1 (Петровское) основным было древнеямное погребение. В курган впущены 2 древнеямных, 5 катакомбных и одно погребение с неясной культурной принадлежностью. Курган II (Петровское) сооружен над срубным погребением. В насыпь впущены одно срубное и одно погребение с неясной культурной принадлежностью.

Могильные сооружения древнеямной культуры представляли собой прямоугольные (2), ромбовидную (1) и овальные (2) ямы, ориентированные по линии восток-запад. Погребенные лежали на спине, в скорченном (4) и вытянутом (1) положении, головой на восток. Руки вытянуты вдоль туловища. У трех погребенных ноги согнуты вправо, у одного — влево, у одного — коленями в противоположные стороны. В погребениях присутствовали красная охра, мел. Инвентарь представлен ромбовидной зернотеркой и цилиндрическим пестиком из гранита, каменным молотком, кремневыми отщепами. (Рис. 9).

4 погребения катакомбной культуры совершены в ямах округлой формы. Только в двух из них полностью сохранились костяки. Они лежали на правом боку в скорченном положении, головой на юг. Руки вытянуты вдоль туловища. Одно погребение совершено в катакомбе. Входная яма прямоугольной формы. Устье погребальной камеры располагалось с востока. Камера имела овальную форму. Погребенный лежал скорченно на правом боку, головой на юго-восток, инвентарь представлен двумя кремневыми отщепами и двумя сосудами.

Погребения срубной культуры являются впускными. Только одно погребение было основным. Большинство погребенных лежали скорченно на левом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицевой частью черепа. В одном погребении умерший лежал на правом боку. Интересно погребение 5 в кургане у с. Хижняковка. Туловище умершего расчленено пополам. Верхняя часть лежала на правом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кисти у лица. Нижняя часть лежала скорченно на левом боку, стопами к верхней половине туловища. Погребальный инвентарь срубных погребений представлен четырьмя остроребериыми и тремя баночными сосудами. Верхняя часть остроребериых сосудов орнаментирована оттисками шнура.

Один баночный сосуд орнаментирован косыми насечками по срезу венчика, один — двумя горизонтальными рядами коротких вертикальных насечек по верхней части тулова.

Таким образом, исследования у сел Хижняковка и Петровское дали новый материал, относящийся к эпохе меди-бронзы.

Е. Л. ФЕЩЕНКО

К ВОПРОСУ О СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ИМПОРТАХ В КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЕ ПРЕДСТЕПЬЯ

Отмечаемые многими исследователями традиционные связи Кавказа с культурами Украины в эпоху ранней бронзы (Нечитайло, 1987) получают новые подтверждения в исследованиях катакомбных памятников южной Лесостепи.

Работами новостроечной экспедиции ДГУ здесь была выделена представительная группа погребений, произведенных по обряду и с инвентарем предкавказской культуры (Ковалева, 1973; 1981), что позволило названному автору писать о миграции ее носителей, обусловленной кризисом экосреды на рубеже XVII—XVI вв. до н. э.

Вместе с тем, в катакомбных погребениях, относимых к 1 обрядово-хронологической группе, прямых свидетельств проникновения кавказских импортов до последнего времени не было, что рассматривалось И. Ф. Ковалевой как присущий им этнографический признак.

В настоящее время в среднем Присамарье исследовано катакомбное погребение, позволяющее говорить о достаточно ранних связях с Кавказом.

Погребение № 3 кургана 9 у с. Вербки Павлоградского района Днепропетровской области впущено в ямный курган на расстоянии 3,2 м к востоку от центра. Прямоугольная в плане шахта соединялась с камерой коротким дромосом. Дно камеры прямоугольной формы, площадью 4,2 кв. м было обожжено. В сложную подстилку входил слой травы, кожа и мел. Скелет взрослого лежал скорченно на правом боку в южной ориентации, справа от него находился скелет ребенка, на черепе которого сохранились остатки головного убора. На груди взрослого обнаружено ожерелье, состоявшее из бисера, бочонковидных бус и

бронзовых подвесок в виде перевитого стерженька с петлей на одном конце и утолщением на другом, и медальонов с большим отверстием по центру и петелькой для подвешивания. Второй набор украшений, включавший бисер, молоточковидную булавку, подвески из двух клыков и коренного зуба хищника, а также бронзовую литую полусферическую бляху с отверстием в центре, лежал у колен. На запястье правой руки находился составной бронзовый браслет, крепившийся к кожаной основе.

Анализ погребального обряда позволяет отнести его к 1 обрядово-хронологической группе катакомбных погребений Орельско-Самарского междуречья. Украшения имеют многочисленные аналогии в соответствующих материалах северокавказской культуры, где датируются временем от рубежа III—II тыс. до н. э. по 1800—1700 гг. до н. э. (Нечитайло, 1978). В Нижнем Подонье они представлены в памятниках донецкой катакомбной культуры (2000—1700 гг. до н. э., по С. Н. Братченко).

Таким образом, анализ погребального обряда и инвентаря позволяет датировать погребение у с. Вербки временем 1800—1700 гг. до н. э., что свидетельствует о достаточно ранних контактах населения Кавказа и Левобережной лесостепной Украины.

И. Ф. КОВАЛЕВА

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ИДЕОЛОГИЯ ПРЕДСРУБНОГО ОБЩЕСТВА ЮЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Изучение социальной структуры и идеологии предсрубного и срубного общества южной Лесостепи по данным погребального обряда в определенной степени корректируется данными индоевропейской лингвистики и мифологии, что определяется индоиранским этносом срубных племен, признаваемым большинством исследователей (Грантовский, 1981; Абаев, 1972; Березанская, 1982; Кузьмина, 1981 и др.). Правомерность распространения данных о социальной организации и религии древних индоиранцев на племена культуры многоваликовой керамики основывается на наследовании ими в качестве генетической основы ямной культуры, являющейся частью индоевропейского массива и предшествовании, в качестве местного субстрата, срубной культуре западного региона. Вместе с тем, мы далеки

от мысли о возможности прямой экстраполяции сословного деления индоиранского общества времени создания Ригвед на общественные отношения племен среднего и позднего бронзового века.

Социальные реконструкции, в частности, определение уровня стратификации общества по данным погребального обряда культуры многоваликовой керамики южной Лесостепи, представляют большие трудности в силу редкости признаков, которые можно использовать как социально-разграничительные. Курганы отличаются унифицированностью размеров и небольшим (до 160 куб. м) объемом грунта, что позволяет, применив шумерийские нормы труда землекопов и носильщиков (Вайман, 1964) предположить участие в работах не более 20 человек, трудившихся сообща в течение 7—10 дней, что посильно для семейной общины без нарушений других сторон производственной деятельности.

Тем более значительными являются немногочисленные большие курганы, возведенные над основными погребениями культуры многоваликовой керамики, отличающиеся сложностью устройства насыпи и подкурганного пространства, на котором выделяются тризненные площадки, жертвенники из черепов животных, кострища. Одним из таких неординарных памятников является курган «Долгая могила», исследованный нами у с. Терны в среднем Приорелье. Насыпь значительной — 106 м — длины высотой 4,6 м возникла в результате огромной по количеству входящего в нее грунта (4347 куб. м) досыпки, объединившей два ямных кургана и связанной с погребением культуры многоваликовой керамики. В могиле установлена дощатая гробница, на перекрытии которой положена напутственная пища, происходящая от двух особей крупного рогатого скота. Поза и ориентация на запад характерны для ранней группы погребений. Социальную значимость покойника подчеркивал инвентарь, включавший костяную зооморфную пряжку-крюк и точильный брусок, который в поясных наборах раннего железного века обычно символизировал воина. Рядом с могилой была установлена деревянная антропоморфная стела, которая может рассматриваться как обобщенно-символический образ мифологического прародителя. В одновременной мужской женской могиле инвентарь отсутствовал, что позволяет предположить неполноправный характер погребенной.

Довольно перспективным представляется предположение об особом положении погребенных, сопровождаемых деревянными чашами, которым в культе древних индоиранцев принадлежала особая роль. Из 9 погребений, сопровождавшихся чашами, могилы 7 отличались значительными размерами и сложностью устройства, а поза погребенных — нестандартным положением. В 3 случаях были найдены наконечники стрел, относимые к категории функционально-престижных предметов. В погребенных можно видеть лиц, наделенных сакральной властью.

Значительно меньше данных для характеристики семейной организации населения культуры многоваликовой керамики. Погребения имеют исключительно индивидуальный характер и принадлежат, в основном, взрослым индивидам; инвентарь сопровождает как мужчин, так и женщин, но деревянные чаши, костяные пряжки и наконечники стрел присутствуют лишь в мужских могилах.

В погребальном обряде племен культуры многоваликовой керамики южной Лесостепи сохраняется универсальная форма надгробия — курганная насыпь. В организации подкурганного пространства отмечено устройство ритуальных площадок, перекликающихся с ритуальными предписаниями Ригвед об оформлении жертвенного места (Ригведа, У, 5). Дощатые гробницы подражают жилищам живых, что отражено в мифологии и погребальной традиции индоиранцев. Идея сохранения тела и заботы о нем находится в прямой связи с идеей кармы. Важное место в погребальном обряде отводилось культу огня. Несомненна связь с идеологическими представлениями обычая помещать в могилу черепа и конечности животных (Кузьмина, 1976; Грязнов, 1977). Особая культовая роль отводилась в инвентаре отщепам кремня без следов использования. В иранской мифологии сюжет, связанный с камнем (например, рождение героя из камня) имел широкое распространение и получил отражение в образе Митры (Дюмезиль, 1976). В нартском эпосе камень предстает как лоно, в котором зарождается жизнь (Ардзинба, 1985).

Солярно-астральные представления племен культуры многоваликовой керамики нашли отражение в орнаментации керамики.

І. В. ПАЛАГУТА, М. П. СИВОЛАП

КУРГАН ЕПОХИ БРОНЗИ ПОБЛИЗУ СТ. ПАЛЬМИРА

1. У 1988 р. Черкаська Лісостепова археологічна експедиція провадила дослідження курганів у межиріччі лівих приток р. Золотоношка — рр. Сухий Згар і Кропивна поблизу ст. Пальмира. В геоморфологічному відношенні район розкопок є сплощеною ділянкою слаборозчленованого плато Лівобережної Придніпровської терасової рівнини.

2. Особливий інтерес з розкопаних нами пам'яток стано вить курган 2, висотою 1,5 м і діаметром 30 м. В кургані, спорудженому в три прийоми, виявлені поховання: одне основне і два впускні. Найдавніший насип був овальної в плані форми, витягнутий у напрямі Пн-Пд, розмірами близько 20 х 16 м, обмежений суцільним кільцевим ровом дещо неправильних звивистих обрисів, шириною 1,3—1,4 м і глибиною 1,1—1,5 м. Листкувате заповнення рову, в якому на різній глибині траплялися фрагменти кісток і кераміки, свідчить, що рів протягом деякого часу лишався відкритим. З зовнішньої сторони рову, по всьому його периметру, розташувався валоподібний викид завширшки 2,2—2,5 м і потужністю 0,2—0,4 м.

3. В центрі оточеного ровом простору простежено витягнуте довгою віссю по лінії Пн-Пд підвищення, ймовірно, прямокутної форми, шириною 7,1—7,2 м і висотою 0,2 м, яке утворилося в результаті зняття дернового шару навколо нього. В центральній частині цього підвищення знаходилося основне поховання 3, здійснене в неглибокій прямокутній ямі з заокругленими кутами, розмірами 1,95 х 1,05 м. В заповненні ями простежені рештки поздовжнього дерев'яного перекриття. Похований лежав на підстилці з кори в слабоскорченому положенні на лівому боці головою на схід, кисті рук складені перед обличчям. В області тазу знаходилась кістяна пряжка з одним отвором. (Рис. 10).

4. Пряжка з поховання 3 і знайдені в північній частині рову і в початковому насипу кургану фрагменти кераміки з багатоваликовою орнаментацією (гладенький нерозчленований валик, що утворює «ялинку» і паралельні лінії) дозволяють віднести вказане поховання до культури багатоваликової кераміки.

5. Наступні підсипки повністю перекрили рів. Пов'язані з ними поховання 1 і 2 впущені в південну полу кургану. Поховання 1 здійснене в прямокутній ямі з заокругленими кутами, розмірами 1,6х0,98 м (можливо, дитяче?), орієнтованій довгою віссю по лінії Зх-Сх. Майже повністю зруйноване норами. На дні могили простежувалися рештки підстилки з кори. Виходячи з того, що у східній частині ями знайдено фрагменти черепа, а в західній — кості нижніх кінцівок, похований, очевидно, був орієнтований головою на схід. Могильна яма поховання 2, розмірами 2,30 х 1,05 м, впущена південною своєю частиною в рів, який на час поховання вже давно не існував. В заповненні могильної ями простежені рештки поздовжнього дерев'яного перекриття, а на дні її — сліди підстилки з кори. Похований лежав у сильно скорченій позі на лівому боці, головою на схід, кисті рук складені перед лицем.

6. Аналогією до розкопаного нами кургану багатоваликової культури з ровом, за загальною конструкцією насипу, може бути курган 5 біля с. Любарці (Березанська, Круц, 1974) Бориспільського району Київської області, також розташований на плато Лівобережної Придніпровської терасової рівнини.

7. Вищезгадане прямокутне підвищення, на нашу думку, — це культовий майданчик, семантичними паралелями якого є, можливо, заглиблені ритуальні майданчики під зрубними курганами Поорілля (Чередниченко, 1986, с. 57—58) та «паві» — священні місця стародавніх іранців, що являли собою чотирикутні ділянки землі (Бойс, 1987, с. 13).

8. Культовий характер всього комплексу, пов'язаного з похованням 3, підтверджується поєднанням у ньому двох основних міфопоетичних символів — круга (овалу) і квадрата (прямокутника). Обидва символи часто пов'язуються один з одним, із світовим деревом, поняттям космосу, часу, землі, храму і т. д.

9. Матеріали дослідження кургану 2 біля ст. Пальмира важливі для розширення джерелознавчої бази до вивчення ідеологічних уявлень іраномовних племен епохи бронзи Середнього Подніпров'я.

Б. А. АНТОНЕНКО

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У С. МОРОКИНО

В 1980—1981 гг. экспедицией Киевского госуниверситета был исследован курганный могильник у с. Морокино Близнюковского р-на Харьковской области, на водоразделе Днепровской (р. Орелька) и Донской (р. Бритай) водных систем. Могильник исследован частично; всего раскопано 7 курганов, в которых обнаружено 6 погребений бронзового века.

Два погребения имели ярко выраженные черты культуры многоваликовой керамики (КМК): западная ориентировка, положение рук погребенных, наличие кремня, астрагалов козыовцы, посыпка черепа охрой и т. п. Отсутствовал керамический материал, найдено бронзовое тесло, широко распространенное во II-й половине 2 тыс. до н. э. Известны тесла из кладов (Рыбаковский), из погребений и случайных находок. Распространены в КМК и срубной культуре.

Остальные погребения имели черты срубной культуры: это восточная ориентировка с небольшими отклонениями, поза адорации на левом и правом боку, наличие керамики в погребениях, а также в двух погребениях примечательно накрытие ям шкурами жертвенной коровы с остатками черепа и конечностей. Подобный обряд упоминается в Ригведе. Бронзовый нож, найденный в одном из погребений, относится по Кореневскому к 4 группе ножей и датируется широкими рамками вплоть до конца бронзового века. Наиболее интересен керамический материал. Несколько сосудов имеют определенное сходство с сосудами т. н. маевского типа. Неорнаментированная остроребериая миска из п. 1 к. 10 (нумерация по отчетам) близка к столовой посуде 2 типа по классификации Ковалевой. Интересен желобок на внутренней поверхности венчика — признак посуды, прежде всего, абашевской к-ры. Сосуд из п. 2 к. 10 также близок к маевским; необычен орнамент в виде двойной спирали, известный на ряде памятников, в частности на стелах Микенских гробниц. Воротничок с наколами данного сосуда также архаический для срубной к-ры признак. Остальные сосуды — баночные и остроребериые — типичны для срубной к-ры в целом. Сосуд из п. 1 к. 14 имел слабо выраженное ребро, орнамент в виде тре-

угольников над ребром и черточек — под. Близок к сосудам бережновского горизонта срубной к-ры (напр. сосуд из к. 2 п. 1 с. Пролейка и др.). Близок к нему сосуд из к. 15 п. 1.

Для полноты характеристики материала из курганов у с. Морокино следует рассмотреть несколько памятников. В Станично-Луганском р-не Ворошиловградской области у с. Н. Плотина на ритуальной площадке были найдены сосуды, имеющие выразительные черты сходства с морокинскими; площадка относится к погребению КМК. У с. Ивановка Межевского р-на Днепропетровской обл. был раскопан срубный могильник с погребениями близкими к морокинским и маевским. Погребения с плахами по периметру ямы, с жердями и столбами и т. п. перекликаются с абашевскими. У с. Попов Яр Константиновского р-на Донецкой обл. также было найдено погребение и сосуд срубного времени, близкие морокинским. Известны и другие погребения срубной культуры с сосудами типа морокинских и маевских, в частности из Антрацитовского и Свердловского р-нов Ворошиловградской обл.

Таким образом, учитывая и смешанный характер маевских памятников, совершенно определенно начинает вырисовываться горизонт наиболее ранних срубных памятников, проникающих с Поволжья на территорию Украины. Памятники характеризуются, прежде всего, смешением черт КМК и срубной к-р, а также донской абашевской. Относятся к раннему покровскому этапу, а учитывая прослеживаемую, как правило, задержку проявления культурных черт, то, возможно, и к более раннему времени. Таким образом, могильник у с. Морокино, по нашему мнению, имеет два разнокультурных, смешанных в разной пропорции, но одновременных элемента.

Л. Н. ЛУГОВАЯ

ПОГРЕБЕНИЯ С КОСТЯНЫМИ ПРЯЖКАМИ В СРЕДНЕДНЕПРОВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

Археологической экспедицией Полтавского краеведческого музея за последние годы в курганах юга Полтавщины открыто ряд скорченных погребений эпохи средней бронзы с признаками культуры многоваликовой керамики (КМК). В подавляющем большинстве эти погребения безинвентарны. Только в трех случаях отмечено наличие керамики. Особую группу составляют десять погребений с костяными пряжками, которые считаются принадлежностью исключительно КМК (Отрощенко, 1978. с. 34—35).

Курганы, содержащие погребения с костяными пряжками, в основном находились в зоне строительства Градижской оросительной системы на западе Глобинского района и занимали край плато левого берега Днепра. Нашим работам здесь предшествовали раскопки Градижской экспедиции ИА АН УССР, которыми также были исследованы погребения КМК с костяными пряжками (Шевченко, 1989, с. 157—158). Еще два погребения происходят из курганов у сс. Светлогорское (к. 1, п. 2) и Прилипка (к. 3, п. 1). Первое находилось на Днепре ниже Кременчуга, второе — на Нижнем Псле.

Такая география, видимо, не случайна. Все находки погребений с костяными пряжками тяготеют к зоне наибольшего скопления памятников КМК на Среднем Днепре (Березанская, Отрощенко, Чередниченко, Шарафутдинова, 1986, с. 14). Дальше на север они почти не известны, за исключением, пожалуй, единственного экземпляра пряжки из с. Мацковцы Лубенского района (Супруненко, 1989, с. 151, рис. 2, 2).

Исследуемые погребения были впущены в насыпи курганов ямного времени и эпохи средней бронзы. В одном случае погребение с пряжкой оказалось основным (Петрашовка, к. 7, п. 1). По данным планиграфических наблюдений они размещались в юго-западном и юго-восточном секторах, реже в центре насыпи. Значительная досыпка насыпи наблюдалась в кургане I у с. Кирияковка и была связана с погребением 2, совершенным в большой материковой яме. Этот курган высотой 3,2 м выделялся среди прочих внушительными размерами.

Погребальное сооружение, прослеженное в двух случаях, представляло собой прямоугольную яму со слегка округленными углами, размерами 0,65 х 1,25 м (Кагамлык к. 2, п. 1) и 1,6 х 2,8 м (Кирияковка к. 1 п. 2). (Рис. 11,6). В некоторых погребениях отмечено использование дерева в устройстве перекрытий или в качестве подстилающего материала. Хорошо сохранилось перекрытие в упомянутом выше погребении из кургана 1 у с. Кирияковка. Оно представляло собой мощный накат, над погребенным, размером 1,2 х 2 м, состоящий из пяти продольных плах. Рядом с ним, с юго-западной стороны, лежала охапка тростника, а под ним дно ямы было покрыто растительной подстилкой. Тростниковое перекрытие было обнаружено нами еще в одном безинвентарном погребении КМК (Кирияковка к. 2, п. 3) и в нескольких погребениях, исследованных Градижской экспедицией ИА АН УССР (Шевченко, 1989, с. 247). Широкое применение тростника в устройстве могил носителями КМК отмечено на Нижнем Дону. В связи с этим высказано предположение о его особой роли в погребальном обряде этих племен (Ильюков, Казакова, 1988, с. 87).

Для выявленных погребений с костяными пряжками характерно скорченное положение на левом боку (Светлогорское. К. 1, п. 2 — на правом; Прилипка к. 3, п. 1 — неопределенное). По степени скорченности их можно разделить на сильно и слабо скорченные, причем заметного преобладания какой-либо из этих групп не наблюдается. В тех случаях, когда было установлено положение рук, они находились перед лицом. Только раз, в погребении со слабой скорченностью скелета, правая рука находилась у лица, а левая была протянута к ногам (Тимашовка к. 2, п. 2).

Преобладает юго-восточная и северо-западная ориентация, при этом последняя более характерна слабо скорченным погребением. Восточная и северо-восточная ориентация прослежена в погребениях 1 и 2 кургана 5 у с. Петрашовка.

Костяные пряжки в исследуемых погребениях имеют определенное местонахождение. В основном, они лежали перед погребенным в области живота или груди (рис. 11).

Пряжки представлены овальными и круглыми в плане формами с двумя, реже одним, отверстиями: большим центральным (диаметр 1,5—1,9 см) и малым боковым (диаметр 3—4 мм). Почти все экземпляры имеют вокруг центрального отверстия

невысокий бортик. По степени изогнутости в поперечном сечении среди найденных пряжек есть прямые, а также со слабым и сильным прогибом (рис. 12).

Анализ группы погребений с костяными пряжками позволяет сделать некоторые выводы.

Несмотря на однотипность погребального обряда, все погребения можно разделить на более ранние (слабо скорченные, с восточной, северо-восточной и северо-западной ориентацией, сопровождаемые круглыми, реже овальными пряжками) и поздние (сильно скорченные, с юго-восточной ориентацией, сопровождаемые овальными пряжками). По данным стратиграфии погребения первой группы, в которых преобладают черты КМК, ни разу не перекрывали погребения второй, в которых сильнее ощущается срубное влияние (для стратиграфических наблюдений привлекался весь имеющийся у нас материал).

В случаях, когда в курганах с погребениями, сопровождаемыми костяными пряжками, основными являются безинвентарные захоронения эпохи средней бронзы, первые могут быть своего рода критерием в определении относительной датировки или культурной принадлежности вторых.

Погребения в обширных ямах, вероятно, занимают особое место среди прочих погребений КМК, определяющее высокий социальный ранг погребенного.

И. В. БОВКУН

ВИСЛООБУШНЫЙ ТОПОР ИЗ НОВОСАНЖАРСКОГО РАЙОНА

В 1978 г. в с. Стовбина Долина Новосанжарского района Полтавской области, на левом берегу р. Полузорье в ур. Попівська хата, при рытье котлована под фундамент гаража, колхозником В. И. Кондратенко найден бронзовый вислообушный топор, находившийся на глубине около 0,8 м. Топор (рис. 13, 1) отлит в двустворчатой форме, о чем свидетельствует сохранившийся литейный шов. Обух топора имеет округлую форму. Он украшен тремя валиками: двумя по краям и одним по центру, исчезающими (сходящими на нет) в его нижней части, где они имеют клиновидную форму. Ширина центрального валика —

0,2 см, боковых — 0,5 см. Боковины плоские, края немного срезанные, с четкими гранями. На дугообразном лезвии заметны следы ковки. Во время нахождения топор был покрыт розным слоем патины. В. И. Кондратенко, нашедший топор, изготовил для топора деревянную рукоятку. Обращает на себя внимание способ расклинения топорища, в котором сделан клиновидный разрез. В него был вбит деревянный клин, а для его лучшего соединения с топорищем, по центру клина, просверлены пять небольших отверстий, в которые вбиты деревянные круглые шпильки. (Рис. 13, 2). Топор использовался в домашнем хозяйстве колхозника для измельчения свеклы.

Изделие находит параллели среди топоров поздних этапов катакомбной и абашевской культур, относясь к так называемой «костромской» группе бронзовых орудий (Кореневский, 1978. с. 18—19). Территория их распространения охватывает Нижнее и Среднее Поднепровье, Верховья Дона и Северского Донца, Прикубанье. Орудия этого типа являются изделиями местного северопричерноморского производства и, в своем большинстве, связаны с культурой многоваликовой керамики (Кореневский. 1978, с. 29—30). Наиболее близкой аналогией публикуемому является топор из состава Софиевского клада (к востоку от Южного Буга), также относящийся к культуре многоваликовой керамики (Черняков, 1985, с. 99—100, рис. 47, 10).

Находка дополняет сведения о распространении памятников культуры многоваликовой керамики в междуречье Псла и Ворсклы.

С. И. БЕРЕСТНЕВ

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ С ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ ИНВЕНТАРЕМ В ЛЕСОСТЕПИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

— В научной литературе неоднократно поднимался вопрос о принципиальной важности выделения захоронений с инвентарем, свидетельствующим о прижизненной профессиональной специализации погребенного (Бочкарев, 1978; Смирнов Ю. А., 1983). В последнее время получены данные о таких погребениях в Лесостепи Левобережной Украины.

— **С. Копанки** Красноградского р-на Харьковской обл., курган № 2, погребение 1, основное под насыпью, было совершено в прямоугольной яме размерами 3,0 х 2,20 м, ориентированной с С на Ю. На глубине 1,20 м от уровня древней дневной поверхности расчищены материковые заплечики, окаймлявшие яму по периметру. На их поверхности зафиксированы остатки тонкого дерева (досок?) перекрытия, уложенного поперек ямы. На глубине 1,35 м выявлены еще одни заплечики, шириной 0,23—0,12 м. Окончательные размеры могильной ямы 1,50 х 1,05 м. Дно расчищено на глубине 2,20 м. Стенки и пол ямы были побелены известкой, на полу сохранились остатки растительной подстилки. Погребенный был уложен скорченно на правом боку, головой на Ю. Грудная клетка развернута на спину. Правая рука протянута вниз, левая согнута в локтевом суставе, предплечье направлено поперек туловища. Ноги согнуты в тазобедренных сочленениях под тупым углом, в коленях — под острым. Стопы ног на боку. Под стопами ног и перед грудью покойника зафиксированы пятна красной охры. У позвоночного столба погребенного, под ребрами, расчищено компактное скопление кремневых отщепов разной формы и очертаний. Судя по их расположению, первоначально они находились в какой-то емкости, вроде мешочка из кожи или ткани. У локтевого сустава левой руки найден миниатюрный кремневый наконечник стрелы (рис. 14, 1—2).

— **С. Красная Гусаровка** Балаклейского р-на Харьковской обл., курганная группа «Б». В кургане № 3 основное погребение 1 было произведено в катакомбе с овальным колодцем размерами 1,50 х 1,20 м, ориентированным с З на В. Дно расчищено на глубине 2,20 м от уровня древнего горизонта. Погребальная камера была врезана в южную стенку колодца. Она имела овальную форму, с диаметрами 2,0 и 1,10 м, и была ориентирована с З на В. Дно находилось на глубине 2,40 м. Покойник лежал скорченно на правом боку, головой на В. Руки протянуты вниз. Ноги согнуты в тазобедренных сочленениях под прямым углом, в коленях — под острым. Стопы на боку. Под черепом и коленями отмечены пятна красной охры. Ниже колен расчищено 38 костяных «челночков», лежавших компактной кучкой остриями на С. Прослежены остатки толстой нити, которой они были последовательно связаны. Поверх скопления лежала деревянная палочка, длиной ок. 10 см, с 6-ю параллельны-

ми поперечными желобками. Рядом найдено 5 песчаниковых «выпрямителей» и 21 кремневый отщеп. Под черепом погребенного лежали 2 песчаниковые плитки (рис. 14, 3—16).

— **С. Котовское** Зачепиловского р-на Харьковской обл., курган № 2. Погребение 1, впущенное в насыпь катакомбного времени, было совершено в одновенечном бревенчатом срубе прямоугольной формы, размерами 1,6 х 1,4 м, ориентированном с З на В. Сруб имел бревенчатое перекрытие. Покойник лежал на левом боку, скорченно, головой на В. Руки согнуты в локтях кистями направлены к лицевому отделу черепа. Ноги согнуты в тазобедренных и коленных сочленениях под острым углом. У черепа погребенного стояли два лепных сосуда (рис. 14, 22—23). За тазом расчищено бронзовое шило (рис. 14, 17), у пяточной кости правой ноги — бронзовая игла (рис. 14, 18), под раздавленной грудной клеткой — несколько костяных проколок (рис. 14, 19—21).

— По предложенной Ю. А. Смирновым схеме интерпретации профессиональной принадлежности погребенного, по сочетанию нескольких технологически связанных элементов производственного комплекса, древнеямное захоронение у с. Копанки можно трактовать как погребение мастера по изготовлению наконечников стрел; катакомбное погребение у с. Красная Гуса ровка как захоронение человека, связанного с ткацким производством; срубное захоронение у с. Котовское — как погребение мастера, специализировавшегося на изготовлении изделий из ткани или кожи.

С. И. ТАТАРИНОВ

ДОНЕЦКИЙ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭПОХИ БРОНЗЫ И МЕТАЛЛООБРАБОТКА В ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЕ

В 70—80-е годы в результате работ Артемовской экспедиции УООПИК получены новые данные по истории горного дела и металлообработки в эпоху бронзы в Восточной Украине (XVII—XI века до н. э.), выделены памятники Донецкого горно-металлургического центра, занимающего площадь до 1200 кв. километров. Раскопки стоянок-мастерских у Пилипчатино, Выскривки, Клинового, поселений срубно-сабатиновского

времени Ильичевка, Ямполь, Лиманское озеро, специализированного поселения металлургов-кузнецов Усово озеро дали серию медно-бронзовых изделий, литейных форм из камня и глины. Это позволяет по-новому взглянуть на уровень хозяйства, характер ремесла и распространенность межкультурных связей и обмена у племен ЭПБ Левобережной степной и лесостепной Украины.

При определении типологической принадлежности изделий ЭПБ мы исходим из типологии, исчерпывающе разработанной Е. Н. Черных (Е. Н. Черных. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. 1976).

Следы металлообработки в виде плоских шлаков, медных слитков различной формы и сплесков, обломков ошлакованных рудоплавильных чаш и металлоплавильных тиглей встречены по реке Донец не только на Донецких рудниках, но и обычных поселениях (раскопки Т. А. Шаповалова, С. С. Березанской, Н. Н. Чередниченко, С. И. Татаринова). Это свидетельствует о деятельности как кланов ремесленников, так и мастеров-одиночек Подобные слитки встречены (как правило, из «химически чистой» меди) в Кабаковском, Завадовском кладах ЭПБ, по химическому составу эти слитки очень близки находкам у Донецких рудников (С. И. Татаринов. О металлообработке в эпоху поздней бронзы на Среднем Донце. СА, 4, 1979).

С мастерской Пилипчатино-1 происходит каменная литейная форма двуушкового кельта с рельефным орнаментом на втулке типа К-52 по Е. Н. Черных. Аналогии ему известны в Кабаковском кладе, Адамовке Славянского р-на Донецкой области (без орнамента), Лобойковском и Терешковском кладах.

Со стоянки Пилипчатино-2 происходит каменная литейная форма ножа с перехватом, нервюрой типа Н-30, 32, аналогии имеются в курганных комплексах Восточной Украины, Подонцовья (Капитаново-1, Раздольное, Владимировка, г. Александровск, Славянск). Ножи-кинжалы типа Н-34-36 имеются на литейной форме из Харькова, в находках в Славянске и Ново-Азовске (и в Лобойковском кладе).

Продукцией металлургов Восточной Украины были, видимо, ножи типов Н-10, 14, 16 и серпы типов С-14, 16 (Ильичевка, Грушевая балка, Терешково, Усово озеро, Харьков, Кабаково).

На местное производство тесел типа Т-8 указывают как литейные формы, так и сами изделия с Усова озера, Пилипчатино-2. К местной продукции возможно отнести тесла Т-22 (Ильичевка, Трехизбенка, Вельск, Славяносербск).

К продукции Донецкого ГМЦ относятся втульчатые наконечники копий сейминского облика (Славяносербск, Старобешево), с прорезями в крыльях (Ласки Донецкой области, Харьков), втульчатые наконечники дротиков (Пилипчатино-1).

Возможно, с потребностями ведения подсечного земледелия племенами срубно-сабатиновского времени по Донцу связано местное производство вислообушных толоров типов П-18, П-20 по С. Н. Кореневскому (литейные формы Усова и Лиманского озера).

К мелкой продукции Донецкого ГМЦ относятся втульчатые кирки-кайла (Пилипчатино-1), шилья, иглы; украшения — крюковидные амулеты и ромбические подвески, круглые браслеты и кольцаменовые слитки (Пилипчатино-1, Усово озеро), очковидные подвески, спирали, биконические бусы (Ильичевка). В меновых целях могли использоваться миниатюрные бронзовые топорики (Лиманское озеро, Усово озеро, Куряж Харьковск, области).

Химический и спектральный анализ металлических изделий и слитков с Восточной Украины показывает, что около половины их изготовлено из химически «чистой» меди медистых песчаников Донбасса, имеются микропримеси серебра (0,001 — 0,1), мышьяка (0,01—0,3), никеля; постоянно как и в рудах, шлаках, так и в изделиях — сурьма (0,001—0,01), свинец (до 0,1); своеобразным маркером металла из донецких руд является кобальт (0,001—0,01), высоко содержание железа (до 1%).

Вероятно, определенная часть бронзовых изделий в Ворошиловградской, Харьковской, Днепропетровской и на юге Полтавской областей является «импортом» из ДГМЦ, как результат межплеменного обмена, например, древесного угля и скота на металл (С. С. Березанская. Первые мастера — металлурги... 1980).

Металлообработка в Восточной Украине в ЭПБ имела такую структуру: прямо у рудников — выплавка слитков и изделий на обмен и заготовка слитков для работы вне сезона горнодобычи; на поселениях на р. Донец — производство крупнотоварных се-

рий (Усово озеро); мелкое производство одного-двух видов изделий или украшений для нужд одного поселка (Ильичевка, Круглое, Капитаново, Лиманское озеро). Просматривается и такая закономерность, что в районе ДГМЦ (в радиусе 100—150 км) погребения ЭПБ уже с катакомбного времени до XIII—XI веков до н. э. довольно богаты металлом; есть он и на поселениях; по мере удаления в степь и лесостепь — металла все меньше и он встречается в виде кладов, зарытых или оставленных, скорее всего, странствующими купцами-кузнецами. Это явление характерно для Днепропетровской, Полтавской, Харьковской и Воронежской областей.

Донецкий ГМЦ прекращает свою деятельность где-то в XI—X веках до н. э. вследствие экспансии с севера на юг в Придонцовье и степь больших групп бондарихинского населения (отсутствует преемственность традиций металлообработки срубно-сабатиновского и бондарихинского населения, различен характер занятий).

Ю. А. ЧЕРНИЕНКО

ПОСЕЛЕНИЕ У С. ЧИКАЛОВКА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА САБАТИНОВСКОИ КУЛЬТУРЫ ПОГРАНИЧЬЯ СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ

В 1960—1961 гг. И. Н. Шарафутдиновой исследовалось поселение эпохи поздней бронзы у с. Чикаловка Кременчугского р-на Полтавской обл. Раскопанные сооружения глинобитно-деревянные, жилище 5 — с добавлением мелкого камня. По вертикальному развитию жилище 4 следует отнести к полуземлянкам, исходя из критериев, предложенных С. Д. Крыжицким (1982, с. 12), остальные можно условно назвать слегка углубленными.

Исследователи уже затрагивали вопрос о причинах различия в домостроительстве сабатиновской культуры в степи и на границе степи и лесостепи (Черняков, 1985, с. 44; Березанская, Отрощенко, Чередниченко, Шарафутдинова, 1986, с. 91). В пользу того, что преимущественное наличие того или иного строительного материала не могло быть единственным фактором, оп-

ределявшим характер домостроительства, может свидетельствовать факт сочетания каменных и глинобитных построек на поселении Виноградный Сад в степном Побужье, несмотря на изобилие камня. Полуземлянки, построенные без применения камня, не обнаружены на поселениях раннего и развитого этапов сабатиновской культуры, расположенных в ее южных районах. Зато первые исследованы на поселениях, находившихся в зонах непосредственных контактов с другими культурами: Чикаловка — в районе границы сабатиновской и срубной культур, Мерены II и Ганск — культур сабатиновской и Ноа. Бескаменные полуземлянки известны на ноических и срубных поселениях. Все это говорит о влиянии этих культур на домостроительство в сопредельных районах сабатиновской культуры.

При объяснении различий в строительном деле в южных и северных районах сабатиновской культуры нужно учитывать разные генетические корни домостроительства в соответствующих регионах.

И. Н. Шарафутдинова предприняла попытку вычислить количество жителей в постройках поселений сабатиновской культуры, в т. ч. Чикаловского (1982, с. 42). Но позиции авторов, на которых при этом ссылается исследовательница, основаны на умозрительных заключениях, на произвольных этнографических и археологических аналогиях. При определениях типов семей, населявших жилища, представляется более убедительным основываться на данных Дж. У. М. Уайтинга и Б. Эйрес, опирающихся на обширный этнографический материал (1968, с. 122—126). Учитывая то, что размеры Чикаловских жилищ значительно превосходили нижний предел площадей жилищ, характерных, как правило, для расширенных семей, или семей социальной верхушки, или для являющихся одновременно и теми и другими, а также возможность существования в рассматриваемых сооружениях несохранившихся легких перегородок, с которыми И. Н. Шарафутдинова предположительно связывает остатки сгоревшего дерева в жилище 4 (1982, с. 20), и наличие в некоторых постройках, наряду с печами, по 2—3 открытых очага, можно предположить, что исследованнные жилища населяли расширенные семьи, что в принципе не противоречит результатам подсчетов И. Н. Шарафутдиновой. Нельзя исключать возможности того, что в некоторых постройках жили малые нуклеарные семьи, относившиеся к социальной верхушке, но ограниченные

масштабы раскопок в Чикаловке, лишают нас возможности на основе сопоставления площадей всех жилищ, находок в них и других факторов установить, в каком именно случае это могло иметь место. По названным признакам выделяются жилища 2 и 5. Возможно, в них жили семьи представителей зарождающейся знати, но серьезных оснований считать эти семьи малыми нет.

Отсутствие в Чикаловке блокировки помещений в многокамерные комплексы и кварталы указывает на то, что расширенные семьи являлись основными экономическими ячейками. Уличная планировка позволяет предположить, что землепользование осуществлялось каждой из этих семей в отдельности (ср.: Рикман, 1975, с. 53). Это не отрицает наличия более крупной социальной структуры — рода или общины, значение которых в позднепервобытную эпоху становилось все более номинальным.

С. И. ВОЛОВИК

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ МАЛОБУДКОВСКОГО ЭТАПА БОНДАРИХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Первые данные о памятниках с малобудковской керамикой были получены Н. В. Сибилевым в 1930-е гг. после разведок в бассейне Северского Донца, а начало полевых исследований относится к 1940-м гг. В 1946 г. И. Ф. Левицкий раскапывает поселение и могильник у станции Основа. В 1950-е гг. проводятся крупные полевые исследования малобудковских памятников. Д. Я. Телегин изучает поселения Студенок 2 и 5, Б. А. Шрамко — поселение Большая Даниловка, Е. В. Пузаков — поселения Великая Тополяха и Сердюково 2, а П. Д. Либеров — местонахождение у села Черемушиого. В эти же годы в Сумской области С. С. Березанская раскапывает поселение Волынцево (Городок), Е. В. Махно — поселение Беседовка, а В. А. Ильинская исследует поселения Малые Будки и Ивановка. Она же в 1953 г. выделяет малобудковские памятники в особую группу.

2. В 1960-е годы раскопки малобудковских памятников продолжаются лишь в Сумской области. Г. Т. Ковпаненко исследует поселение Ницаха, а В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин — поселение у хутора Фомин.

3. В 1970-е гг. к исследованию подключилась группа молодых ученых (В. П. Андриенко, В. Г. Бородулин, В. Е. Радзиевская, Е. Н. Петренко). В Харьковской области Ю. В. Буйнов раскапывает поселения Родной Край и Тимченки, а Б. А. Шрамко — поселение Любовка. В Донецкой области Т. А. Шаповалов, В. Ф. Клименко, А. И. Дудин исследовали поселение Старый Караван, а Т. А. Шаповалов — поселение Ильичевка, в Воронежской области Ю. М. Матвеев изучал поселение Рыкань 2, а А. Т. Синюк — Копанище 2.

В эти же годы впервые были проведены полевые работы на поселениях с малобудковской керамикой в Полтавской области. С. И. Берестнев частично раскопал поселения Малая Рублевка 1 и 2, а В. П. Андриенко — поселения Котельва 1 и 3.

4. Восьмидесятые годы дали значительные материалы для характеристики малобудковских памятников. В Белгородской области А. С. Смирновым было раскопано поселение Шоссейное. В Харьковской обл. Северско-Донецкая экспедиция ХГУ исследовала большую площадь на поселении Лысый Горб, а новостроечная экспедиция ХГУ под руководством Ю. В. Буйнова продолжала изучение пос. Родной Край. Автором раскапывалось пос. Бирочек 3. В эти же годы в Полтавской обл. С. И. Берестневым проводились охранные раскопки на поселениях Марки 1 и 2, а Н. Н. Чередниченко обнаружено погребение с малобудковской керамикой в кургане у села Авдеевка.

5. Таким образом, на сегодняшний день взято на учет 96 памятников с малобудковской керамикой. Основной их массив занимает территорию пяти современных областей — Белгородской, Донецкой, Полтавской, Сумской и Харьковской. Отдельной группой располагаются памятники в районе Воронежа. Путем раскопок исследовано 28 памятников. Только харьковскими археологами на них вскрыта площадь более 6000м².

Малобудковская керамика характеризуется горшками с корпусом, который расширяется от дна к поясу, прямыми стенками, едва намеченной шейкой и немного отогнутым наружу венчиком. Цвет посуды желтый или коричневый. В глине примесь песка или мелкого шамота. Наружная поверхность имеет следы от гребенчатого заглаживания. Поверхность горшков от венчика до дна покрыта орнаментом из ямок, нанесенных концом круглой или плоской палочки, без определенной системы. Часто орнамент из ямок сочетается с отпечатками палочки изнутри горшка («жемчужинами»), отпечатками зубчатого или гребенчатого штампа, реже шнура. Край венчика имеет косые насечки зубчатого штампа.

6. Хронология малобудковского этапа бондарихинской культуры определяется исследователями по-разному. Д. Я. Телегин говорит о позднекатакомбном — раннесрубном времени. В. А. Ильинская называет несколько дат (3-я четв. II тыс. до н. э..; 2-я пол. II тыс. до н. э.; XIV—XII вв. до н. э.). С. С. Березанская датирует малобудковские памятники XIV—XII вв. до н. э.; Б. Н. Граков говорит о рубеже II—I тыс. до н. э.; Ю. П. Матвеев, Ю. Г. Екимов относят их к кон. II — нач. 1 тыс. до н. э.; А. И. Тереножкин — к XIV—XII вв. до н. э. Такой разнобой в датировке связан со слабой изученностью памятников и малым количеством датирующих вещей, обнаруженных на них. На сегодня наиболее верной представляется датировка, предложенная Ю. В. Буйновым (кон. XIII — сер. XI вв. до н. э.), где памятники типа Студенка 5 датируются кон. XIII—нач. XII вв. до н.э., а собственно малобудковские — нач. XII — сер. XI вв. до н. э.

7. Большинство исследователей, касавшихся происхождения бондарихинской культуры (Ильинская, 1957; Березанская, 1982; Тереножкин, 1965), связывали ее генезис с марьяновской культурой. Они включали малобудковские памятники в единую марьяновско-бондарихинскую культуру, считая их заключительным этапом марьяновской культуры. Позднейшие исследования не дали убедительных доказательств генетической связи марьяновской и бондарихинской культур. Близость марьяновской и малобудковской керамики на сегодняшний день является гипотетичной. Существует и хронологический разрыв между ними в

400 лет. Все это в последнее время заставило исследователей отказаться от прежней трактовки культуры и признать существование отдельно марьяновской и бондарихинской культур, а малобудковские памятники включить в ранний этап бондарихинской культуры.

Другая точка зрения была высказана в 1977 г. Б. Н. Граковым. Он высказал гипотезу о происхождении бондарихинской культуры через памятники малобудковского типа из поздняковской культуры. Однако он не отвергал и мысль о возможности близкого пути развития бондарихинской и поздняковской культур.

Новейшие исследования, проведенные Северско-Донецкой экспедицией ХГУ, позволяют выделить из круга малобудковских памятников памятники типа Студенка 5 и через их посредство связать малобудковский этап бондарихинской культуры с культурой ранней сетчатой керамики.

В. Н. ГОРБОВ, А. Н. УСАЧУК

БОНДАРИХИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

В 1982, 1984 гг. были проведены раскопки бондарихинского поселения Орехово-Донецкое IV (Славяносербский р-н Ворошиловградской обл.). Поселение расположено на надлуговой террасе. Выделяется три участка скоплений подъемного материала, расположенных вдоль русла Северского Донца (общая протяженность 550 м). На поселении исследовано 665 кв. м.

Изучено пять помещений. В стратиграфическом отношении наиболее интересны помещения 1—3. Помещение 1 прямоугольное, углублено в материк на 0,2—0,3 м. Перерезается помещением 2, углубленным в материк на 0,4 м. Внутри котлована помещения 2 — большое количество бессистемно расположенных столбовых ямок и остатки деревянного настила, бывшего полом. Высота столбиков-свай была 0,3—0,4 м. В стенке северо-вос-

точной (наиболее углубленной) части котлована прослежены остатки системы креплений, на которую опирался настил помимо свай — углубления от горизонтально и наклонно вбитых в стенку столбиков. В свою очередь помещение 2 частично перекрывается помещением 3, представлявшим собой постройку на сваях, которая была приподнята на 0,3—0,4 м над землей. Помещение 3, вероятно наиболее позднее из всех исследованных. Столбовые ямки от конструкций, по-видимому близкой помещению 3, прослежены в помещениях 4 и 5. Применение столбовой конструкции связано с большой влажностью и песчаной почвой в данной местности. В таком случае, прослеженный постепенный переход от простой полуземлянки к полуземлянке с полом на столбиках в котловане, а затем к наземной конструкции на сваях — проявление адаптации традиционного домостроительства к природным условиям. Характерно, что в данной местности население вплоть до недавнего времени (до начала подвоза камня) все постройки возводило на сваях.

В керамическом комплексе преобладают сосуды, характерные для бондарихинской культуры. Они орнаментированы вдавлениями щепочки (рис. 15, **1**), округлой (рис. 15, **6, 8, 9, 11**) и подтреугольной (рис. 15, 7) палочки. Зачастую они расположены в два (рис. 15, **6**), три (рис. 15, **11**) ряда, иногда — более (рис. 15, 7). Встречаются пальцевые вдавления, изредка — в виде «бантика» (рис. 15, **12**, **13**). Сосуды, как правило, округлых форм, иногда выделяется ребро (рис. 6). Отдельные формы близки к тюльпановидным (рис. 15, 11, 17). Редки банки (рис. 15, 9). Найдены фрагменты сковород (рис. 15, 15).

Выделяется столовая керамика, украшенная прочерченным геометрическим орнаментом, с хорошо заглаженной (иногда лощеной) поверхностью (рис. 15, 2, 4). Часто вдоль орнаментальных линий наносился ряд мелких вдавлений (рис. 15, 3). Найдены крупные фрагменты корчаг. Один украшен параллельно расположенными налепными валиками по тулову, другой — геометрическим орнаментом (рис. 15, 3).

Найден глиняный конус со сквозным отверстием, подквадратный в сечении (рис. 15, 10).

Необычен по своей орнаментации целый сосуд, обнаруженный в помещении 4 (рис. 15, 17).

Прослеживается безусловная близость столовой и тарной керамики поселения чернолесским сосудам. Особенности прочерченного орнамента, а также наличие отдельных фрагментов со сквозными проколами ниже края венчика (рис. 15, 16) позволяют считать, что поселение синхронно второй ступени чернолесской культуры (Тереножкин, 1961, с. 62—82).

РАННІЙ ЗАЛІЗНИЙ ВІК ДНІПРОВСЬКОГО ЛІВОБЕРЕЖЖЯ

Б. А. ШРАМКО

БЫЛА ЛИ ЛЕСОСТЕПЬ ЗАВОЕВАНА СКИФАМИ

В целом ряде работ (Ильинская, 1968; Ильинская и Тереножкин, 1983; Скорый, 1987; Мурзин, 1969 и др.) высказывается предположение о том, что скифы завоевали Лесостепь Восточной Европы, подчинили своей власти и превратили в данников местное население, беспощадно эксплуатировали его, что привело уже в конце V в. до н. э. к истощению местных ресурсов, к упадку экономики лесостепных земледельцев. Однако, прямых доказательств существования такой ситуации в работах нет, а косвенные малоубедительны.

Письменные источники не дают оснований для такого предположения. Несмотря на традиционный интерес античных авторов к событиям военно-политической истории, в их работах перечислен ряд завоеваний скифов, но нет даже намека на завоевание и подчинение скифами нескифских лесостепных племен. Более того, античные авторы подчеркивают самостоятельность лесостепных соседей скифов. У невров, андрофагов, будинов, гелонов, меланхленов были свои цари, которые принимали самостоятельные решения, не всегда совпадавшие с интересами скифов даже в очень опасных ситуациях.

Археологические данные свидетельствуют, что лесостепная культура раннего железного века возникла не в результате внезапного появления здесь ираноязычных кочевников — скифов, а сложилась на местной основе, корни которой уходят в бронзовый век. Процесс формирования был сложным и неодинаковым в разных регионах, включал и передвижения в среде лесостепных племен, зафиксированные археологически и в письменных источниках.

О политической самостоятельности лесостепных племен свидетельствует и их военная мощь. Они располагали хорошим вооружением, изготовление которого в достаточном количестве обеспечивали местные ремесленники — кузнецы и бронзолитейщики.

Высокий уровень развития ремесла с самого начала обеспечивал лесостепным племенам определенные преимущества перед скифами, у которых самостоятельные ремесленные центры появляются гораздо позже и никогда не достигают такого уровня развития как у лесостепных земледельцев. Кроме того, еще

до установления господства скифов в Северном Причерноморье в Лесостепи началось строительство городищ. Мощные укрепления, защищавшие лесостепных земледельцев от нападений скифов, продолжали сооружаться и совершенствоваться на протяжении всей скифской эпохи. Разрушения, появлявшиеся в результате нападений, немедленно ликвидировались. Трудно представить себе завоевателей, которые позволили бы завоеванному и подчиненному населению так вооружаться и строить мощную систему оборонительных сооружений.

После установления господства скифов в степях Северного Причерноморья экономика лесостепных племен отнюдь не приходит в упадок, а продолжает свое закономерное развитие. Культура сохраняет свое своеобразие, одновременно впитывая в себя все лучшие достижения того времени в области экономики, военного искусства и новые идеологические веяния. Нет признаков упадка в результате якобы беспощадной эксплуатации местного населения скифами. Напротив, к концу IV—началу III вв. до н. э. поселения лесостепных земледельцев достигают своего расцвета. Археологически прослеживается непрерывный прогресс всех основных отраслей хозяйства. Развиваются ремесла, усложняется технология и повышается качество изделий. Процветает торговля, наблюдается рост количества импортных вещей, указывающих на развитие оживленных торговых связей с греческими городами и накопление богатств в руках местной знати. В богатых местных погребениях встречаются навершия и жезлы, которые, видимо, как и у скифов, были символами власти, военными значками предводителей отрядов. Все это не совместимо со статусом завоеванного, зависимого от скифов населения, утратившего свою самостоятельность.

Многие авторы предполагают, что основным источником накопления богатств у скифской знати была продажа грекам хлеба, отобранного или полученного в виде дани от лесостепных земледельцев. Однако такой односторонний взгляд создает искаженное представление о скифской торговле. Основным богатством скифов был скот. Скот и рабы были, видимо, и важными предметами их торговли. В торговле зерном степные скифы могли играть лишь роль посредников.

Следует говорить не об эксплуатации лесостепных племен скифами, а о взаимовыгодных экономических и культурных связях этих групп населения. Это и создало условия для феномена

невиданного расцвета всей Скифии. Преимущественно мирные взаимоотношения не исключали традиционных для кочевников набегов на поселения лесостепных земледельцев, которые сопровождались грабежом имущества и захватом пленных. Имело место и мирное оседание части скифов в южных районах Лесостепи. В частности, такая небольшая инфильтрация наблюдается в IV в. до н. э. в области Приднепровья, где появляются типичные для скифов погребения в подкурганных катакомбах. Но количество таких памятников невелико и появление их не вносит существенных изменений в культуру лесостепных племен. Скорее всего, это было результатом мирного оседания части кочевников на землях лесостепных земледельцев и переход их под покровительство последних.

Таким образом, ни письменные, ни археологические источники не дают основания для вывода о том, что скифы завоевали Лесостепь, подчинили и эксплуатировали местное население.

В. П. ГРИГОРЬЕВ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК СКИФСКОГО МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИДНЕПРОВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

Среди разнообразных археологических памятников, исследованных в 1988 г. Черкасской Лесостепной археологической экспедицией, особый интерес представляют материалы раскопок основного раннескифского погребения, обнаруженного в кургане «Роблена могила» у с. Приднепровское Чернобаевского р-на Черкасской обл. (Григорьев, 1989, с. 56—57). Особенности устройства погребального сооружения (шатровая надмогильная конструкция, круглая яма с дромосом), данные обряда и характер инвентаря (захоронение коня, напутственная мясная пища и др.) позволяют интерпретировать «Роблену могилу» как комплекс, оставленный кочевым ираноязычным населением. Ярким подтверждением скифо-иранской этнической принадлежности

памятника является обнаруженное в насыпи каменное изваяние, которое, судя по условиям находки, несомненно, связано с основным погребением и в свое время, очевидно, было установлено на вершине кургана.

Отличаясь своей менгирообразностью и слабо выраженной антропоморфностью, изваяние в обобщенном виде передает облик взрослого мужчины с различными воинскими аксессуарами (рис. 25). Все изображения выполнены в низком (плоском) рельефе и резьбой. Шея, плечи и талия не выделены. Схематично моделированная, округлая в верхней части, голова (возможно, в шлеме) утоплена в туловище и образует с ним одно целое. Изображение ног отсутствует. На уплощенном лице угадываются очертания миндалевидных глаз, прямого носа и опущенных вниз усов. Достаточно хорошо проработанные рельефные уши переданы округлостями с углублением в центре. На месте шеи изображена массивная гривна. В верхней части груди показаны симметрично расположенные, округлые в плане, две выпуклости, обозначающие, очевидно, как и на стеле из Сибиоаре, металлические сфероконические бляхи, нашитые на кожаную основу панциря(Скорый, 1984, с. 88). О наличии панциря у изображенного воина свидетельствуют и рельефно выступающие на боковых сторонах стелы оплечья. На лицевой стороне изваяния, в области живота, помещено изображение ритона с плавно загнутым нижним концом. Угадывающиеся обе руки воина значительно повреждены, поэтому определить их достоверное положение не представляется возможным. Ниже рук показан широкий защитный пояс, к которому спереди подвешен горит и архаического типа кинжал с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием. На левой боковой стороне стелы, ниже пояса, прослеживаются очертания какого-то предмета, возможно, боевого топора или длинного меча. В нижней лицевой части скульптуры проходит прямая горизонтальная врезная линия, соответствующая, очевидно, тому уровню, по который вкапывалось в землю изваяние. (Рис. 25).

Типологически изваяние относится к архаической группе скифских стел (Эрделевка, Бесскорбная, Киев, Калиновка, Грушевка) и по типу изображенного кинжала может быть датировано не позднее VI в. до н. э. Ранняя датировка изваяния подтверждается находкой в составе инвентаря погребения бронзовых двухлопастных наконечников стрел с овальной головкой.

Время бытования таких наконечников, так называемого келермесского типа, приходится на вторую половину VII — начало VI в. до н. э. (Полин, 1987, с. 31).

Особое значение стелы состоит в том, что, являясь одним из наиболее северных памятников скифского монументального искусства, она, наряду с другими источниками, подтверждает мнение исследователей о проникновении скифо-иранского этнического элемента в Лесостепное Среднее Поднепровье (Скорый, 1987), и в частности на территорию Левобережной террасовой равнины (Григорьев, 1987), еще в раннескифский период. Представляется оправданной в этой связи постановка вопроса о проживании среди оседлых земледельцев, потомков племен чернолесской культуры, определенного контингента праноязычных номадов, продвинувшихся в украинскую Лесостепь вскоре после окончания переднеазиатских походов.

А. С. ОСТРОВЕРХОВ

ФАЯНС И СТЕКЛО ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ: АРХАИКА

При исследовании различных вопросов древней истории Украины важное значение имеют изделия из фаянса и стекла — родственных искусственных материалов, появившихся на этой территории еще в III—II тыс. до н. э. (Островерхов, 1985; 1989 а и б). Следующий этап связывается со скифо-античной эпохой. В ее пределах, одним из наименее исследованных является архаический период. О его специфике можно судить по материалам Ягорлыцкого поселения (ЯП) — Халкены (?), а также Березани (Островерхов, 1978; 1981; 1989 в). Фаянс и стекло из синхронных памятников лесостепной Скифии еще практически не изучались.

Для выполнения поставленной задачи автор привлек материалы из кург. Репяховата Могила у с. Матусов Шполянского р-на Черкасской обл. (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980). Он датируется не позже начала VI в. до н. э. (Полін, 1987, с. 27).

В этом комплексе фаянсы представлены мелкоцилиндрическим бисером, бытовавшим во все времена, и коническими «розетками». Последний тип украшений характерен лишь для архаического времени. Помимо Среднего Поднепровья, «розетки» встречаются на Северном Кавказе и в Закавказье. С. А. Есаян и М. Н. Погребова (1985,с. 128) считают их египетскими по происхождению и связывают появление «розеток» в наших краях в связи с переднеазиатскими походами скифов.

Стеклянные бусы представлены следующими типами: биконические рубчатые и гладкие бусы из прозрачного янтарно-желтого стекла; округло-цилиндрические с бородавчатыми глазками и подобные украшения с накладными орнаментами (волнистая линия). Аналогичные изделия встречаются на ЯП и Березани, а также ряде лесостепных скифских памятников (Ильинская. 1968; 1975).

В лаборатории археологической технологии ЛОИА произведен количественный спектральный анализ (аналитик В. А. Галибин) приведенных в табл. 1 образцов. Фаянсы (ан. №№ 1—4, 10) представлены простейшими типами — варианты E и F по А. Лукасу (1958). Они сделаны по египетской технологии: Si-Na или же Si-Na-Ca (сравни: Левина, Островерхов, 1989). Очевидно, с течением времени материал сильно патинизировался и значительная часть натрия, кальция и магния утрачены.

Картина химических типов стекол более пестрая. Выделено 4 разновидности: 1) Si-Na-Ca (ан. №№ 8, 9, 11); 2) Si(Al)—Na(K)-Ca(Mg) (ан. №№ 6 а и б; 12а, 13а и б); 3) Si(Al)-Na-(K)-Ca(Mg)-Pb (ан. № 14); 4) Si(Al)-Ca-Pb (ан. №№ 5 и 12б).

Первый тип — это стекла, изготовленные по египетской технологии (песок + натуральная сода + карбонатосодержащий материал). Второй — это классический вариант ближневосточной школы (песок + зола солончаковых растений типа солероса + карбонатосодержащий материал (?). Соотношение оксидов натрия к оксидам калия колеблется в пределах от 3,3 до 5,3. Третий и четвертый типы — это различные варианты ассирийских рецептов ближневосточной школы. Ассирийское ответвление широко практиковало в стеклоделии свинец. Особенно интересен четвертый тип. Для изготовления стекол подобной разновидности применялись песок, карбонатосодержащий материал (мел, известь и т. п.) и свинец (сурик).

Стекла, сваренные по египетской технологии, не окрашены специально. Их янтарно-желтая окраска получена за счет естественных примесей в песке Fe^{2+} и Fe^{3+}. В отличие от более поздних, архаические стекла не обесцвечены сурьмой. Красителем бирюзового (ан. № 13 б) цвета послужили соединения металлургически чистой меди; фиолетового (ан. №№ 6 а и б) — марганца (пиролюзита); коричневого (ан. № 12 а) — железа (шлаки). Глухого желтого (ан. №№ 4, 5, 6 б, 12 б, 14) — сложное соединение $PbSnO_3$.

Широкое применение зольных рецептур и их корреляция с оловом и сложным оловянисто-свинцовым соединением $PbSnO_3$, которые использовались в качестве глушителей молочно-белого и желтого цветов, в пределах изучаемой эпохи, характерно лишь для стекол VII—VI вв. до н. э. Примерно такая же картина засвидетельствована и для савроматского Поволжья (Кондратьев, 1987). Начиная с V в. до н. э., в стеклах Северного Причерноморья доминируют содовые рецептуры, в качестве глушителя белого цвета используется Sb_2O_3, желтого — соединение $Pb_2Sb_2O_7$.

Таким образом, анализ стекол из архаических скифских памятников Среднего Поднепровья подтверждает и дополняет картину химического состава стекол, бытовавших на Юге Восточной Европы в период непосредственно после переднеазиатских походов скифов и начала ионийской колонизации северных берегов Черного моря. В VII—первой половине VI в. до н. э. стеклянная продукция представлена исключительно украшениями (сосуды отсутствуют). Стекла изготовлены в традициях двух школ: египетской и переднеазиатской. В процентном отношении доминируют стекла, сделанные по рецептам ближневосточной школы. Представляется, что часть такой продукции изготавливалась колонистами в местных мастерских. Одним из таких центров было ЯП. Другая часть, наряду с фаянсами, попадала в наши края с Ближнего Востока и Египта при посредничестве Березани (Ольвии) или же по караванным путям из Закавказья и далее на север и восток по «торговому пути Геродота» (Островерхов, 1981а).

№№ п-п	Название предмета	Цвет и прозрачность	Массовое содержание, %				
			Al_2O_3	Na_2O	K_2O	CaO	MgO
1.	бисер	белое глухое, основа	—	—	—	—	—
2.	»	бирюзовая глаз.	—	—	—	—	—
3.	«розетка»	белое глухое	—	—	—	—	—
4.	бисер	желтое глухое	0,22	0,2	—	0,11	—
5.	боченковидная	»	4,0	0,05	—	9,0	0,72
6.	боченковидная						
а.	основа	фиолетовое	2,9	15	2,8	9,0	3,3
б.	орнамент	желтое и фиол.	3,6	11	3,2	9,0	2,2
8.	биконич. рубч.	янтарно-желтое	0,62	18	—	13,0	0,8
9.	»	»	0,35	19	—	12,0	0,5
10.	бисер	белое глухое	—	0,03	—	—	—
11.	биконическая	янтарно-желтое	0,53	14	—	18,0	0,5
12.	бородавчатая						
а.	основа	коричневое глух.	3,1	14	4,2	14	3,2
б.	глазок	желтое глухое	3,5	0,06	—	7,0	0,25
13.	цилиндрическая						
а.	основа	молочно-белое	1,7	14	3,2	14,0	1,8
б.	волнистая линия	бирюзовое мутное	2,9	17	4,0	9,0	3,4
14.	округлая	желтое глухое	2,6	8	4,0	10,0	2,0

№№ п-п.	Массовое содержание, %							Примечания ЛОИА, ан. №
	Fe_2O_3	TiO_2	MnO	PbO	CuO	SnO_2	Sb_2O_3	
1.	0,25	—	—	0,003	1,0	0,02	—	238/49
2.	0,3	—	—	0,06	3,0	0,02	—	238/50
3.	0,12	—	—	—	0,02	0,008	—	238/51
4.	1,4	0,03	—	0,8	0,005	—	0,4	238/52
5.	5,0	0,27	0,09	14	0,01	5,0	0,07	238/54
6								
а	1,1	0,12	1,9	0,006	0,01	0,005	—	238/53
б.	2,5	0,22	0,85	0,45	0,01	1,2	—	239/11
8.	0,4	0,08	0,007	0,003	0,001	—	—	239/12
9.	0,28	0,04	0,006	—	—	—	—	239/13
10.	0,35	—	0,02	—	0,5	0,004	—	239/14
11.	0,28	0,08	0,006	—	—	—	—	239/15
12.								
а.	1,7	0,08	0,08	0,01	0,001	0,012	—	239/16
б.	2,7	0,16	0,13	0,45	0,006	1,4	0,06	239/17
13.								
а.	0,8	0,05	0,22	0,004	0,003	0,004	—	239/18
б.	1,3	0,07	0,3	0,005	2,1	0,017	—	239/20
14.	1,6	0,08	0,32	15	0,03	2,9	0,13	239/21

Примечание: основу составляет кремнезем и вычисляется по разности.

С. Е. МУХОПАД

СКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДНЕПРОВСКОГО ПРЕДСТЕПЬЯ

До недавнего времени представления о скифских памятниках приднепровской Лесостепи основывались на значительных и ярких материалах курганных могильников бассейнов левобережных притоков — Ворсклы, Псла и Сулы, а в правобережье — Тясмина и Роси. Между ними и основной территорией степной Скифии были известны лишь отдельные слабо документированные находки, что препятствовало изучению исторической ситуации, сложившейся в VI—IV вв. до н. э. на северной окраине приднепровских степей и в южной Лесостепи. (Предстепье, по В. В. Докучаеву).

Работами новостроечной экспедиции Днепропетровского университета в Орельско-Самарском междуречье сегодня выделен пласт погребений времени скифской архаики (Ковалева, Мухопад, 1979; Мухопад, 1981; Мурзин, 1984). Не образуя сплошного массива, что характерно для степных памятников VI—V вв. до н. э., они маркируют левый берег Орели на всем ее течении и концентрируются на участке нижнего течения р. Самары (курганные группы у пгт Подгородное). В процентном отношении к исследуемой площади архаические скифские погребения явно превышают данные по сопредельным районам, а преобладание среди них захоронений с оружием и доспехом позволяет видеть в них воинские «дружинные» погребения, имеющие близкие аналогии в дружинных некрополях полтавской Лесостепи.

В 1989 г. появилась возможность судить о характере скифских погребений Правобережья Днепра. В окрестностях с. Аулы, вблизи традиционной переправы, связывавшей оба берега Днепра и устье Орели, начаты исследования курганных могильников. В пяти раскопанных курганах выявлено два основных и одно впускное скифские погребения. В кургане 2 группы 1 основное погребение произведено в катакомбе с прямоугольной входной ямой глубиной 6 м и такой же по форме камере площадью 8,4 кв. м. Вследствие ограбления мужской и женский скелеты повреждены, ориентация восстанавливается как западная. Инвентарь включал фрагменты золотых украшений женского головного убора (метопиду с 9 подвесками — амфорками и фриз

с изображениями грифонов), а также крупные круглые нашивные бляхи со сценами терзания копытного животного хищником.

Курган I группы II возведен над основным скифским погребением в катакомбе. Глубина входной ямы — 4,3 м, площадь камеры 4,8 кв. м. Погребенный в ней ребенок 3—4 лет лежал вытянуто на спине в западной ориентации. У черепа найдена электровая серьга, на правом запястье находился массивный золотой браслет с ребром-выступом по центру. Еще один железный браслет найден у левой стопы.

Впускное скифское погребение № 3 кургана 3 группы II сопровождалось предметами конской узды — наносником, круглыми бляхами и ворворками. Оно произведено в прямоугольной яме, впущенной в насыпь ямного кургана и подверглось ограблению. Интерес представляют остатки деревянного ложа, установленного в могиле.

Вышеприведенные погребения датируются по наборам стрел IV веком до н. э. В этом их отличие от расположенных на левом берегу скифских памятников, хотя нельзя исключить появления погребений времени скифской архаики и в правобережье Днепра при расширении фронта работ.

П. А. ГАВРИШ

ГОРОДИЩЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У С. КНЫШОВКА

Примерно в 10 км от г. Гадяча вверх по течению Пела, на правом высоком коренном берегу у юго-западной окраины с. Кнышовка Полтавской области, расположено городище скифского времени. Памятник известен еще с прошлого века (Макаренко, 1917, с. 2), но первым из археологов побывал на нем в 1948 г. И. И. Ляпушкин, который на основании собранных на поверхности находок отнес городище к скифской эпохе (Ляпушкин, 1961, с. 78). В 1954 г. на Кнышовском городище проводили исследования В. А. Ильинская и В. Г. Петренко (Ильинская, 1957, с. 243—248). В ходе работ был снят план городища, заложен раскоп в центральной части укрепления в виде траншеи длиной 52 м при максимальной ширине 4 м (общая площадь около 150 кв. м). В южной части городища В. Г. Пет-

ренко заложила три разведочных шурфа общей площадью в 136 кв. м. Исследования дали разнообразные результаты, убедительно доказывающие принадлежность Кнышовского городища к VI—IV вв. до н. э. и дающие некоторое представление о характере материальной культуры местного населения.

В 1987 г. к планомерному изучению Кнышовского городища и окрестностей приступила археологическая экспедиция Полтавского пединститута. В восточной части центрального укрепления заложен единый для всего поселения раскоп, с целью исследовать всю территорию городища. В 1988—1989 гг. раскопан 1151 кв. м. культурного слоя, выяснено устройство вала и рва центрального укрепления, уточнены размеры и характер культурного слоя предградья. Исследования первых лет открывают широкие перспективы к изучению памятника.

Укрепления Кнышовского городища занимают край плато и небольшой узкий мыс коренного берега Псла. На плато расположено центральное укрепление (площадь 4 га), а с восточной и юго-восточной стороны к нему примыкает предградье (1 га). Южный участок вала центрального укрепления в результате оседания грунта на крутых склонах коренного берега разрушен вместе с примыкающим к нему участком культурного слоя. В настоящее время центральное укрепление Кнышовского городища в плане напоминает громадную подкову, концами упирающуюся в край берега. Длина вала центрального укрепления составляет 669 м, а предградья — 113 м. Последний много лет распахивается и высота сохранившейся насыпи не превышает 1 м. Вал центрального укрепления задернован, местами зарос деревьями и кустарником, с внешней стороны высота его 2,9—4,7 м, ширина основания 15—25 м.

Для выяснения устройства и хронологии оборонительных сооружений городища в северной части центрального укрепления осуществлены раскопки вала и рва. Здесь заложен раскоп шириной 8 м. По стратиграфии насыпи четко прослеживаются три периода в истории вала. Изучение первого периода показывает, что оборонительная линия сооружалась по заранее продуманному плану, что подтверждает и правильная форма городища. Перед строительством фортификационных сооружений была подсыпана и выровнена площадка. Для этих целей брали землю по обе стороны площадки, что привело к образованию внутри укрепления параллельной валу ложбины глубиной до 0,7 м. Поз-

же это углубление заполнилось культурным слоем. На подготовленной площадке была построена деревянная крепостная стена в виде клетей шириной 160 см, во внутрь которой засыпали грунт и строительные отходы. В результате пожара крепость развалилась, но хорошо сохранилось ее основание из обгорелых бревен и образовался вал высотой 85 см при ширине 520 см. Через некоторое время (уже успела образоваться прослойка трухи) вал был досыпан на высоту 140 см. При этом землю сначала брали с внешней стороны, а затем сделали подсыпку культурным слоем с территории городища. На валу второго строительного периода была сооружена новая срубная деревянная стена. Эта крепость вновь была сожжена, обгоревшие бревна рассыпались по внутреннему склону вала. Третий строительный период повторяет предыдущий. Теперь высота вала достигла 230 см. Образовался новый ров глубиной 200 см при ширине в верхней части 520 см. Дно рва шириной 70—80 см плоское, в нижнем слое заполнения встречались остатки горелого дерева. Сгоревшие бревна были обнаружены и в верхнем слое насыпи вала.

Культурный слой Кнышовского городища обильно насыщен древностями. Обнаружено около 40 тыс. находок. Мощность культурного слоя составляет от 0,7 до 1,4 м. На территории раскопа выявлены интересные хозяйственно-бытовые комплексы: 4 жилища срубного типа, постройки, погребки, хозяйственные ямы. Многочисленные находки железных серпов, кварцитовых зернотерок, терочников, отпечатки культурных растений на керамике красноречиво свидетельствуют о земледельческом характере местного хозяйства. Развито было и домашнее скотоводство. В состав стада входили крупный рогатый скот, лошади, свиньи, овцы, птица. Находка рога благородного оленя с обрезанными концами позволяет говорить об использовании оленя в домашнем хозяйстве. Важными занятиями обитателей Кнышовского городища являлись добыча и обработка железа, цветных металлов, изготовление орудий из камня, кости и рога, ткачество. Среди находок часто встречаются предметы вооружения (бронзовые наконечники стрел, железные копья и дротики, пластинка панциря) и привозные вещи античного происхождения (амфорная и чернолаковая керамика, стеклянные цветные бусы различных форм).

Начаты раскопки древнего святилища, где открыто два десятка глиняных жертвенников со следами многочисленных жертвоприношений домашних животных, в т. ч. и собаки. Поблизости найдены зооморфные керамические статуэтки, лепешки, вотивные сосуды. Среди последних следует особо отметить великолепные сосудики с богатой орнаментацией.

Наши исследования позволяют уточнить датировку Княшовского городища. Два бронзовых двухлопастных лавролистой формы наконечника стрел, один из которых был найден на дне погребка, а другой — на поверхности вала первого строительного периода, а также архаические черты части керамики, указывают на функционирование городища с середины VII в. до н. э., а может быть и раньше. Судя по античным вещам и позднескифским бронзовым наконечникам стрел в конце IV в. до н. э. жизнь на поселении постепенно угасает.

И. Б. ШРАМКО

СВАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В БАССЕЙНЕ ВОРСКЛЫ

Одним из важных приемов, обеспечивавших ремесленникам раннего железного века возможность изготавливать изделия различной конфигурации и высокого качества, была кузнечная сварка, известная кузнецам разных районов Скифии (Шрамко, Солнцев, Фомин, 1963, 1986; Шрамко, Фомин, Солнцев, 1970, 1971; Вознесенская, Хомутова, 1979, 1981; Розанова, Терехова, 1988; Вознесенская, Розанова, 1989 и др.). Сорок пять железных предметов, обнаруженных на Западном и Восточном укреплениях Бельского городища VII—III вв. до н. э. (раскопки Б. А. Шрамко), Коломакском VI—IV вв. до н. э. (раскопки В. Е. Радзиевской) и городище у с. Полковая Никитовка VI—V вв. до н. э. (раскопки А. А. Моруженко) также сделаны с применением кузнечной сварки.

Металлографические исследования показывают, что сварка применялась в различных случаях: для увеличения размеров заготовки (пакетование), для соединения разнообразных деталей или концов изделий, для получения более качественной рабочей части орудий труда и оружия. Кузнецы бассейна Ворсклы ис-

пользовали все перечисленные выше виды сварки. Довольно часто применялся этот способ для соединения в пакет трех или четырех пластин железа или пластин стали с почти одинаковым содержанием углерода. Этим достигалось только наращивание объема заготовок.

Мастера бассейна Ворсклы широко применяли сварку для соединения частей изделий при изготовлении перекрестий и наверший мечей или кинжалов (рис. 16, 1—4), обухов топоров. Последние получали часто путем гибки верхней части заготовки на оправке с последующей сваркой. В такой технике сделаны, например, топоры из П. Никитовки и В. Вельского городища (рис. 16, 5, 7). Качество сварки массивных изделий было не всегда хорошим. Поэтому встречены топоры со сломанным в месте сварки обухом (рис. 16, 5, 6). На З Вельском городище найден также меч с отвалившимся из-за некачественной сварки перекрестием (рис. 16, 4). Интерес представляет найденная на Коломакском городище пила, к стальному лезвию которой приварена рукоятка (рис. 16, 10).

Для улучшения рабочих качеств орудий и оружия в числе других методов использовались наварка стальных лезвий на железную основу и изготовление многослойных лезвий. Так, к железному стержню дротика из Бельска было приварено стальное жало с шипами (рис. 16, 11). В технике наварки стальной режущей части на железную основу был выкован серп, найденный на В. Вельском городище (рис. 16, 12). При этом кузнецы получали качественные изделия, у которых вязкость основы сочеталась с твердостью рабочего края. Аналогичная цель достигалась путем продольной сварки двух боковых полос стали и центральной железной полосы, как на ножах из П. Никитовки (рис. 16, 13) и Бельска (рис. 16, 9). Другим способом был сделан один из бельских боевых ножей. Он имел трехслойную конструкцию: к центральной стальной пластине с двух сторон были приварены железные. В результате образовалось самозатачивающееся лезвие (рис. 16, 14).

В целом нужно отметить, что кузнецы бассейна Ворсклы в скифское время владели различными способами кузнечной сварки, умели сваривать металл с разным содержанием углерода. Чаще сваривались полосы железа, мало- и среднеуглеродистой стали, однако в четырех случаях среди вещей, найденных на Бельском городище, была зафиксирована сварка мало- и высо-

коуглеродистой стали, что требовало от кузнеца большого профессионализма. Сварка еще не всегда проведена качественно.

Сопоставление различных приемов, позволявших местным мастерам получать изделия с улучшенными свойствами рабочих частей, показывает, что они в этих случаях не очень охотно прибегали к сварке, а чаще использовали цементацию или закалку. Так, из всех используемых местными кузнецами упрочняющих приемов сварка составляет 14,5%, цементация 47,9%, закалка 35,4%, упрочняющий наклеп 2,2%. Такое соотношение можно считать характерным для железообработки данного региона.

Ю. В. БУЙНОВ

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ПЕРИОДА НА ХАРЬКОВЩИНЕ

В 1989 г. Северско-Донецкая экспедиция Харьковского госуниверситета провела исследования пяти курганов в зоне строительства Рогозянской оросительной системы на территории Золочевского района Харьковской обл. По данным разведок здесь расположены три курганные группы, в составе которых насчитывается 18 ежегодно распахиваемых курганных насыпей.

Курганная группа 1 у с. Малая Рогозянка состоит из 6 насыпей. Раскопаны два кургана. **Курган № 1** имел насыпь сегментовидной формы высотой от уровня погребенной почвы 1,1 м при диаметре 24 м.Изучены четыре захоронения скифского периода, три из которых (№№ 1, 2, 4) оказались впускными в насыпь. Все они совершены в узких прямоугольных ямах с продольным досчатым перекрытием. Костяки умерших лежали на спине в вытянутом положении головой на ЮЗ. Лишь в одном из них (п. № 2) был найден лепной сосуд, украшенный пальцево-ногтевыми защипами по краю венчика и сквозными проколами. Остальные погребения — безынвентарные. Основным является п. № 3, впущенное в материк на глубину 1,55 м. Погребальная яма имела прямоугольную в плане форму размерами 3 х 2,5 м и была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Вокруг нее, на уровне погребенной почвы, зафиксирован материковый выкид. Могила представляет собой деревянный склеп с вертикаль-

ной облицовкой стен столбами, нижние концы которых были вставлены в канавку на ее дне, идущую по периметру возле всех стен. Перекрытие состояло из брусьев, расположенных поперек ямы в один слой. Костяк умершего лежал вытянуто на спине головой на З., т. е. диагонально по отношению к ориентировке погребальной ямы. Дно могилы было покрыто древесной корой и посыпано мелом. В состав погребального инвентаря входил колчан с 33 стрелами (22 — бронзовых наконечника стрел, 4 — костяные, 1 — железный) и тонкостенная небольшая корчага с подлощенной поверхностью. Датируется первой половиной VI в. до н. э.

Курган № 2 самый большой в группе. Высота его насыпи 1,42 м, диаметр 36 м. В центральной части замечен мощный материковый выкид вокруг сложного погребального сооружения, состоящего из трех захоронений в отдельных ямах, но перекрытых общим деревянным накатником в два слоя. П. № 1 имело вид побеленного деревянного склепа с 13 столбами, дромосом и вертикальной облицовкой стен плахами. Сооружен в материковой яме размерами 4,0 х 2,6 х 1,8 м, ориентированной по оси СВ—ЮЗ. Пол деревянный, уложенный на два вставленных в канавки бруса. Могила ограблена. Сохранилась нижняя часть скелета человека, лежащего на животе головой на ЮЗ. Из погребального инвентаря сохранились амфора, 2 железных втока от копий, обломки железного футляра от копья, железный наконечник копья, кости барана с железным ножом, обломок клинка акинака, бронзовые наконечники стрел (38 экз.), шесть бронзовых блях, изображающих морды каких-то фантастических животных, два нащечника, воспроизводящие бедро и пару ног хищника, бронзовый наносник с изображением орлиной головы, подпружная пряжка, две ворворки, железные удила с псалиями, т. е. полный уздечный набор. П. № 2 совершено в яме размерами 2,0 х 0,6 х 0,8 м, вырытой в 0,2 м к ЮЗ от основного. Ограблено. На дне сохранилась часть скелета человека, лежащего вытянуто на спине, головой к СВ. П. № 3 оказалось конским и располагалось параллельно предыдущему. Яма размерами 2,1 х 0,8 х 1,4 м. Скелет коня лежал на правом боку мордой на СВ. На его черепе сохранилась уздечка, в состав которой входили железные удила, соединенные с бронзовыми псалиями, 6 круглых бляшек с центральным отверстием и 2 ворворки. Весь инвентарь погребений датируется началом IV в. до н. э.

Курганная группа II состояла из двух насыпей. Раскапывался один курган, но его погребение было полностью уничтожено блиндажом военного времени.

В курганной группе III, включающей 9 насыпей, изучен один курган. Его насыпь в плане имела овальные очертания размерами 34 х 31 м. Высота 1,6 м. В центральной части раскопано п. № 1 (основное), совершенное в склепе с вертикальной облицовкой стен и поперечным перекрытием из плах. Склеп сооружен в прямоугольной яме размерами 3,5 х 2,5 х 2,0 м, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Ограблен. Сохранились разбросанные кости скелета и остатки жертвенной пищи с железным ножом. С этим погребением связан кольцевой ров диаметром 25,3 м. П. № 2 было впущено в западную полу кургана с последующей досыпкой насыпи. В верхней части могильная яма имела овальные очертания размерами 5,2 х 4,5 м. Книзу она постепенно сужалась и в ее центральной части, в прямоугольной яме размерами 3, 3 х 2,3 х 0,8 м был сооружен деревянный склеп, сходный по устройству со склепом из к. № 2 первой группы. Полностью ограблен. Тройное деревянное перекрытие опиралось концами на материковый выкид и заплечики. Непосредственно под первым перекрытием, возле СВ края этой могилы обнаружено захоронение человека, лежащего вытянуто на спине головой на ЗСЗ в яме размерами 1,8 х 0,6 х 0,3 м. Рядом с костяком найден бронзовый трехлопастный наконечник стрелы IV в. до н. э.

У с. Родной Край под курганной насыпью высотой 1,0 м раскопана ограбленная в древности катакомба скифского периода. Судя по останкам, умерший лежал вытянуто на спине головой на З. Из инвентаря сохранились два железных втока от копий и фрагмент стенки лепного сосуда.

Из приведенного описания можно сделать несколько предварительных выводов: 1) в раскапываемом могильнике в сопровождении подчиненных лиц погребались знатные члены общины; 2) в устройстве погребальных сооружений прослеживается влияние традиций племен ворсклинской группы, в частности населения Бельского городища, оставившего могильник в урочище Скоробор; 3) наличие подкурганного захоронения в катакомбе и конской узды степной конструкции подтверждает факт глу-

бокого проникновения в Лесостепь скифского этнического элемента; 4) разнообразие погребального обряда на могильнике обусловлено его расположением вдоль знаменитого Муравского шляха, начало функционирования которого относится, очевидно, еще к периоду раннего железного века.

А. В. ГЕЙКО, П. А. ГАВРИШ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В НИЖНЕМ ПОВОРСКЛЬЕ

В последние годы разведотрядом Полтавского пединститута выявлены ранее неизвестные поселения скифского времени в окрестностях сел Мачехи, Судиевка и Шевченки Полтавского района, которые расположены на водоразделе бассейнов Ворсклы и Псла. В древности здесь проходил «шлях» от известной на Днепре переправы Переволочна в глубь лесостепных районов Поворсклья. В скифскую эпоху это был один из путей переселения части племен Днепровского Правобережья на Ворсклу. Благоприятные для земледелия и домашнего скотоводства места несомненно привлекали внимание переселенцев с Правобережья. Потеснив и частично ассимилировав местное население бондарихинской культуры, пришельцы основывали свои поселения на возвышенностях по берегам обводненных балок. Это подтверждается все новыми открытиями памятников VII—III вв. до н. э. в нижнем Поворсклье.

Так, вблизи с. Мачехи, у околицы небольшого села Сноповое, в 0,6 км на юг от скотного двора, находится большое селище площадью около 30 га. На вспаханном поле хорошо просматриваются 14 зольников. Высота некоторых из них достигает 1 м при диаметре 40—50 м.

Неподалеку от селища Сноповое-I открыто второе селище — Сноповое-II. Здесь на пахоте видны серые пятна 7 зольников. Площадь селища около 15 га. Селище Сноповое-III расположено возле балки с прудом в 1 км на юг от села. Площадь, где собраны фрагменты лепной керамики, охватывает 9 га.

Пункты с остатками древних поселений открыты в районе с. Судиевка. Селище Судиевка-1 находится в 1 км к юго-западу от колхозного двора по правой стороне Сорокивской Балки.

Здесь также зафиксированы зольники. Видны шесть пятен диаметром 25—30 м. В нескольких десятках метров к востоку, на площади около 8 га, расположено селище Судиевка-II. Тут также зафиксировано несколько зольников. Эти два пункта в скифское время представляли единое поселение, но уже в нынешнем веке оно было разрушено и разделено на две части. Предполагаемая площадь поселения составляет около 15 га.

Возле с. Шевченки, кроме известного поселения Шевченки-I (Гейко, Гавриш, 1988, с. 31), открыто ряд новых мест с керамикой скифской эпохи. Селище Шевченки-II находится в 0,4 км к востоку от села на опушке леса в ур. Гусакове. На вспаханном поле прослеживается светлоглинистое пятно, но оно мало похоже на остатки зольника. Находки здесь встречаются на площади в 2,5 га.

Пункт Шевченки-III, по-видимому, является частью селища Шевченки-1, через которое пролегла автотрасса Полтава—Кременчуг. Во избежание путаницы мы фиксируем данный пункт как отдельное селище, подразумевая, что в скифское время Шевченки-I и Шевченки-III составляли единое целое. На поверхности селища Шевченки-III находятся 11 зольников высотой 0,2—0,6 м, диаметром 20—30 м. Они занимают площадь около 10 га.

Открытия новых поселений расширяют наши знания о скифском периоде в нижнем Поворсклье. Хронологически эти памятники можно разделить на две группы: ранние и поздние. К ранним (VII—VI вв. до н. э.) селищам относятся Сноповое-I и II, Судиевка-I, II, III, Шевченки-I и III. Они выделяются более крупными размерами, наличием зольников и комплексом керамики раннескифского времени: фрагменты лощеных мисок и черпаков, кубки с резным геометрическим орнаментом, горшки с налепным валиком на шейке. Выделенные поселения тесно примыкают к известному селищу и могильнику в ур. Таранов Яр. Вторая группа поселений (V—IV вв. до н. э.) существенно отличается от первой и внешним обликом, и керамическим комплексом.

Наши выводы, вопреки существующему мнению об исчезновении в VI в. до н. э. поселений в нижнем Поворсклье (Шрамко, 1987, с. 36), позволяют утверждать о присутствии в данном регионе земледельческо-скотоводческого населения на протяжении всего скифского времени.

И. Н. КУЛАТОВА

К ВОПРОСУ О САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПОЛТАВЩИНЫ

Пограничье степи и лесостепи Днепровского Левобережья представляло собой периферию сарматского мира. Лишь несколько ярких комплексов сарматского времени было известно на Полтавщине. В последнее время их количество возросло в ходе охранных исследований курганов. Вместе с тем, ряд находок, разбросанных по музейным собраниям, остался вне поля зрения исследователей. Представленный реестр находок и карта памятников Полтавщины (рис. 17, 1) знакомит с их многообразием. В реестре не приведены недавно опубликованные данные о впускных сарматских погребениях курганов бассейнов Псла и Ворсклы, выявленных экспедицией Полтавского краеведческого музея (Луговая, 1989, с. 111—112).

с. Верхняя Мануйловка, Козельщинский р-н. У вершины кургана в саду В. А. Щербачевой (л. б. р. Псел) обнаружено впускное женское погребение в вытянутом положении с северной ориентацией, сопровождавшееся кувшином, развалом лепного сосуда в ногах и бронзовыми рассыпавшимися проволочными серьгами (А ЛОИА, ф. 1, ДАК, 1890, ед. хр. 154, л. 2об. — 3; Щербачев, 1894, т. XV, вып. 2, с. 39—42). Из этого же кургана происходит лепная курильница в форме срезанного конуса с остатками отверстия в стенке. (Раскопки Ю. Щербачева, 1887). В кургане Острая могила выявлено впускное погребение мужчины в вытянутом положении, сопровождавшееся гладкой проволочной фибулой среднелатенского типа, т. н. «непольского варианта» с завязкой свободного конца ножки посредине спинки (Щербачев, 1894, т. XV, вып. 2,с. 39—42; Рудинський, 1928, с. 50, табл. VIII, рис. 18), датирующейся I в. до н. э. (Раскопки Ю. Щербачева и И. А. Зарецкого, 1887). (Рис. 17, 3).

с. **Григоро-Бригадировка,** Кобелякский р-н. В размыве слоя поселения эпохи поздней бронзы-железа (л. б. р. Днепр) в ур. Гиивка (пункт 2) собрана лепная керамика сарматского времени (Супруненко, 1982, с. 12).

с. Кагамлык, Глобинский р-н. На разновременном поселении в обрыве берега (л. б. р. Днепр) выявлен лепной сосуд типа курильницы с шаровидным туловом (рис. 17, 2). Аналогичные сосуды известны на позднескифских памятниках юга Украины

(Пуздровский, 1987, с. 32—33). По ряду орнаментальных приемов (выделение горизонтальных поясов, горизонтальные и вертикальные ряды наколов, наличие желобков-каннелюр) сосуд близок как прохоровской керамике, так и позднескифским культовым сосудам II в. до н. э.

с. Клепачи, Лубенский р-н. На городище скифского времени в ур. Сад в 1889 г. (л. б. ручья Ольшанка) найден железный меч с утраченным кольцевым (?) навершием, прямым перекрестием и лезвием ромбической в сечении формы длиной 50 см. (Каталог Полтавского музея, т. 1, с. 56, № 379 с.). Рукоять меча сужается кверху; перекрестие откован из тонкого прямоугольного в сечении стержня и насажено в основании рукояти; хорошо откованный клинок равномерно сужается к острию в последней трети длины (рис. 17, 5). Меч из собрания Е. Н. Скаржинской датируется III—II вв. до н. э.

с. Клюсовка, Новосанжарский р-н. На поселении эпохи неолита — ранней бронзы в ур. Татарский бугор (л. б. р. Ворсклы) найдено несколько фрагментов лепных сосудов сарматского времени.

с. Кишеньки, Кобелякский р-н. В размыве берега в ур. Остров в устье р. Ворсклы обнаружен лепной горшок с отогнутым венчиком (Супруненко, Тітова, Телегін, 1989, с. 134—135, рис. 3, 4) сарматского времени.

с. Круподеренцы, Оржицкий р-н. В кургане у южной окраины села (п. б. р. Чумгак) обнаружено впускное женское погребение I—II вв. н. э. с северной ориентацией, сопровождавшееся лепными миской и горшком, дисковидным бронзовым гладким зеркалом в кожаном плетеном чехле, проволочной серьгой и др. предметами (раскопки Н. Н. Чередниченко, 1983).

г. Лубны, райцентр. Во впускном погребении кургана скифского времени в ур. Замок (Махно, 1965, с. 185—188) было выявлено трупоположение зарубинецкой культуры с ритуальным разрушением костяка погребенного (Рудинський, 1928, с. 50, табл. V, рис. 17, 19; Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 24, 27, табл. 6, рис. 1, 2). Среди погребального инвентаря — лепная курильница II в. до н. э. с отогнутым венчиком и бикони-

ческим туловом с закругленным ребром (рис. 17, 4). Основание шейки курильницы украшено двумя горизонтально проведенными вдавленными полосами, между которыми располагался ряд ямочных наколов; тулово разделено вертикально проведенными вдавленными полосами, пространство между которыми заполнено двумя вертикальными рядами мелких ямок (Труды VIII АС, 1897, т. IV, с. 239, табл. 81, рис. 53; Махно, 1965, с. 185, прим. 2). Сосуд утрачен. (Раскопки Ф. И. Каминского, 1882).

с. Макуховка, Полтавский р-н. У разновременного поселения в ур. Белая Гора, среди песчаных выдувов боровой террасы (л. б. р. Коломак), обнаружено женское погребение в вытянутом на спине положении с северной ориентацией (Супруненко, 1988, с. 9), сопровождавшееся мелкими пастовыми и стеклянными бусами и бронзовой гладкой проволочной фибулой среднелатенского типа I в. до н. э. (Разведки Г. А. Сидоренко, 1955).

пгт. Новые Санжары, райцентр. Позднесарматское погребение, совершенное в «глубокой яме» в насыпи кургана (п. б. р. Ворскла), сопровождавшееся бронзовыми и железными пряжками, бронзовым наконечником ремня, бляшками-пуговицами из золота, серебра и бронзы, подвеской-лунницей, ременным кольцом, «игрально-счетными жетонами», наконечником копья и др. (Рудинський, 1928, с. 26, табл. VIII, рис. 16, 23—26). Памятник отнесен к группе древностей второй половины III в. н. э. (Гороховский, 1987, с. 56—58). (Раскопки М. Я. Рудинского, 1923). (Рис. 17, 6—9).

с. Павловка, Кобелякский р-н. В разрушенном кургане в центре села (Ворсклинско-Орельский водораздел) выявлено богатое захоронение, большая часть находок которого утрачена. При обследовании обнаружено три бронзовых сосуда, поступившие в Полтавский краеведческий музей. Литой котел с туловом яйцевидной формы, обломанной полой ножкой, украшенный рельефным горизонтальным пояском по линии наибольшего диаметра и сигмообразным рельефным знаком, и литая на кольце-

вом поддоне полусферическая миска южноиталийского производства опубликованы (Корпусова, 1971, с. 243—245, рис. 5). Неизвестным из этого комплекса оставался третий сосуд — бронзовый тонкостенный кованый кувшин с биконическим туловом, чуть вогнутым дном, высоким горлом и венчиком с тремя сливами типа ойнохои (рис. 17, 10). Ручка кувшина отсутствует, но остатки коррозии на тулове и под венчиком указывают, что она была изготовлена из железа и крепилась при помощи заклепок. Крышка не сохранилась. На дне сосуда заметны следы присоединения трех свинцовых ножек. Сосуд относится к группе изделий «галло-римского» типа (Шелов, 1983, с. 65). Павловское погребение датируется концом I—II вв. н. э. (Корпусова, 1971, с. 245). (Разведки Г. А. Сидоренко, 1953).

с. Солошино, Кобелякский р-н. На поселении эпохи ранней, средней бронзы и раннего железа в ур. 9-й остров (л. б. р. Днепр) обнаружены обломки венчиков лепных горшков сарматского времени (Супруненко, 1982, с. 19).

с. Шушваловка, Глобинский р-н. Обломки бронзового дисковидного зеркала с конической выпуклостью в центре и утолщением по краю диска выявлены в размыве Шушваловского острова (л. б. р. Днепр) А. Б. Порубаем.

Картографирование показывает, что большая часть памятников обнаружена в лесостепи. Видимо, это не столько результат неравномерности исследования степных и лесостепных регионов, сколько следствие наличия оседло-земледельческих традиций на данной территории и размещения в плодородной лесостепи надежных водных источников (Бокий, Козырь, 1989, с. 19).

Находки, связанные с проникновением на лесостепное Левобережье кочевых племен в раннесарматское время пока единичны (Битица). Основная масса памятников относится к средне- и позднесарматскому времени (Вязмитина, 1986, с. 189—193; Смирнов, 1954, с. 214; Корнилко, Симоненко, 1982, с. 85).

Интересен факт выявления двух курильниц с характерными чертами орнаментации позднескифских и прохоровских сосудов (Кагамлык, Лубны), одна из которых обнаружена в погребении зарубинецкой культуры.

Безусловно, сарматские памятники региона являются важным источником, требующим своего использования в исторических реконструкциях.

ПАМ'ЯТКИ І—ПОЧАТКУ ІІ ТИСЯЧОЛІТТЯ н. е.

А. Н. НЕКРАСОВА

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В ДНЕПРОВСКОМ ЛЕСОСТЕПНОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

Разведки и раскопки, проведенные за послевоенный период в Днепровском лесостепном Левобережье, показали, что по количеству черняховских памятников и характеру обнаруженных на них материалов этот район входит в основную территорию распространения черняховской культуры. Однако большинство исследованных здесь могильников и поселений отражают период расцвета культуры и относятся к IV в., преимущественно ко второй его половине.

Вместе с тем в последнее время появились материалы, позволяющие говорить о более раннем времени проникновения черняховских древностей к востоку от Днепра. Выделяется ранний этап второй половины III—рубежа IV вв., который фиксирует появление элементов провинциально-римской черняховской культуры в среде местных киевских племен Левобережья. Он представлен пятью закрытыми комплексами на поселениях Родной Край-III (2 жилища), Боромля-II (жилище и хозяйственная постройка), Букреевка-II (жилище № 8), которые хорошо датируются обломками танаисских светлоглиняных амфор, фибулами с высоким приемником VII группы Альмгрена, костяным гребнем с низкой полукруглой спинкой и железным ключом. Кроме того, к раннему этапу следует относить горизонт с танаисской амфорой на волынцевском поселении Беседовка (уроч. Белопольщина), а также трупосожжение в танаисской амфоре на могильнике Новоселовка.

Постройки раннего этапа представлены только четырехугольными полуземляниками с золистыми или глинобитными очагами и содержат от 70 до 90% лепной посуды, в основном типичной для местной киевской культуры. Среди гончарной керамики значительно преобладает лощеная. Вместе с тем, в комплексах второй половины III в., наряду с гончарной черняховской посудой, появляются материалы, неизвестные в предшествующих киевских памятниках (лепные конические миски на выделенных поддонах, фибулы с высоким приемником, конические пряслица с глубоко вогнутой вершиной), которые имеют аналогии на раннечерняховских памятниках Поднестровья (рис. 18).

Особенно показательны в этом плане фибулы VII группы Альмгрена. По мнению Е. Л. Гороховского, прототипы этих фибул возникают на Средьем и Нижнем Подунавье в конце II в., а на нашей территории наиболее ранние их модификации встречены на Верхнем и Среднем Днестре, где известно и наибольшее количество их вариантов второй половины III в., аналогичных левобережным (Гороховский, 1989, с. 223—224). В настоящее время в лесостепном Левобережье фибулы с высоким приемником, помимо указанных выше комплексов, обнаружены в подъемном материале или в слое еще на семи поселениях, причем всегда в сочетании с гончарной черняховской керамикой.

Особо следует отметить тот факт, что в ранних комплексах Левобережья, как и на раннечерняховских поселениях с жилищами-полуземлянками Поднестровья (Куропатники, Демьянов), отсутствует вельбарская керамика, а лепная посуда непосредственно связывается с керамикой местных предшествующих культур: киевской на Левобережье и волыно-подольской на Днестре.

Таким образом, представляется возможным говорить о проникновении во второй половине III в. в район Днепровского Левобережья группы славянского населения с Поднестровья, которое, смешавшись с племенами местной родственной киевской культуры, принесло в их среду некоторые традиции провинциально-римской черняховской культуры.

Е. А. ШЕПЕЛЬ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛЮДЕЙ, ОСТАВИВШИХ МОГИЛЬНИК ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У с. УСПЕНКА

Грунтовый могильник черняховской культуры на территории Сумской области Бурынского района в с. Успенка раскопан Е. В. Махно. Антропологи, изучающие население черняховской культуры, уделяют большое внимание признакам черепа. Длинные трубчатые кости измерялись главным образом в целях подсчета роста (Дебец, 1948, Кондукторова, 1958, Великанова, 1975, Данилова, 1979). За все время изучения серий черняхов-

ской культуры имеются те или иные данные посткраниального скелета ее носителей о 36 мужских и 34 женских индивидуумах с обширной территории, включающей среднее и южное Поднепровье, Прутско-Днестровское междуречье, бассейн Днестра.

Мы изучили 16 скелетов (7 мужских, 5 женских, один женский с незаконченным процессом роста, один юношеский, два детских). Мужская группа характеризуется вариациями продольных размеров длинных трубчатых костей в пределах средних и больших величин. При этом длина голени достигает очень больших величин. Окружности диафизов верхних и нижних конечностей средних размеров. Мускулатура плеча и бедра развита в пределах средних величин. Голень сильно уплощена с боков — вариант саблевидной голени — свидетельство по данным биомеханического анализа (Хрисанфова, 1980, с. 48) усиленной работы стопы.

Женская группа (взрослые особи) характеризуется широким размахом вариаций продольных размеров верхних и нижних конечностей от малых величин до больших. Окружности диафизов на костях малые и очень малые — свидетельство грацильного, изящного сложения этих женщин. Мускулатура плеча и бедра развита ниже среднего. Голень округлая и отличается по форме от типа, характерного мужской группе.

Вертикальные пропорции мужской группы свидетельствуют о длинноногости, резком удлинении голени по отношению к бедру. Женщины характеризовались средним типом по соотношению длины туловища и ног. Не отмечено для них и резкого удлинения голени по отношению к бедру, столь характерного для мужской группы.

Средний рост исследованных мужчин высокий — 172,8 см при колебаниях от 168 см до 179 см. Рост женщин выше среднего по мировым стандартам — 158 см. Средний прижизненный вес мужчин, вычисленный по формуле В. В. Бунака, составляет 69,5 кг, женщин — 56,0 кг.

У мужчины из погребения 1308 на верхних участках обоих диафизов бедренных костей обнаружены следы заболевания хроническим остеомиелитом.

Сравнительный анализ признаков строения тела исследованной нами группы с левобережной Украины с известными в литературе группами: Среднего Поднепровья (Дебец, 1948), Южно-

го Поднепровья (Кондукторова, 1958), Прутско-Днестровского междуречья (Великанова, 1975), бассейна Днестра (Данилова, 1979) позволил выделить своеобразие изученной нами группы. Группа из мог. Успенка выделяется среди остальных резкой длинноногостью, значительным удлинением голени по отношению к бедру, высоким ростом. Необходимо дальнейшее накопление остеологических материалов (полно собранные скелеты) из региона левобережной Украины для исследования причин отмеченного своеобразия.

А. В. КРЫГАНОВ

УТОЧНЕНИЕ ДАТИРОВКИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ

Металлические наконечники стрел, представляющие один из самых массовых элементов материальной культуры древних обществ эпохи железа, широко используются специалистами для определения датировок, прежде всего закрытых комплексов. Применительно к древностям юга Восточной Европы их детальная хронология разработана для широкого промежутка времени, начиная с раннего железного века и заканчивая поздним средневековьем (А. И. Мелюкова, К. Ф. Смирнов, А. М. Хазанов, А. Ф. Медведев). Но накопление новых данных диктует необходимость внесения определенных корректив в имеющиеся хронологические построения. Так, результаты исследования кочевнических материалов эпохи раннего средневековья предоставили основание для уточнения хронологии (главным образом, в сторону удревнения) некоторых типов восточноевропейских железных черешковых наконечников стрел. Итоги этой работы показаны в таблице 1. Отмеченные в ней формы наконечников, кроме типов 16, 55 и 60, имеют, вероятно, восточное (азиатское) происхождение, поскольку их центральноазиатские и южносибирские аналогии датируются более ранним временем (Ю. С. Худяков). (Рис. 19).

Таблица 1. **Уточнение датировок некоторых типов раннесредневековых железных черешковых наконечников стрел**

Тип наконечника по классификации А. Ф. Медведева	Датировка А. Ф. Медведева	Уточнение датировки А. Ф. Медведева	Памятники, материалы из которых дали основания для уточнения датировок
Трехлопастные			
Тип 16. Килевидные с отверстиями в лопастях (рис. 1, 1)	VIII—IX вв.	с рубежа VII —VIII вв.	Новые Санжары (кон. VII в.), Вознесенки (нач. VIII в.), Бирский мог. (VII — нач. VIII вв).
Тип 23. Шестиугольные (рис. 1, 2)	VIII—IX вв.	с VII в.	Сивашовка (кон. VII в.)
Плоские			
Тип. 47. Ромбовидные без упора (рис. 1, 3)	VIII—XIV вв.	с VII в.	Сары-Булат, Крым (VII в), Бирский мог., Лагеревские курганы (VII—VIII вв.)
Тип. 48. Ромбовидные с упором (рис. 1, 4)	IX—XIV вв.	с рубежа VII — VIII вв.	Бирский мог.
Тип. 55. Секторовидные срезни (рис. 1, 5)		с рубежа VII — VIII вв.	Глодосы (кон. VII в.)
Тип. 60. Двурогие срезни с упором с вогнутыми боковыми и выпуклыми режущими сторонами (рис. 1, 6)	IX—XI вв. рубеж н. э. —	до X в.	Каранаевские курганы
Граненые			
Тип. 75. Ланцетовидные трехгранные (рис. 1, 7)	X—XII вв.	с рубежа VII —VIII вв.	Бирский мог.
Тип. 76. Пирамидальные трехгранные (рис. 1, 8)	X—XIV вв.	с VII в.	Сары-Булат
Тип. 83. Бронебойные с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбовидного сечения, с шейкой (рис. 1, 9).	X—XI вв.	с рубежа VII	Бирский мог., Сивашовка.

О. В. СУХОБОКОВ, С. П. ЮРЕНКО

ПРЕДВОЛЫНЦЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОЛТАВЩИНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ СЛАВЯНО-РУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА АН УССР)

1. Еще в нач. 70-х годов, говоря о догосударственных памятниках Днепровского Левобережья, имели в виду исключительно древности волынцевского и роменского типов, суммарно датируемые с середины VIII в. Видимое отсутствие более ранних неизбежно создавало некоторую лакуну в истории славянского населения этого региона, попытки заполнения которой путем передатировок черняховских (М. Ю. Брайчевский, Е. В. Махно) или волынцевских (Д. Т. Березовец), а то и роменских (Б. А. Рыбаков) памятников оказались неудачными.

2. Целенаправленные поиски недостающих археологических звеньев исторического процесса приводят в конце 60-х, нач. 70-х годов к появлению в научном обиходе группы постзарубинецких памятников в Среднем Подесенье (А. А. Амброз, П. Н. Третьяков), выделенных позднее в киевскую культуру (В. Н. Даниленко, Р. В. Терпиловский); аналогичные древности в нач. 70-х годов выявлены Е. А. Горюновым и на территории Днепровского Левобережья (ранний горизонт поселения у с. Хитцы Лубенского района). Благодаря, главным образом, его разведкам, в левобережной лесостепи обнаружены и непосредственно предшествующие волынцевским памятники колочинского и пеньковского типов, при этом своего рода эталоном пеньковской культуры на Левобережье стало упомянутое выше поселение у с. Хитцы.

3. Определенный вклад в изучение колочинских и пеньковских памятников рассматриваемого региона внесла и Днепровско-Левобережная славяно-русская экспедиция Института археологии АН УССР. Здесь следует назвать колочинское поселение **Курган-Азак** Сумской области, раскапывавшееся в 1968 г., а также поселения с материалами пеньковской культуры у с. Прогресс Кобелякского района (1978 г.) и близ г. Лубны (1981 г.) Полтавской области (Засулье).

4. Поселение у с. **Прогресс** впервые было обнаружено разведкой С. П. Юренко в 1977 г. на правом берегу р. Кустолово на небольшом возвышении (до 1,5 м) в пойме. Его площадь составляет 100 х 50 м; поверхность распахивается; на ней собрано значительное количество обломков гончарной черняховской посуды совместно с фрагментами грубой толстостенной посуды, изготовленной вручную из слоистого глиняного замеса, содержащего крупный шамот. В процессе раскопок вскрытая площадь составила около 100 кв. м при мощности культурного слоя от 0,8 до 1 м. В одной из поисковых траншей расчищено на глубине 0,8 м сооружение округлых в плане очертаний со следами очага в центральной части и небольшими ямками по периметру. Площадь постройки 12 кв. м. В заполнении расчищены остатки грубых раннеславянских сосудов биконических форм, а также сковородки с невысоким бортиком, аналогии которым имеются в материалах поселения у с. Хитцы (раскопки Е. А. Горюнова).

Наличие гончарной черняховской керамики, наряду с указанной лепной раннеславянской посудой, позволяет отнести поселение к проявлениям первой фазы пеньковской культуры и датировать, по крайней мере, второй половиной V в. н. э .(Рис. 20, А).

5. Поселение у с. **Засулье** Лубенского района выявлено в 1,2—1,5 км к востоку от города, слева от шоссе Киев—Харьков. Оно расположено на невысокой (до 1 м) площадке близ берега р. Сулы; окрестная местность заливается паводковыми водами. Размеры поселения составляют 135 м по оси С-Ю и 175 м по В-З. Было вскрыто ок. 300 кв. м. при глубине материка на уровне 1,5 м. В культурном слое представлены материалы от неолита до XX в. включительно, причем преобладают позднесредневековые.

В ходе раскопок расчищены остатки двух жилищ и 7 хозяйственных ям, а также погребение по обряду трупоположения. Одно из жилищ было расчищено полностью, от второго — только его западный угол. Оба сооружения были выявлены на глубине 1,0—1,2 м; их полы залегали на глубине 1,35 м. Первое жилище представляет собой подпрямоугольной формы полуземлянку с центральным столбом и очагом; по углам и середине стен выявлены ямки от несущих конструкций. Его площадь 4,45 м (СВ-ЮЗ) на 4,0 м; ямки от столбов углублены на 10—15 см ниже пола. Близ очага расчищена предочажная яма (диаметром 1,38 м и глубиной 1,65 м).

В заполнении найдена пеньковская керамика преимущественно биконических форм, представленная 5 типами горшков; мисками, сковородками и незначительным количеством амфорных обломков. Аналогичная керамика найдена и при расчистке хозяйственных ям. (Рис. 20, Б).

Погребение было расчищено на глубине 1,05 м от поверхности. От покойника (ребенка 7—10 лет) сохранились несколько осколков черепа и фрагментированные берцовые кости. В качестве погребального инвентаря выявлен один целый горшок и крупный обломок зерновика наряду с глиняным биконическим пряслицем. Весь погребальный комплекс находок был ориентирован по линии С-Ю, причем кости черепа располагались к югу.

Хозяйственные ямы располагались преимущественно (5 из 7) в непосредственной близости от жилых сооружений и, видимо, составляли единый комплекс; большинство их оконтурены с глубин 0,9—1,2 м, с залеганием дна на отметках 1,4—1,8 м. Размеры ям колеблются в пределах 1,0—1,5 м.

Керамический комплекс данного поселения имеет свои ближайшие аналогии в материалах селища у с. Хитцы, а также у с. Занки Харьковской области (раскопки А. Г. Дьяченко).

Несмотря на отсутствие датирующих находок, исходя из характерного набора керамики, типология и классификация которой разработана Е. А. Горюновым и О. М. Приходнюком, данное поселение может быть датировано по аналогиям в рамках V—VII вв. Отсутствие обломков черняховской керамики позволяет говорить о нач. VI в., как времени начального его существования.

И. В. КОРПУСОВА

ЗОЛОТАЯ СЕРЬГА ИЗ СОБРАНИЯ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АН УССР

В 1987 г. Одесским археологическим музеем АН УССР была приобретена серьга, случайно обнаруженная на территории Глобинского района Полтавской области. Она выполнена из золота 750°, весит 11,28 г. Серьга имеет вид дужки с подвеской в виде пирамидки полой внутри. Дужка припаяна к основанию пирамидки через рифленный цилиндрик, украшенный в месте крепления с подвеской пояском зерни, а в месте крепления с

дужкой — двумя зерненными треугольниками. Углы основания пирамидки заканчиваются тремя дутыми шариками, посаженными на 3 капельки зерни. У основания щитки украшены псевдосканью и канеллюрами. По граням — крупная зернь, у основания — два полых шарика (один утерян). На двух плоскостях пирамидки припаяна ячейка для вставки из темно-синего стекла, окаймленная зернью. На третьем щитке розетка заменена выпуклой бляшкой с зернью.

Серьги подобного типа обнаружены в различных регионах. В конце прошлого века аналогичная серьга была найдена в селении Бурши Казикумыкского района (район современного г. Казани, Татарская АССР). Эта серьга из Булгар датируется VIII веком (Государственный исторический музей. Москва. Шедевры ювелирного искусства. Ленинград, 1986). В 70-х годах XIX в. в осетинском ауле Комунта (Северный Кавказ) обнаружены 5 аналогичных серег (Коллекции Кавказского музея, т. V, Археология, 1902 г., с. 19—27). В 1961 г. найдены серьги, подобные полтавской, у с. Глодосы Кировоградской обл. (Археологія Української РСР, т. III, Київ, 1975, с. 159—163).

Наиболее близки полтавской серьге, обнаруженные в могильниках Комунты и у с. Глодосы. Найдены они были в комплексах. В могилах Комунты было обнаружено большое количество изделий из золота, бусы, изделия из бронзы, несколько экземпляров изделий из железа, византийские монеты императоров Ираклия, Юстиниана, Анастасия, Фоки.

Глодосские серьги датируются VII в. и отнесены к кругу памятников типа Малой Перещепины. В захоронениях, относящихся к памятникам этого типа, найдено большое количество золотых украшений как привозных, византийских, так и выполненных местными мастерами, золотая и серебряная посуда в основном византийского или иранского происхождения, значительное количество византийских монет. Предметы, обнаруженные в комплексах перещепинского типа, имеют аналогии в захоронениях Венгрии, Крыма и Северного Кавказа.

К памятникам типа Малая Перещепина VII—VIII вв. может быть отнесена и серьга, обнаруженная в Полтавской области, которая выполнена в византийской ювелирной традиции.

В. В. ПРИЙМАК

ПРО ДЕЯКІ ПИТАННЯ СЛОВ'ЯНО-САЛТІВСЬКИХ СТОСУНКІВ НА ЛІВОБЕРЕЖЖІ ДНІПРА

Питання слов'яно-салтівських взаємовідносин стали вирішуватись на конкретному археологічному матеріалі в роботах Д. Т. Березовця, І. І. Ляпушкіна, С. О. Плетньової та ін. в 50—60-х рр. Слід відзначити при цьому важливість визнання самого їх факту та домінанти салтівського населення у цих зв'язках, що підкреслено в роботах вказаних авторів. В той час важливу роль у розумінні цих процесів відігравала специфіка досліджуваних пам'яток, чим слід у значній мірі пояснювати розбіжність поглядів Д. Т. Березовця та І. І. Ляпушкіна.

В 70—80-х рр. широкі польові дослідження пам'яток VIII—X ст. дозволили значно поповнити джерелознавчу базу з даної проблеми й вивели її на новий, більш високий, рівень. Слід зазначити, що археологічні дані підтвердили свідчення письмових джерел про характер стосунків сіверян і в'ятичів з Хазарським каганатом.

Розробки останніх років щодо абсолютного та відносного датування волинцевсько-роменських пам'яток (Сухобоков О. В., Юренко С. П., Горюнов Є. О., Щеглова О. О., Узянов О. А., Григор'єв О. В. та ін.), незважаючи на ті суперечності, котрі продовжують мати місце в поглядах вищезгаданих авторів, все ж мають тенденцію до зближення, а це робить можливим спробу побудови періодизації слов'яно-салтівських стосунків. На сьогодні стає можливим виділити 4 періоди у взаємовідносинах слов'ян лісостепової зони Дніпровського Лівобережжя з населенням салтівської культури, при цьому слід зазначити, що датування кожного з періодів в подальшому, безумовно, буде уточнюватися, а, ймовірно, й переглядатися досить істотно; цілком ясно, що подальші успіхи археологічної науки приведуть до виділення окремих етапів в рамках вказаних періодів стосовно різних регіонів Лівобережжя.

1 період. Охоплює час від останніх десятиліть VII до середини VIII ст. З цим періодом слід пов'язувати комплекси поселень Вовки (споруда IX), пізнього горизонту Хитців, деякі комплекси раннього та середнього (за С. П. Юренко) етапів існування селища Волинцево (урочище Стан).

2 період. Між першими десятиліттями VIII і першою третиною IX ст. Саме з цим періодом пов'язується існування пам'яток з волинцевською гончарною керамікою, серед них Бітиці, Токарі, Сосниця, пізній горизонт Волинцева та ін. Основний масив вказаної групи пам'яток, напевно, локалізується в середній течії Псла.

3 період. Включає час між другою третиною — серединою IX — рубежем IX—X ст. Характеризується зникненням гончарної волинцевської кераміки або ж значним зниженням рівня технології її виробництва, хоча певний вплив з боку салтівської культури на роменських пам'ятках продовжує простежуватися. Ймовірно, що зниження інтенсивності слов'яно-салтівських зв'язків на даному періоді обумовлювалося все зростаючим впливом з боку Давньоруської держави, особливо в західних районах Лівобережжя.

4 період. Розпочинається з початку X ст., пов'язаний з припиненням існування Хазарського каганату і включенням частини його території до складу Давньоруської держави, а також певним переміщенням салтівського населення на захід і північ, в район роменських та борщівських пам'яток (Сухобоков О. В., Вінников А. З.).

При вивченні слов'яно-салтівських стосунків і на сьогодні лишаються невирішеними ряд питань. Серед них питання про походження волинцевської і передуючої їй лощеної кераміки, котра отримала в літературі найменування «салтоїдної», питання про хронологічні рамки першого періоду, що в значній мірі пов'язане із спробами датувати пам'ятки окремих регіонів салтівської культури (Баранов І. А.) чи комплексів (Фльоров В. С.) часом раніше, ніж середина VIII ст. Недостатньо вивченими лишаються й зв'язки роменського і салтівського населення на заключному періоді стосунків. Ймовірно, що саме в цей час відбувається новий імпульс, що приводить до поширення раннєгончарної кераміки на роменських пам'ятках, в декорі й технології виготовлення якої так багато спільних рис з салтівською кухонною керамікою.

А. О. ДОБРОЛЮБСКИЙ

ЕВРАЗИЙСКАЯ ТРАКТОВКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СЛАВЯН И КОЧЕВНИКОВ

Русская эмигрантская школа кочевниковедения в 1920-е гг. склонялась к «степилюбивому» толкованию взаимоотношений славян и кочевников (Г. Савицкий), которое постепенно модифицировалось в «амбивалентное» и начало именоваться «евразийским». Впервые это направление было сформулировано В. И. Вернадским в 1940-х гг. Его общий смысл, в конечном итоге, стал сводиться к утверждению об общем оплодотворяющем влиянии кочевников на русскую культуру и историю.

В представлении евразийцев русская имперская идеология, формировавшаяся в периоды войн с различными мусульманскими ханствами, ордами и отоманскими турками, а также с кочевниками Центральной Азии, все более культивировала неприятие славянами степных народов. В эпоху Петра I зарождается так называемая «вестернизация», когда кочевники рассматриваются с позиций «европейского ощущения величия». Такая тенденция развивалась на протяжении всего XVIII в. и явилась платформой для зарождения русской колониальной идеологии XIX в. В дальнейшем вся русская ориенталистика и славяноведение были пронизаны шовинистическим предубеждением против степняков. Эта же тенденция приписывается и всей советской науке.

В настоящее время за рубежом такие взгляды продолжают развиваться. Они сводятся к тому, что между оседлым и кочевым миром постоянно существовал непримиримый культурно-идеологический конфликт. В американской историографии это объясняется органическим неприятием чуждой культуры, характера социальной жизни и идеологии (М. Чернявский). Между двумя мирами возник и оформился «этнорелигиозный барьер», который породил при этом своеобразную «идеологию безмолвия» со стороны современников. Заведомое отрицание объективных преимуществ и культурных достижений враждебного мира побуждало хронистов и летописцев к их сознательному умолчанию. Именно таковыми были взаимоотношения славян с кочевниками в предмонгольский период. Этнорелигиозный барьер стал более ощутим после крещения Руси в конце X в., но окончательно сформировался после принятия степью ислама.

Такое положение, по мнению американского историка Ч. Гальперина (1985), побуждает советскую историческую науку так или иначе обходить вопросы славяно-кочевнических связей. Созданная русскими летописцами «идеология безмолвия», — по его мнению, — порождает таковую же и для современной советской историографии.

Откровенная идеалистическая тенденциозность евразийской концепции совершенно игнорирует принципы социально-экономического подхода к проблематике разрабатываемых в отечественной исторической литературе, а также не учитывает современных разработок, основанных на огромном массиве письменных и археологических источников. Между тем, полемика с ней в нашей науке совершенно не ведется. Отсутствие такой полемики может подтвердить правоту приверженцев «идеологии безмолвия», которую якобы породили смиренные русские книжники, не желавшие писать о неприятном и могущие только печалиться и сетовать.

В. О. МОКЛЯК

МЕЧ ІЗ ПОСУЛЛЯ

1899 року поблизу с. Клепачі в ур. Городище Лубенського повіту, під час оранки, селянином було знайдено меч, що надійшов до зібрання К. М. Скаржинської, а згодом, 1906 року, разом з археологічною колекцією, був переданий до Природничо-історичного музею Полтавського губернського земства. (Рис. 21).

Меч типу «В», дамаскований, з двостороннім лезом, добре зберігся, але перехрестя та навершя втрачені. Навершя було прикріплене за допомогою заклепки, круглий отвір для якої зберігся в його вершині. Руків'я у верхній частині закруглене і розклепане, має звужену до вершини форму. Клинок вкритий численними раковинами (наслідок корозії), в нижній третині звужується і переходить у вістря. Дол широкий; посередині клинка згладжений від довгого користування і також звужений до вістря в останній третині клинка. Лезо місцями вищерблене. Мечі цього типу були розповсюджені в багатьох країнах Цент-

ральної та Північної Європи і датуються VIII—X ст. Центр по їх виготовленню розміщувався в Рейнській області (Кирпичников, 1966, с. 26).

Розміри меча (в см): загальна довжина — 72,1; довжина клинка — 65,4; ширина клинка біля руків'я — 4,3; довжина руків'я — 11,7; ширина руків'я біля клинка — 2,4; діаметр отвору в руків'ї — 0,4; товщина меча у перетині — 0,4.

Напевне, місцем знахідки слід вважати ур. Осаково, поблизу скіфського городища в ур. Сад, за 0,25 км на північний захід від останнього, де ще в 1870-х рр. Ф. І. Камінським було виявлено і досліджено кілька курганів у складі давньоруського могильника X—XIII ст. (Супруненко, 1989, с. 104). Стосовно поселення, якому належить могильник, то ним можна вважати одне з селищ, чи досі не знайдене городище поблизу с. Клепачі (Моргунов, 1989, с. 68). Не виключено, що ним може виявитись відоме в літературі і неодноразово обстежуване (О. Лютецький, Ф. Б. Копилов, М. П. Кучера, О. В. Сухобоков, Ю. Ю. Моргунов) і датоване VIII—XIII ст. городище в ур. Коломак біля с. Хитці, період розквіту якого припадає на роменські часи (Григорьев; 1989, с. 70). Будучи одним із укріплених слов'янських поселень в Посуллі, городище пізніше, в часи Давньоруської держави, ввійшло до системи укріплень Посульської оборонної лінії (Моргунов, 1989 с. 68), вже не відіграючи такої ролі, як раніше і виступаючи другорядним укріпленим пунктом на рубежах слов'ян зі степом.

Спираючись на типологічну та хронологічну схеми, розроблені А. М. Кирпичниковим (1966), знахідка датується IX ст. Найближчим її аналогом є меч із південно-східного Приладожжя (Бор), випадково знайдений у 1928 р. (Кирпичников, 1966, с. 74, табл. II, мал. 1), та мечі з Новоселок Смоленської області (з розкопок кургану 1954 р.) і колишньої колекції О. О. Бобринського з невідомим місцем знахідки (Кирпичников, 1966, с. 74). Певно, публікований меч був у користуванні досить тривалий час, не виключено, що і в X ст.

Знахідка меча на території Посулля, разом з іншими аналогічними знахідками, свідчить про значну роль військового прошарку населення в обороні роменських поселень Посулля.

Ю. Ю. МОРГУНОВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕТОПИСНОГО г. СНЕПОРОДА

Закончен очередной этап проведения охранных раскопок городища летописного г. Снепорода, позволяющий подвести некоторые предварительные итоги.

Всего на городище вскрыто 2,2 тыс. кв. метров культурного слоя, что составляет треть поверхности площадки; еще более 500 кв. м раскопано на посаде, к западу от остатков крепости. Проведен посильный и, в целом, значительный комплекс охранных мероприятий, о чем в свое время уже сообщалось; подготовлен научно обоснованный проект реконструкции основных археологических объектов. Однако основной цели — создания музея-заповедника под открытым небом с консервацией раскопанных построек и их воссоздания в дереве — достичь не удалось. В этом сказался и недостаток средств, и неблагоприятно сложившаяся в последние годы конъюнктура. Но, пожалуй, главная причина заключается в том, что для подобных широкомасштабных мероприятий, видимо, еще не пришло время: в массе наши руководители пока не могут оценить ту материальную и духовную отдачу, которую способен принести музеефицированный археологический памятник.

Одним из интереснейших объектов, раскопанных за последние годы, являлись остатки въезда, расположенного в западной напольной части городища. Со стороны посада к воротам крепости вела улица, заканчивавшаяся, скорее всего, подъемным мостом (перемычка через ров не фиксируется). (Рис. 22).

По следам раскопанных клетей, забутованных переотложенным материковым суглинком, и прослеженных как в плане, так и в профиле бровок раскопа, воротная конструкция имеет вид незастроенного промежутка между оборонительными стенами. Специфика раскопанного объекта в том, что воротный пролет рассекал клети не перпендикулярно оси вала, как это делалось обычно, а по диагонали, с запада на восток, загибаясь по типу захаба, тем самым удлиняя для нападающих путь в середину крепости.

Оборонительная стена в этой части укрепления состояла из трех срубов, общей шириной 5,7—6,5 м (квадраты 25—29).

Длина срубов прослеживается редко — в отдельных случаях она составляла от 1,3 до 2,0 и 2,7 м.

Начинаясь от въезда, западный участок стены немного отклоняется от общей ориентации вала к юго-востоку и клиновидно сужается до двухсрубной (по ширине) конструкции, превращаясь в южную стену воротного пролета. Северная стена воротного пролета от точки въезда, наоборот, клиновидно расширяется от односрубной стены и уходит к востоку, в тело вала (квадраты 20, 21, 9, 10, 5, 6 и т. д.). Таким образом, воротный пролет заключен между двумя параллельными, но противоположно ориентированными клиньями стен, его ширина насчитывает 4 м, а прослеженная в раскопе длина составляет 7 м.

В юго-восточном углу раскопа южная стена воротного пролета содержит подпрямоугольное пятно чернозема с включением угля и золы. Пятно размещается в промежутке между забутованными срубами, насчитывающим 2,5 м; ширина пятна 5—5,5 м. Под конструкцией въезда в этой части располагался древний овраг, засыпанный ко времени постройки забутованных срубов въезда. Под пятном расчищено значительное количество обгоревших бревен и плах, ориентация которых не совпадает с ориентацией срубов: бревна раскатились по склону погребенной почвы, к тому времени еще не засыпанного оврага. Здесь найдена керамика рубежа X—XI и XI вв. Верхняя часть остатков обгоревшего дерева сопровождается керамикой XII в.; эта часть дерева синхронна срубной конструкции въезда.

Анализ стратиграфии и находок показывает, что прямоугольное черноземное пятно является остатками башни. На первом этапе строительства крепости (конец XI в.) башня стояла на краю незасыпанного оврага и сгорела в пожаре. На следующем этапе овраг был снивелирован, создан въезд в его зафиксированном нами виде, башня воссоздана на основе незабутованного материком сруба, включена в состав южной стены воротного пролета и, сгорев, образовала углисто-золистое пятно.

В целом конструкция въезда может быть датирована серединой XII — серединой XIII вв.

В 30 м к востоку от городища, на самом краю третьей надпойменной террасы был раскопан гончарный двухъярусный горн для обжига керамики, устьем обращенный к северу, к крутому склону террасы и доминирующим ветрам.

Верхняя часть горна целиком аналогична обычным глинобитным печам: ее под и часть свода вырезана в материке, верх свода долеплен из материкового суглинка. Под круглой формы, диаметр 1 м. В поде прорезано 7 круглых продухов (диаметром в среднем 0,1 м), ведущих в топочную камеру. Под является одновременно и перекрытием топочной камеры.

Топочная камера целиком вырезана в материке, имеет форму вытянутой трапеции, длина 1,6 м, максимальная ширина (южной части) 1,06 м, ближе к устью топка сужается до 0,6—0,4 м. Боковые стенки вертикальны, устье обрывается к предпечной яме. Высота топочной камеры 0,56 м; посреди нее установлен столб из 5 уложенных друг на друга глиняных вальков, служащих опорой для перекрытия. Округлая в плане предпечная яма также вырезана в материке, имеет диаметр верхнего края 1,3 м, немного сужается к ровному дну.

В процессе расчистки выяснилось, что весь объем верхней камеры был полностью забит обломками свода и крупными фрагментами круговой керамики. Задняя сторона топочной камеры заполнена черноземом с золой, углем и полусгоревшими тонкими ветками, а передняя сторона топки — обломками упавшего перекрытия, углем и фрагментами керамики. Много керамики и в предпечной яме. Фрагменты горшков из обжигательной, топочной камер и ямы большей частью относятся к одному комплексу сосудов, взаимно дополняют друг друга и датируются серединой XII в.

В. Б. ЗВАГЕЛЬСКИЙ

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЯХ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

(маршрут и скорость передвижения на первом этапе пути)

Первый этап пути условно определяется исследователями по временным ориентирам, отраженным в «Слове», Ипатиевской и Лаврентиевской летописях. Это — 23 апреля, выход с Новгорода-Северского и 1 мая, солнечное затмение у р. Донец (вероятно, совр. р. Уды, район Богодухова—Золочева). Существует несколько вариантов маршрута этого участка: Новгород-Северский — Рыльск — Курск — р. Оскол; Новгород - Северский — Рыльск — р. Оскол; Новгород - Северский — Путивль —

Рыльск — р. Оскол; Новгород-Северский — Путивль — район совр. г. Сумы — р. Уды. К сожалению, большинство расчетов производилось по карте без учета особенностей местности, расстояния определялись по прямым линиям, что приводило к значительным разбросам, исчисляемым иногда сотнями километров и к желаемым, произвольным выводам. Редкое исключение составляют работы М. Ф. Гетманца, в которых произведены соответствующие поправки.

По прямой расстояние от Новгорода-Северского до р. Уды (район Богодухова — Золочева) составляет 280—300 км, которое войска должны были пройти за 9 дней (т. е. средняя скорость движения составляет 31—32 км в сутки). В реальных же условиях путь удлинялся минимум на 30%. При этом необходимо учитывать, что 2—3 дня должно было уйти на дневки — отдых, сборы, ожидание ковуев, других участников похода. В Ипатиевской летописи акцентируется, что полки «идяхуть тихо, собираюче дружину свою: бяхуть бо и у них кони тучни велми». Таким образом, расстояние в 400 км надо было преодолеть за 6—7 дней со скоростью 55—65 км. Большинство исследователей считают, что средняя скорость движения войск была в пределах 35—45 км в сутки, хотя Г. В. Сумаруков к скоростям средним, маршевым относит дневные переходы в 55—60 км (Сумаруков, 1983, с. 23, 30). Естественно, такую скорость нельзя считать «тихой». Очевидно, по своим землям войска двигались медленнее до верховьев Сулы, но затем, наверстывая время, приходилось бы делать в сутки до 75 км. Все эти цифры выглядят несколько завышенными и полностью исключают участие в походе пеших воинов. Неприемлемыми выглядят и версии маршрутов движения через Рыльск, тем более через Курск, т. к. тогда значительно увеличивалось бы расстояние, а следовательно и скорость, выходившая за рамки реальности. Наши расчеты показывают напряженный ритм похода и не допускают возможности отождествления летописного Донца с какой-либо другой речкой, расположенной восточнее. Отождествление р. Донца с р. Уды, которое в ряде работ аргументирует Б. А. Рыбаков, выглядит натянутым, но на сегодня нет возможности иного толкования. Гипотетически можно предполагать, что летописный Донец — это иная река, расположенная южнее р. Уды. Тогда маршрут пролегал бы южнее города Донца, передвижение бы-

ло бы менее напряженным и осуществлялось через заселенные древнерусским населением земли в регионе Котельва — Зеньков — Ахтырка.

Исходя из расчетов скорости движения, очевидно, следует считать версию Новгород-Северский — Путивль — г. Сумы — р. Уды наиболее приемлемой, хотя и не бесспорной, т. к. основные пути в этом районе ориентировались по линии ЮЗ — СВ по суходолам междуречий рек Сейм, Сула, Псел, Ворскла.

Наши наблюдения в течение последних 10 лет за уровнем подъема воды на этих реках убеждают, что реальным препятствием могло быть лишь наводнение на Сейме. Псел, Сула и Ворскла к концу апреля полностью входят в свои берега. На Десне же еще стоит паводок. Но принимать во внимание разлив Десны вряд ли правомерно, т. к., во-первых, рядом со стольным городом переправа наверняка была делом тщательно налаженным и традиционным; во-вторых, поход все-таки состоялся — при любом его маршруте необходимо было переправиться через Десну.

Большие сомнения вызывали участки Пироговка — Воронеж — Дубовичи — Путивль — регион г. Белополья (через Теткино — Пески). Наблюдения на местности состояния рек в начале мая дают все основания полагать, что движение на этих участках пути возможно.

Изменения климатических, погодных и природно-физических условий (распашка лугов, вырубка и насаждение лесов, мелиоративные работы) произвели значительные воздействия; очевидно, изменился и уровень подъема вод в период разлива (хотя есть все основания полагать, что весна 1185 г. была ранняя). Вероятно, передвижение войск происходило по коренным берегам притоков названных рек, верховья которых часто находятся в непосредственной близости как друг от друга, так и от русел основных рек. Условно такое движение можно назвать «зигзагообразным». Естественно, это значительно удлиняет путь и требует больших временных затрат, но, как нам представляется, другого, более короткого, пути не существовало.

Проверить правомерность или ошибочность вышеизложенных предположений призвана научно-исследовательская экспедиция «Следами северских дружин», участники которой выйдут с Новгорода-Северского в конце апреля 1990 года.

РОЗВІДКИ НА ПОЛТАВЩИНІ.

ПАМ'ЯТКИ XVI—XVIII ст.

А. В. СИДОРЕНКО

РАЗВЕДКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЛУБЕН

В 1985—1988 гг. автором производились осмотры археологических памятников в окрестностях г. Лубны. В ходе разведок обнаружено несколько ранее неизвестных памятников.

Поселение XVII—XVIII вв. расположено в ур. Ляшивка в 0,8—1 км к востоку от города, слева от шоссе Киев—Харьков. Оно находится на возвышении (1,5 м над уровнем поймы) левого берега р. Сулы. Селище позднесредневекового времени занимало площадь 12 га (300 х 400 м) и было вытянуто по оси в широтном направлении. Проселочной дорогой прорезан культурный слой мощностью 0,20 м с большим количеством круговой керамики и обломков костей животных. На глубине 0,3—0,4 м была обнаружена лепная керамика эпохи бронзы и обломок костяного изделия. В 1988 г. возвышенность в пойме была распахана. Среди подъемного материала обнаружено бронзовое навершие булавы сотника конца XVII—XVIII вв. Навершие имело форму шестигранника со срезанными углами. На боковых сторонах имеются рисунки: двуглавый орел и девушка с чашей в руках. Из находок назовем также: два железных ножа, один из них хозяйственный, второй — боевой (так называемый «захалявный»), три керамические трубки, две свинцовые пули, подкову лошади, дверной навесной замок, 2 пряслица, маленький круговой сосудик в виде горшка с ручкой, три детские игрушки-свистульки (две в форме лошадок, одна в виде петушка), большое количество обломков круговой керамики, изразцов и патинизированного стекла. Возле селища, на левом берегу р. Сулы, были собраны русские медные монеты достоинством 5 копеек. Они были разбросаны по берегу реки на площади 2 кв. м. Всего было найдено 36 пятикопеечных монет; 32 экз. — периода правления Екатерины II, начиная с 1763 по 1796 год. 31 пятачок отчеканен Екатеринбургским монетным двором, 1 монета —Анненским. 4 монеты пятикопеечного достоинства принадлежат периоду правления Елизаветы Петровны — с 1758 по 1761 год чеканки; эти монеты не имеют обозначения монетного двора. Нумизматические материалы принадлежат кладу, зарытому в самом конце XVIII в. Селище является остатками небольшого казацкого села XVII—XVIII вв.

Вблизи с. Засулья, на левом берегу в пойме р. Сулы, обнаружено поселение периода позднего бронзового века. Оно расположено в 0,6 км к востоку от села; занимает возвышенность (0,5—0,6 м) площадью 0,3 га. Из подъемного материала на поселении — обломки костей животных, фрагменты керамики с примесью толченого шамота в тесте.

Между западной окраиной с. Александровка и восточной с. Дмитровка, на плато правого коренного берега р. Сулы, на пашне расположена группа из пяти курганов. Они вытянуты цепочкой по линии север—юг. Два кургана имеют высоту 1,2 метра, три — 0,5—0,7 метра.

В 20 км ниже г. Лубны по течению р. Сулы, неподалеку от с. Березняки Хорольского района в ур. Щурова Гора, находятся остатки еще одного села XVII—XVIII вв. Поселение занимало мыс первой надпойменной террасы левого берега высотой до 8 м и имело площадь около 0,6 га. В обнажениях обрыва берега реки заметен мощный культурный слой, достигающий здесь толщины 1,6 м. Обнаруженные материалы принадлежат XVII в. Это фрагменты круговых горшков и мисок с нанесенным ангобами различного цвета орнаментом, массивный осколок ядра, турецкая трубка. Ранее у обрывов были собраны отдельные находки позненеолитического времени и эпохи бронзы (Моргунов, Неприна, Супруненко, 1984).

А. М. ТКАЧЕНКО

РАЗВЕДКИ В ОРЖИЦКОМ РАЙОНЕ

В 1989 г. отрядом Полтавского краеведческого музея были продолжены археологические разведки в Оржицком районе, начатые в 1988 г. отрядом Полтавской организации Общества охраны памятников истории и культуры.

В связи с интенсивной и систематической распашкой полей, расширением хозяйственного и мелиоративного строительства памятники археологии все больше подвергаются разрушению. Отсутствие полных данных о них усложняет задачи проведения охранных мероприятий.

Обследования района производилось с целью пополнения сведений о памятниках археологии. Особое внимание уделялось обследованию и полному картографированию курганов и провер-

ке состояния охраняемых объектов. При этом были учтены материалы исследования данного района в предшествующее время (Ляскоронский, 1901; 1911; Падалка, 1914, Макаренко, 1917; Ляпушкин, 1948; Копылов, 1952; Довженок, Гончаров, Юра, 1966 и др.).

Территория Оржицкого района представляет собой ровное плато правобережья р. Сулы, перерезаемое рр. Оржица, Слепород, Чумгак и небольшими балками. Курганы находятся в основном на водоразделах или коренных берегах. Всего разведкой было обследовано 318 курганов, в том числе 18 курганных групп. 11% насыпей задерновано, 7% разрушены селитроваренным производством XVII—XIX вв. Выявлено 15 курганов и 12 майданов, высота которых превышает 2 м. Они расположены у сел В. Селецкое, Загребелье, Зарог, Кандыбовка, Тимки, Чмыхалово и др. Самый высокий курган находится в 1,5 км к СЗ от с. Теремецкое. Его высота 3 м, диаметр 30 м. В 2,6 км к СВ от. с. Савинцы находится самый высокий майдан, который представляет собой кольцеобразную насыпь диаметром 30 м, высотой 4,5 м.

Обследованные курганные группы немногочисленны и компактны. Обычно они состоят из трех-четырех насыпей, высотой 0,1—1,5 м, диаметром 15—40 м. Группы из 6—9 курганов находятся у сел Ивановка, Ивахненки, Теремецкое, Тимки.

В ходе разведки выявлены также археологические памятники полностью или частично разрушенные: снесены майдан и курган у с. Сазоновки; в с. Великоселецком один майдан превращен в мусоросборник, второй, который имеет название «Сторожевой» и находится во дворе Малушки В. М., частично разрушен при строительстве дороги; курган у с. Тимки начал использоваться как скотомогильник.

Осмотрен также майдан «Железная баба», расположенный на высоком мысообразном выступе коренного берега р. Сулы (с. В. Селецкое). С южной стороны, где в результате прорезания мыса для прокладки дороги, образовался обрыв, майдан постоянно обваливается и разрушается.

Полученные данные археологической разведки дополняют и уточняют имеющиеся сведения об археологических памятниках Оржицкого района. Они будут использованы при работе над

статьями по археологии для «Свода памятников истории и культуры народов СССР» по Полтавской области, для составления каталога археологических памятников данного района. Полученные материалы позволят также разработать комплекс охранных мероприятий: взятие на государственный учет и охрану, изготовление и установку охранных знаков, заключение охранных обязательств, проведение охранных исследований разрушаемых памятников.

И. С. МЕЛЬНИКОВА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВЕДОК НА ПОЛТАВЩИНЕ

На протяжении 1987—89 гг. было проведено сплошное обследование Решетиловского, Козельщинского (бассейн Псла), Чернухинского, Пирятинского (бассейн Сулы) районов Полтавской области, в связи с подготовкой археологических материалов для тома Свода памятников истории и культуры.

Перечень известных до 1976 г. памятников археологии по районам помещен в «Довіднику з археології України. Полтавська область». (Сидоренко, Махно, Телегін, 1982). За последние 10—12 лет в долинах рек Удая, Многи, Перевода, Сухой Лохвицы (Пирятинский и Чернухинский р-ны), Псел, Говтва (Решетиловский р-н) периодически проводились тематические разведки (Моргунов Ю. Ю., Приймак В. В., Шилов Ю. А., Шевченко Н. П., Горюнов Е. А.), которые дали богатый материал по изучению поселений эпохи неолита, бронзы и раннеславянского времени. Обследования в Козельщинском р-не после 1920-х гг. не проводились.

В ходе разведок 1987—89 гг. основное внимание уделялось выявлению, картографированию, описанию новых и осмотру уже известных курганных памятников. Разведка производилась пешим ходом и на автотранспорте с использованием карт землепользования хозяйств.

Основные результаты обследования приведены в таблице.

Название района	Количество курганов	Количество курганных групп	Количество одиночных насыпей	Количество майданов	Количество задернованных насыпей	Количество на плато	Количество на террасах	Количество в пойме
Решетиловский	322	78	83	16	51	237	82	16
Козельщинский	191	48	55	21	65	163	25	—
Пирятинский	292	60	68	1	21	290	—	2
Чернухинский	250	55	28	7	23	253	—	2

Всего картографировано 1100 курганных насыпей.

Большинство насыпей (86% от общего числа) располагаются на водораздельных плато или тяготеют к речным долинам. Курганы, расположенные в пойме (2%) и на террасах (10%), выявлены преимущественно в долинах рр. Говтвы и Бакая (левые притоки Псла) у сс. Говтва, Онищенки, Михновка (Решетиловский р-н).

Чаще всего курганы образуют небольшие группы из 2—5 насыпей. Такие группы преобладают в бассейне Псла. Более крупные группы — в составе 5—15 насыпей — расположены в междуречье Многи и Сухой Лохвицы у сс. Голотовщина, Новая Петровщина, Хейловщина, Ковали (Чернухинский р-н) и на правом берегу р. Удай к ЮВ от с. Великая Круча (Пирятинский р-н).

Одиночные насыпи составляют 21% от общего числа обследованных памятников и чаще встречаются на Нижнем Псле (Козельщинский р-н). Здесь же обнаружено значительное количество курганов, насыпи которых имеют следы разрушения селитроваренным производством. Самые крупные майданы (высо-

та 2—3 м, диаметр 50—60 м) находятся у сс. Верхняя Мануйловка, Пески, Новоселовка, Улиновка. Необходимо отметить количественную разницу майданов на Псле (37 насыпей) и на Суле (8 насыпей).

Основная масса обследованных курганов имеет высоту 0,5—1 м и диаметр 15—25 м, но есть насыпи высотой 3—6 м (до 1%).

Большая часть курганных памятников распахивается, только 5% насыпей задернованы. Преимущественно, это курганы под геодезическими знаками или кладбищами на насыпи. Почти все задернованные насыпи обпахиваются, у многих подрезаны полы, а у некоторых уже началась распашка склонов.

В процессе разведки было выявлено 17 аварийных, разрушаемых курганов, нуждающихся в доследовании.

Результаты разведки учтены при подготовке статей для Свода и войдут в каталоги-справочники, составляемые по каждому из районов. Выявленные памятники поставлены на предварительный учет, планируется их взятие под охрану.

С. А. ЛЕПЯВКО

КАЗАЦКИЙ ЛАГЕРЬ НА СОЛОНИЦЕ

В мае—июне 1596 года на левом берегу р. Сулы «на урочище Солоница» находился большой казацкий лагерь. Это были повстанцы во главе с С. Наливайко, Г. Лободой и И. Шаулой, которых преследовали польские войска гетмана С. Жолкевского. События вокруг лагеря, разгром повстанцев поляками в исторической литературе получили название «солоницкой трагедии». Это был заключительный эпизод восстания 1594—1596 годов, одного из крупнейших народных движений на Украине.

Возникает чисто археологический вопрос — можно ли найти остатки этого лагеря? Определенные ориентиры дают письменные источники (хронисты И. Бельский, Р. Гейденштейн и гетман С. Жолкевский). Остановлюсь на информации, которую они подают о Солоницком лагере:

1. Повстанцев было приблизительно 10—12 тысяч человек. Из них «до бою годных всего 3—4 тысячи. Остальные — раненые, беглецы с женами, детьми, имуществом, домашним скотом.

Следовательно, во время похода обоз был растянут на несколько километров и размеры лагеря тоже были довольно значительными.

2. Повстанцы перешли р. Сулу по длинному мосту и подожгли его. Но когда отошли, поляки смогли потушить мост, который не успел сгореть. Одновременно польская конница переправилась через брод в стороне от Лубен и перекрыла дорогу обозу. Следовательно, повстанцы разбили лагерь в стороне от переправы, но сравнительно недалеко от нее, так как события развивались буквально в считанные часы.

3. Казаки до прихода основных польских сил успели соорудить лагерь «на урочище Солоница». С одной стороны были «болота от реки Сулы». С остальных трех сторон были поставлены возы в 8—12 рядов, выкопаны рвы и шанцы (окопы), насыпаны валы и бастионы, на которые поставили пушки. О том, что лагерь был хорошо укреплен, свидетельствуют и все дальнейшие события. Неоднократные штурмы лагеря на протяжении двух недель успеха не имели. Только после подвоза осадных орудий из Киева и массовых обстрелов из них, из-за больших потерь, жары, недостатка еды, кормов и воды, падежа скота повстанцы вынуждены были сдаться. То есть лагерь так и не был взят с боя.

Об остатках лагеря через 53 года после событий свидетельствует польский источник 1649 года: «А на том месте над Сулой, под Солоницей, где его (Наливайко — С. Л.) захватил гетман... лагерь, длина которого равнялась четверти украинской мили. И сейчас (можно увидеть (?) — С. Л.) ихний окоп и печки, где стояли будки, а в каждой... было очевидно по несколько (человек — С. Л.)».

Каким же по размерам был лагерь? Украинская миля равнялась от 8 (малая) до 12 (большая) километров. Значит, по источнику длина лагеря была не меньше двух километров. Даже, если это преувеличение, то все равно лагерь был довольно большим. Если учесть десять тысяч чел., несколько тысяч коней, коров, овец, возы, то территория лагеря внутри вала должна была занимать несколько десятков тыс. м². К сожалению, внешних признаков земляных сооружений в солоницкой округе нигде не сохранилось. Остается искать только следы рва.

Сложности поиска заключаются в том, что: 1) Название «Солоница», к которому привязывается лагерь, относится к довольно обширной территории — вдоль речек Солоница, Сухая Солоница, озера Соленого; 2) Неизвестно, где было место переправы (возле Лысой горы или возле замка Вишневецкого); 3) Неясно, в какую сторону пошли повстанцы от переправы (или вдоль реки Сула вверх, в сторону Путивля, или на восток, вдоль р. Солоница, или еще южнее, переправившись через Солоницу).

Особенности местности, ее сильная заболоченность между Сулой и Солоницей севернее от Солоницы, делают довольно вероятным движение беглецов на юго-восток. Дорога через мост, если казаки пошли по ней, тоже, скорее всего, вела на Миргород, через р. Солоницу. В таком случае местонахождение лагеря довольно точно может быть локализовано на трапециевидном в плане поле между поймой р. Сулы и р. Солоницей южнее р. Солоница. Сюда же, на так называемый «туркачівський пагорб» ведут и предания местных жителей. Вторым вероятным районом поисков могут быть окрестности озера Соленого над Солоницей, которое тоже могло восприниматься как «болота от реки Сулы». Но поиски усложняются тем, что здесь находятся сплошные торфяники. Других примечательных мест по картам, аэрофотосъемке и при осмотре местности пока не обнаружено.

Найти место казацкого лагеря на Солонице в свое время пробовали Тарас Шевченко, Николай Костомаров, Иван Ле. Но археологические раскопки ни тогда, ни позже не проводились. Специальное исследование подобных объектов на Украине проводилось только один раз, в районе Берестецкой битвы. Историческая же ценность подобных объектов несомненна. Поэтому, в преддверии 400-летия восстания необходимо организовать тщательную разведку и раскопки этого памятника.

К. В. ГЛАДЫШ

ПАМЯТНИКИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И АРХЕОЛОГИИ

Многовековая история Полтавы раскрывается перед современниками в облике вещественных памятников и памятных сооружений, рассказывающих о жизни и деятельности наших предков. К таким памятникам относятся и подземные сооружения, игравшие значительную роль в хозяйственной жизни и обороне города. Эти подземные хода и убежища являются, по сути, памятниками и градостроительства, и археологии. Наличие подземных ходов присуще всем древним поселениям-крепостям: для скрытного выхода за пределы осажденного населенного пункта, подхода к источникам водоснабжения, убежища для населения и сохранения запасов продовольствия. В исторической жизни Полтавы подземные хода становились неотъемлемыми участниками исторических событий. Если в 1695 г. изменник, канцелярист Петрик провел по подземному ходу в Полтаву татар, которые разграбили и сожгли город, то в 1709 г. наличие подземных ходов возле Мазуровской башни позволило защитникам крепости обезвредить заложенную тут шведами пороховую мину, что сорвало их наступление на Полтаву 21 июня 1709 г.

Наиболее древние подземные хода находятся на территории бывшей Полтавской крепости. Знаменитая Иванова гора, центр старинной части города, хранит в своем массиве целую сеть подземных сооружений, начало сооружения которых связано, видимо, еще с городищем летописной Лтавы (XII—XIII вв.). Заложены древние подземные сооружения на значительной глубине от древней поверхности, в слоях плотного суглинка, без какой-либо облицовки. Размеры ходов различны — от узких переходов — пролазов до широких коридоров высотой до 3 метров.

Согласно древней легенде, крепость и Крестовоздвиженский монастырь были соединены трехкилометровым подземным ходом.

По свидетельствам очевидцев, от склона у Белой Беседки начинался подземный ход, шедший по направлению к Соборной площади. Впоследствии этот ход был засыпан, однако в 1969 г. на усадьбе И. П. Котляревского образовался большой провал,

открывший подземный ход на глубине около 10 м. Этим было подтверждено сообщение о наличии подземного хода от Белой Беседки.

При строительстве ресторана «Лилея» на Красной площади был обнаружен подземный вход в пороховые погреба Полтавской крепости (План крепости Василия Кутузова, 1744 г.). За пределами крепости на территории города имеются еще четыре района с наличием подземных сооружений: окрестности и территория Крестовоздвиженского монастыря, улицы Луговая, предместия Павленки и Кобыщаны.

В 1930-х гг. на дне оврага, выходившего на ул. Луговую, был обнаружен подземный ход, выкопанный в массиве коренного берега в плотном желтом суглинке. Этот ход через 50 метров разветвлялся, уходя в сторону монастыря и в глубину горы, к современной улице Лютого (ранее Бульварной).

От большинства существовавших в Полтаве церквей в XVII—XVIII вв., как правило, расходились подземные хода. Очень часто эти хода проходили под древними кладбищами вблизи церквей. Поэтому не удивительно, что в подземных переходах при провалах находили человеческие кости и даже скелеты, что служило основанием для создания различных легенд.

Наличие подземелий выявлено у мемориала Солдатской Славы на ул. Фрунзе, где до 1950-х гг. существовала кладбищенская церковь. Целый комплекс подземных сооружений находится между существовавшими ранее Вознесенской церковью, Зданием губернского земства, Стретенской церковью и существующей Спасской церковью. Первые деревянные церкви здесь были возведены в начале XVI в. В подземных ходах исследователи находили фрагменты керамики XVII—XIX вв., монеты, предметы утвари. Эти находки представляют значительный интерес и для археологов при изучении начальных этапов истории Полтавы. Часть из находок поступила в краеведческий музей.

В дореволюционное время исследование подземных ходов производилось отдельными энтузиастами, составлявшими и публиковавшими в местной прессе отчеты и сообщения о находках. Однако картографирования ходов никто не проводил. Только в начале 1940-х гг., по договору с Управлением городского архитектора преподавателем Харьковского Государственного универ-

ситета Юрием Митрофановичем Захарченко, был составлен план подземных ходов старинной части Полтавы. Этот план существовал и после Великой Отечественной войны, а потом попал в частную коллекцию. Отмеченные на плане направления подземных ходов подтвердились впоследствии. При строительстве жилого дома по ул. Октябрьской, 9 обнаружились два хода, идущих в сторону Спасской церкви; на трассах подземных ходов произошли провалы в парках Пионерском и Петровском. Здесь сотрудниками областного музея обнаружен, находящийся над ходом, гончарный горн XVII в.

В последние годы в бывших предместиях города — Павленках и Кобыщанах участились провалы земли на территории усадеб. После проведенного обследования было установлено, что такие провалы образуются на местах хозяйственной деятельности жителей города конца XVII—XVIII — начала XIX вв. В основном, провалы возникают на местах погребов, зачастую соединенных между собой подземными переходами. Часть погребов и переходов имеют кирпичные стены и своды, а часть — вырыты просто в грунте, что приводит к провалам из-за проникновения талых вод.

В последнее время научного, историко-археологического изучения Полтавских подземных сооружений и их местонахождения не производилось. Поиски подземелий осуществлялись лишь отдельными энтузиастами да членами ученического археологического кружка при краеведческом музее. Попытка секции градостроительства и архитектуры при правлении Областного общества охраны памятников истории и культуры создать комиссию по составлению плана сооружений подземной Полтавы успехом не увенчалась. А создание такого плана требует сама жизнь города. Проектными институтами Киева составляется новый генеральный план Полтавы и проекты детальной застройки отдельных частей города. Чтобы избежать аварийных ситуаций и непредвиденных усложнений при строительстве объектов над подземными пустотами, необходимы серьезные исследования подземной части территорий, попавших под застройку.

Очевидно, работу эту должно возглавить Управление городского архитектора, объединив для этого все любительские объединения и отдельных исследователей-краеведов, спелеологов и т. п.

И. В. СУХОВСКАЯ

РИСУНКИ В ПОДЗЕМНОМ ХОДЕ Г. ПОЛТАВЫ

Подземные хода Полтавы в течение длительного времени привлекают внимание исследователей. Хотя наиболее существенные результаты их обследования получены в конце прошлого века (В. Е. Бучневич, И. А. Зарецкий, И. Ф. Павловский) — имеется более 50 публикаций по этой проблематике, — решение основных вопросов топографии, назначения и даже датировки подземелий остается еще практически без движения.

Для изучения такого рода памятников, кроме использования имеющейся литературы, важны обследования остатков полуразрушенных подземелий путем их архитектурно-археологического изучения при помощи фото- и графической фиксации, так как их разрушение приводит к невосполнимой утрате нашей истории. О значении этих работ не только в краеведческом, но и чисто практическом (необходимость поддержания в нормальном состоянии современного жилого фонда и коммуникаций города) говорить не приходится.

В свою очередь, при таких обследованиях стоит обращать внимание и на ранее не фиксировавшиеся надписи (своеобразные графитти) на стенах и сводах подземелий, рисунки и т. п.

В результате одного из провалов 1979 г. на Красной площади г. Полтавы (бывшей Соборной площади города) выявлен участок разветвленного подземного хода протяженностью 12 м. (Рис. 23).

При обследовании ответвления хода, отходящего к юго-западу, в 1979 году на полукруглом своде коридора высотой 1,5 м и шириной 1,8 м, тянувшегося в сторону колокольни Успенского собора, выявлены своеобразные рисунки, исполненные копотью свечи, лучины и факела (Супруненко А. Б., 1984, с. 41) на заглаженной мокрой тканью поверхности суглинка. Эти рисунки наносились на стены и своды хода, и, скорее всего, носили символический или указательный характер. В центральной части композиции рассматривается стилизованный цветок, который символически изображает восьмиконечный бароккальный крест. Над центральным рисунком по середине изображено «всевидящее око». И что интересно, сама форма глаза и зрачок нарисованы по направлению к востоку. В нижнем левом углу относительно оси центра композиции изображен четкий крест с двумя раз-

веденными линиями. В правом нижнем углу нарисован крест напоминающий подобие птицы с распятыми крыльями. Чуть ниже и правее «птицы» изображены два стилизованных креста в направлении к востоку. Может быть, это и есть символическое изображение главного Успенского собора и колокольни. Очевидно, люди, которые пользовались подземными ходами, использовали эти рисунки как ориентиры или указательные знаки. Один большой рисунок, состоящий из нескольких композиций, общей протяженностью около 70—75 см, можно отнести к первой группе рисунков. Ко второй группе, которая находится при выходе в «основной» ход, относится ряд отдельных знаков, перекрещенных линий, символических изображений крестов или подобия их. Эта группа находится приблизительно в 3—4 метрах от первой основной группы. Эти рисунки можно датировать периодом использования подземелий и подземных ходов — от начала строительства до начала XIX века, когда большинство ходов уже начали обрушиваться. (Рис. 23).

Как нам известно, подобные рисунки, если не выявлены, то зафиксированы впервые в полтавских подземельях. Они могут представлять определенный интерес как для изучения подземелий, так и в целом широкого круга вопросов, связанных с историей культуры, народного искусства и символики эпохи позднейшего украинского средневековья.

Л. И. ВИНОГРОДСКАЯ

МАТЕРИАЛЫ ПО КЕРАМИЧЕСКОМУ ПРОИЗВОДСТВУ XVII—XVIII ВВ. НА ПОЛТАВЩИНЕ

Керамическое производство на Украине XVI—XVIII вв., как предмет научного исследования, содержит в себе еще много неизученных в достаточной степени областей. Поэтому каждый открытый памятник этого периода представляет интерес для исследователей.

Охранными раскопками в с. Свиридовка Полтавской области (С. П. Юренко) в 1977 г. и в Полтаве (А. Б. Супруненко) в 1979 г. были открыты два горна для обжига керамики, заполненные керамическими изделиями (рис. 24, **1**, **2**). Оба горна двухъярусные, глинобитные с опорной перегородкой вместо опор-

ного столба. От горна, раскопанного в Полтаве в провале подземного хода в Петровском парке, сохранилась лишь половина, противоположная устью. Размеры сохранившейся части горна в поперечном диаметре составляли 1,6 м, в продольном направлении сохранились на длину до 0,8 м, опорная перегородка — до 1,0 м. Толщина стенок составляла 0,1—0,15 м. Топочная камера разделялась опорной перегородкой на две части подквадратной в разрезе формы. Дно топочной камеры по направлению к устью имело уклон. В поду обжиговой камеры у задней стенки находились два больших отверстия-продуха прямоугольно-округлой формы размером 0,13 х 0,15 м. Остальные продухи меньших размеров располагались по всему поду обжиговой камеры. Стенки обжиговой камеры сохранились на высоту 0,2 м и имели наклон внутрь. Горн и керамика в нем датируются концом XVII- началом XVIII вв., так как он был уже в заброшенном состоянии, когда реставрировались старые и сооружались новые подземные ходы защитниками Полтавы перед осадой ее шведами в 1709 г.

Горн из с. Свиридовка сохранился значительно лучше. Стенки его были зафиксированы на глубине 0,35 м от уровня пахотной поверхности. Задняя стенка (противоположная устью) продолжалась на глубину 0,63 м до материка, а боковые, врезаясь в материк, образовывали боковые стены топочной камеры, вырытой в материке и обмазанной глиной. Перегородка длиной 1,75 м и шириной 0,17 м частично выходила в устье топочной камеры (на 0,18 м). Нижняя камера высотой 0,35 м разделялась опорной перегородкой на две части шириной по 0,75 м и длиной 1,62 м с толщиной стенок 0,12—0,15 м. Над нижней камерой находилось перекрытие, сделанное из глины толщиной 0,9 м. Верхняя поверхность перекрытия, тщательно выровненная и заглаженная, служила подом обжигательной камеры. Диаметр внутренней полости обжигательной камеры составлял 1,52 м, толщина стенок — 0,1—0,12 м. В поду были расчищены 12 отверстий-продухов, имевших различный диаметр (от 0,5—0,08 до 0,15 м) округлой в плане формы. С северо-восточной стороны к топочной камере примыкал топочный канал, длина которого по продольной оси составляла 1,06 м при высоте 0,5 м и ширине основания 0,85 м по внешним стенкам. Канал сужался ко входной части и у входа имел выступ 0,35 м, открытый сверху, шириной 0,28 м без учета толщины стенок. Стенки

обжигательной камеры имели наклон внутрь, что указывает, по всей вероятности, на переход к сводчатому перекрытию. Нижняя камера горна служила для накопления горячих газов и равномерного их распределения по всей площади обжигательной камеры через продухи. Длина топочного канала и устройство опорной перегородки, выходящей в топочный канал, делало затруднительным загрузку топлива в нижнюю камеру. По всей вероятности, горение происходило в топочном канале и устье топочной камеры. Два больших отверстия у задней стенки горна служили дымоходами и обеспечивали хорошую тягу. На основании посуды и изразцов, найденных в горне и возле него, горн датируется началом — серединой XVIII в.

Глинобитные двухъярусные горны с опорным столбом и выступающим топочным каналом известны нам по раскопкам древнерусских памятников (Рыбаков, 1948, с. 348—353). Наиболее близкой аналогией публикуемым горнам является горн второй половины XIII в. у с. Каменное Липецкой области (Матвеева, 1982, с. 101). Но отличительной чертой горнов с Полтавщины является устройство вместо опорного столба в топочной камере перегородки, разделяющей камеру на две половины. Подобная конструкция опорного столба применялась в провинциальных городах на Западе в римскую эпоху (Гайдукевич, 1934, с. 116). Следует отметить, что в черняховское время в бассейнах Днестра и Западного Буга известны горны кельтского типа, которые также имели опорную перегородку вместо столба. Древнерусский двухъярусный горн с продольной перегородкой открыт в Василеве (Малевская, 1969). В позднесредневековое время распространяются горны, сложенные из сырцового кирпича и обмазанные глиной. На Правобережье, в частности в Киеве, были открыты во время археологических работ несколько позднесредневековых горнов, сложенных из кирпича, а на Выдубичах — раскопан крупный гончарный центр начала XVII в., горны которого также были сделаны из сырцового кирпича с опорным столбом (Мовчан, 1974, отчет). Горны, сложенные из сырцового кирпича с опорными перегородками известны по раскопкам в Москве, где было открыто несколько таких горнов XV, XVI и XVII вв. (МИА, № 12, с. 30—51). На Левобережье такие горны в последнее время открыты в Переяславе (Сикорский, Бузян, Буйлук, Товкайло, 1986, отчет) и датируются концом XVII- нач. XVIII вв.

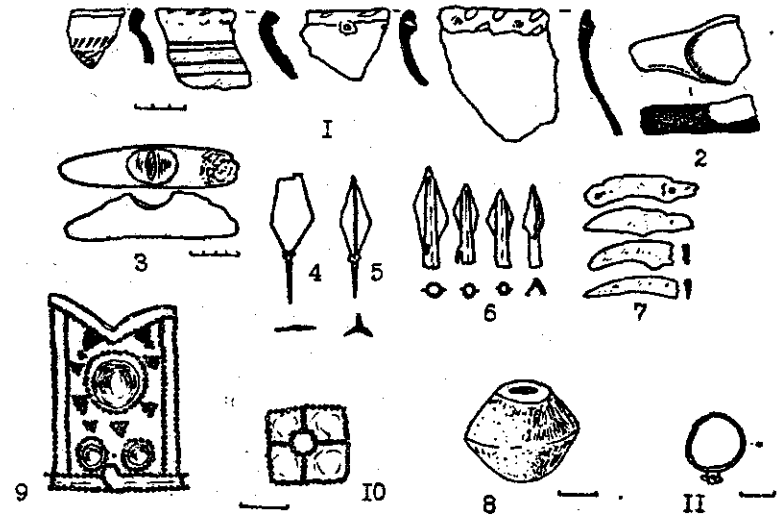
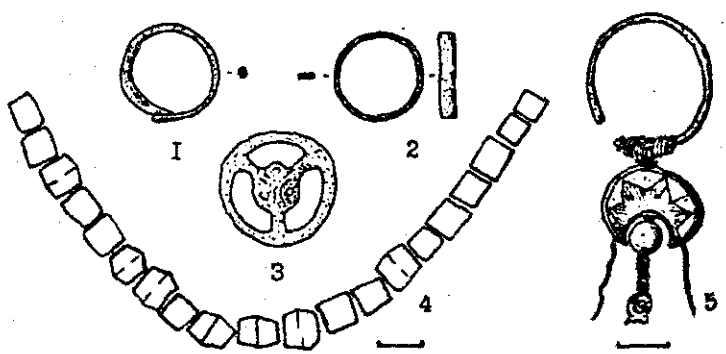


Рис.1.Находки И.А.Зарецкого у хут.Трибы, в ур.Белая Гора у Полтавы /I-8,II/, неподалёку от Макуховки /9,I0/. I,2,8 - керамика; 3 - камень; 4,5,7 - железо ; 6,II - бронза; 9,I0 - золото .



ис.2. Находки И.А.Зарецкого в г.Полтаве : I-4 - погребение во дворе ботарёва /I69I г./; 5 - Советская /быв.Монастырская/ ул. /I6O9 г./. I-3 - медный сплав; 4 - стекло ; 5 - серебро.

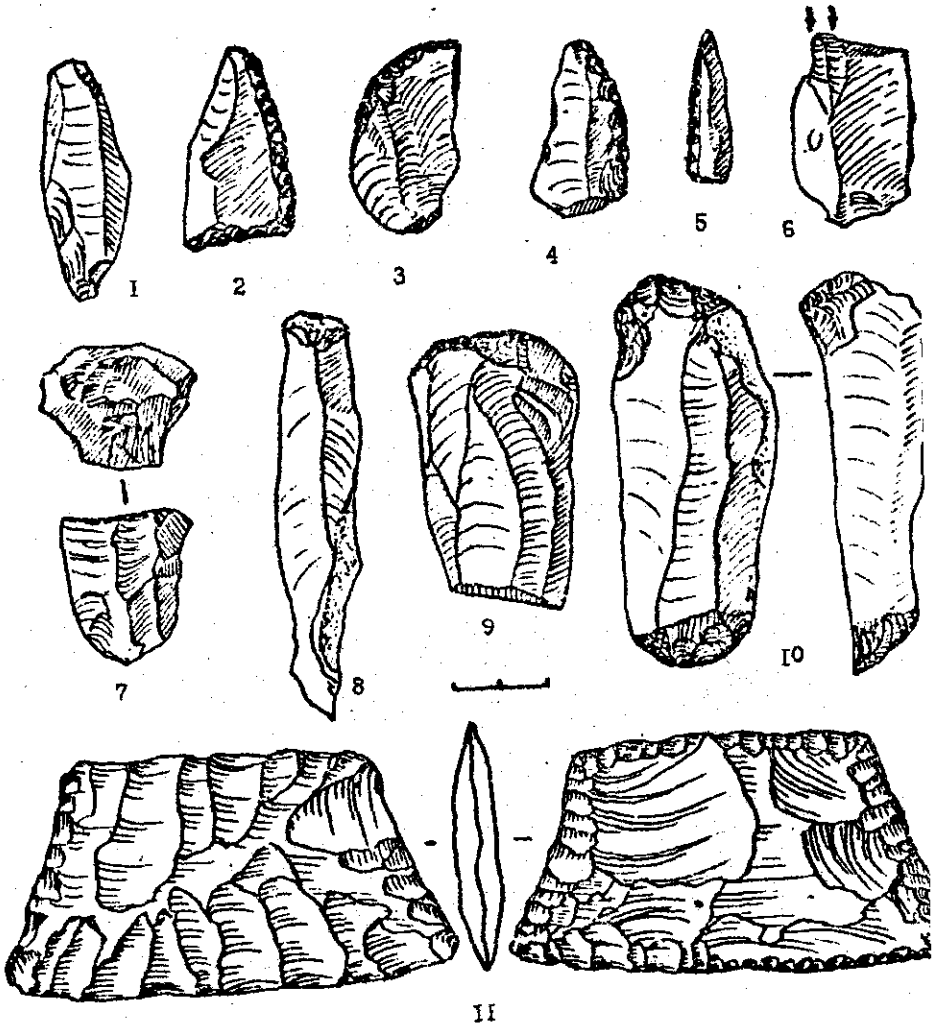


Рис.3. Кремневые изделия из палеолитических стоянок в устье р. Сулы
I-6 - Козодеевка; 7-I0 - Кагамлык; II - Веськовка-2.

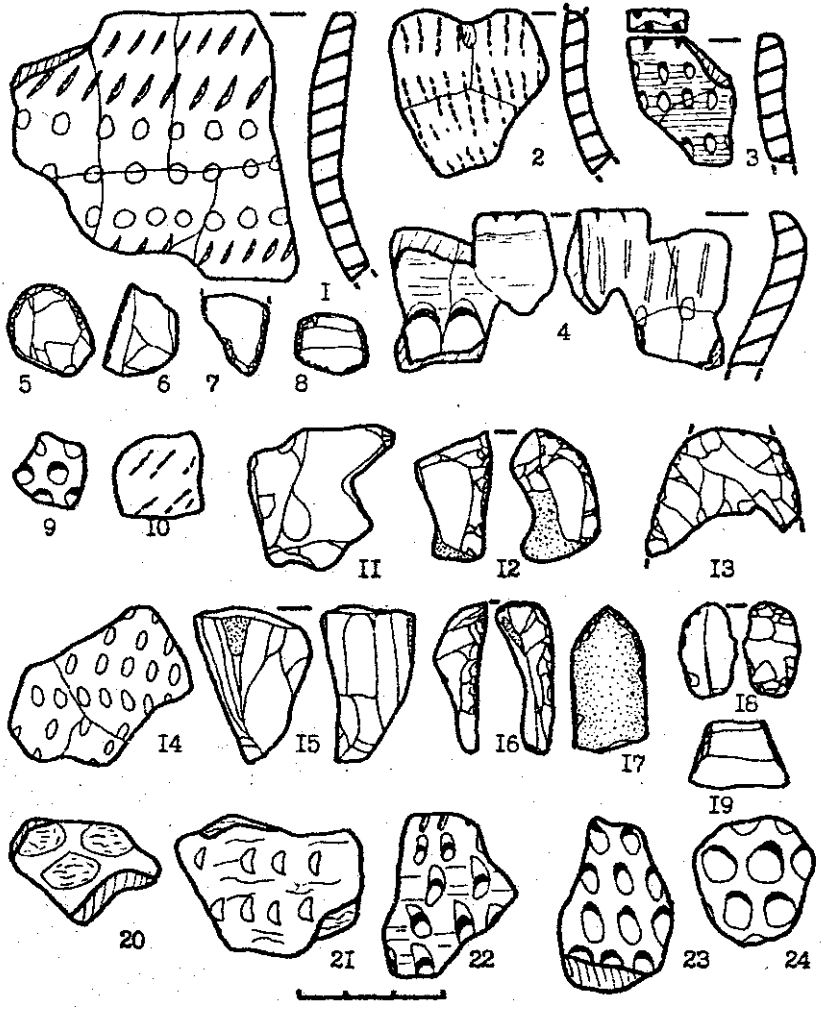


Рис. 4 Новые материалы эпохи неолита:

I-8 - Млынки; 9-I3 - Подварковка; I4-I9 - Ковалевка-2; 20-22 - Ковалевка-4; 23-24 - Ковалевка-5. Керамика: I,3 - фр.венчиков горшков; 4 - фр.венчика миски; 2 - фр.предвенечной части; 9,I0,I4,20-24 - фр.стенок. Каменный инвентарь: 5,6,I2,I6,I7 - скребки; II - резец; 7,I3 - обломки наконечников стрелы и копья; 8,I9 - трапеции; I5 - нуклеусы; I8 - вкладыш кукрекского типа.

Рис. 5 .Схема размещения мезо-неолитических памятников в районе с.Мезин. /Разведки В.Е.Куриленко/.

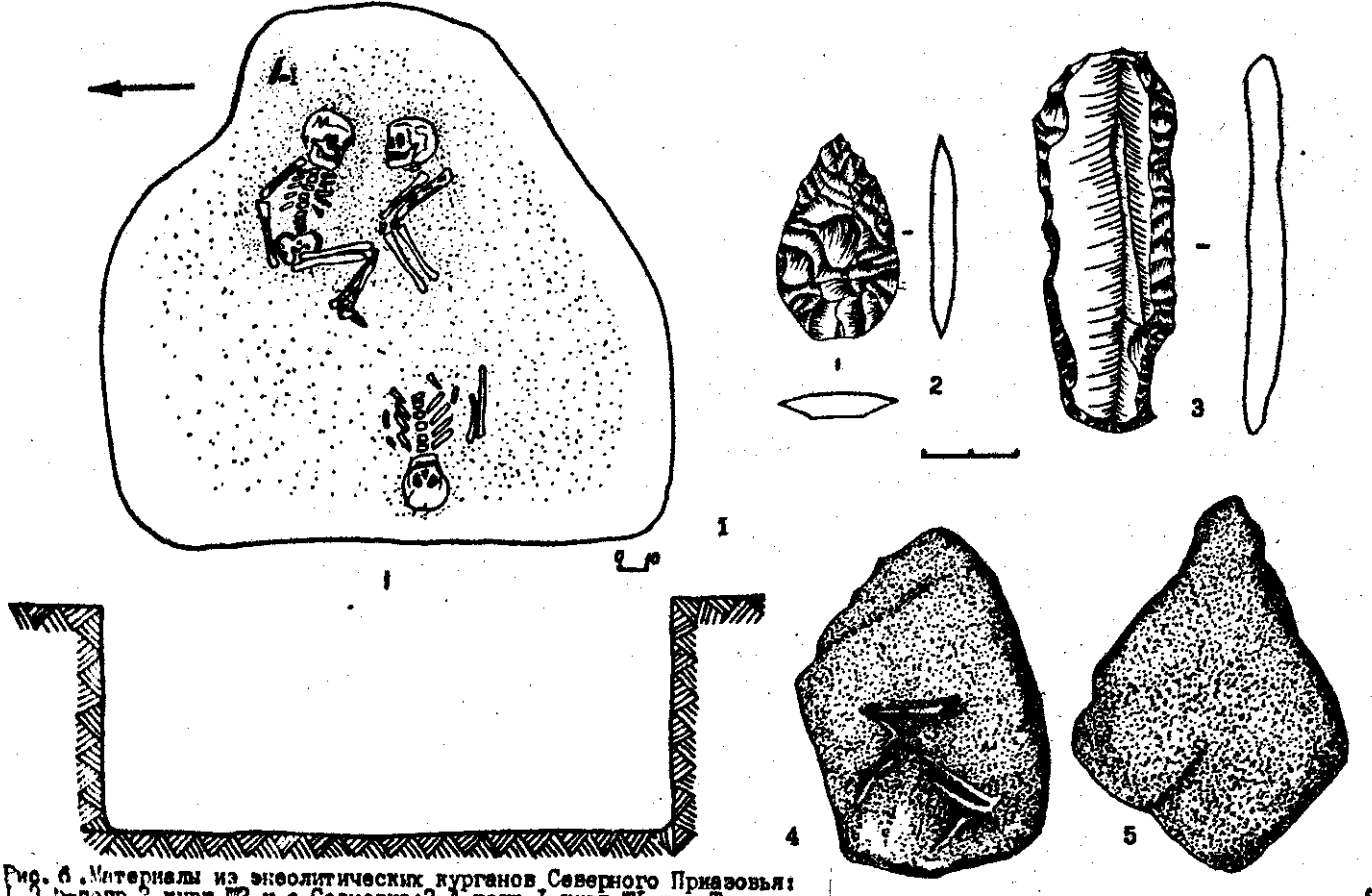


Рис. 6. Материалы из энеолитических курганов Северного Приазовья:
1,3,5-погр.2 кург.№2 у с.Сосновка; 2,4-погр.1 кург.№1 в с.Терпенье.
2,3-кремень, 4,5-камень.

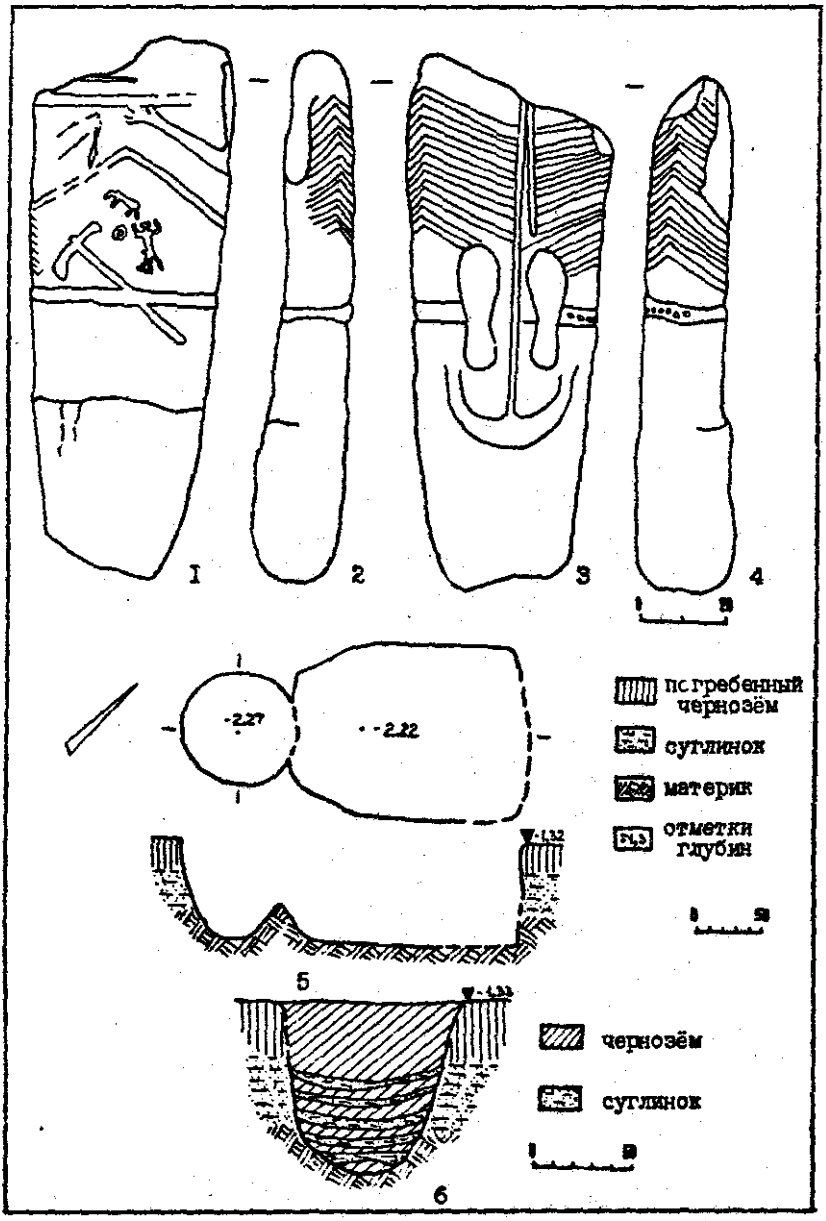


Рис. 7. 1-4 -Фёдоровский идол: лицевая, левая, обратная и правая стороны. 5-план погребения 5 Фёдоровского кургана, профиль ямы и 6-разрез заполнения "жертвенной" ямы погребения 5.

Рис. 8 Материалы донецкой /I–I3/, бахмутской /I4–I9/ и харьков – ско – воронежской /20–25/ катакомных культур:
I,I7–I8 – Мостовое; 2–6, I0–I5, 20, 22–25 – Вербовка;
9, 26 – Борщевка; I6, I9, 2I – Донгалевка

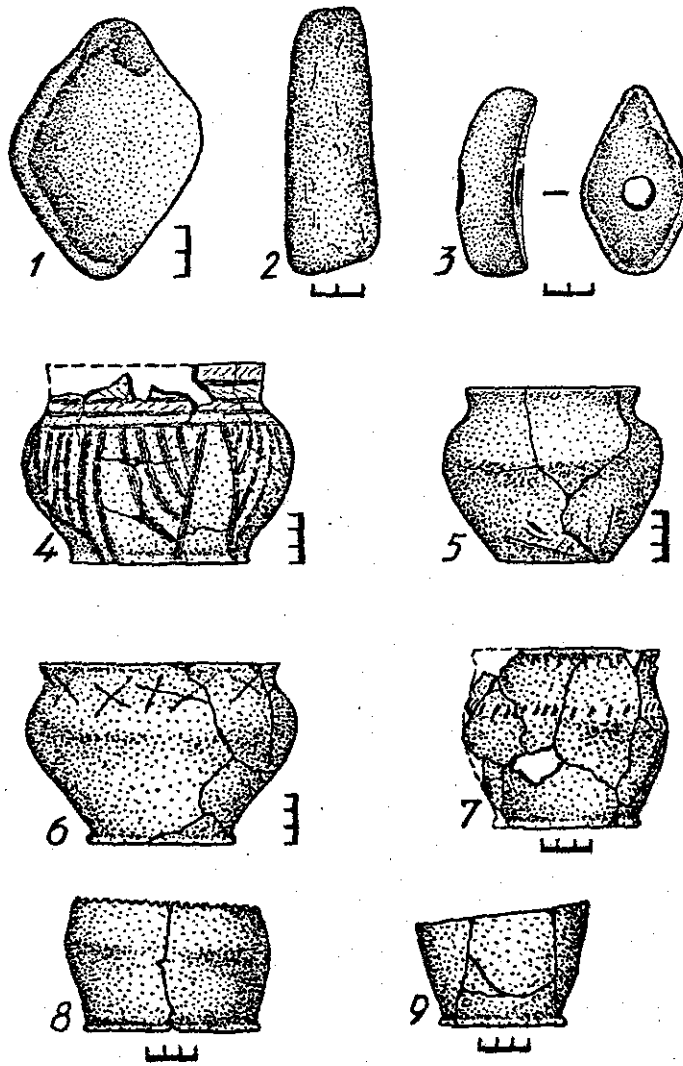


Рис. 9 Материалы древнеямной /I-3/, катакомбной /4-5/ и срубной /6-9/ культур:

I-2,6-8 – Химиковка; 3-5,9 – Петровское

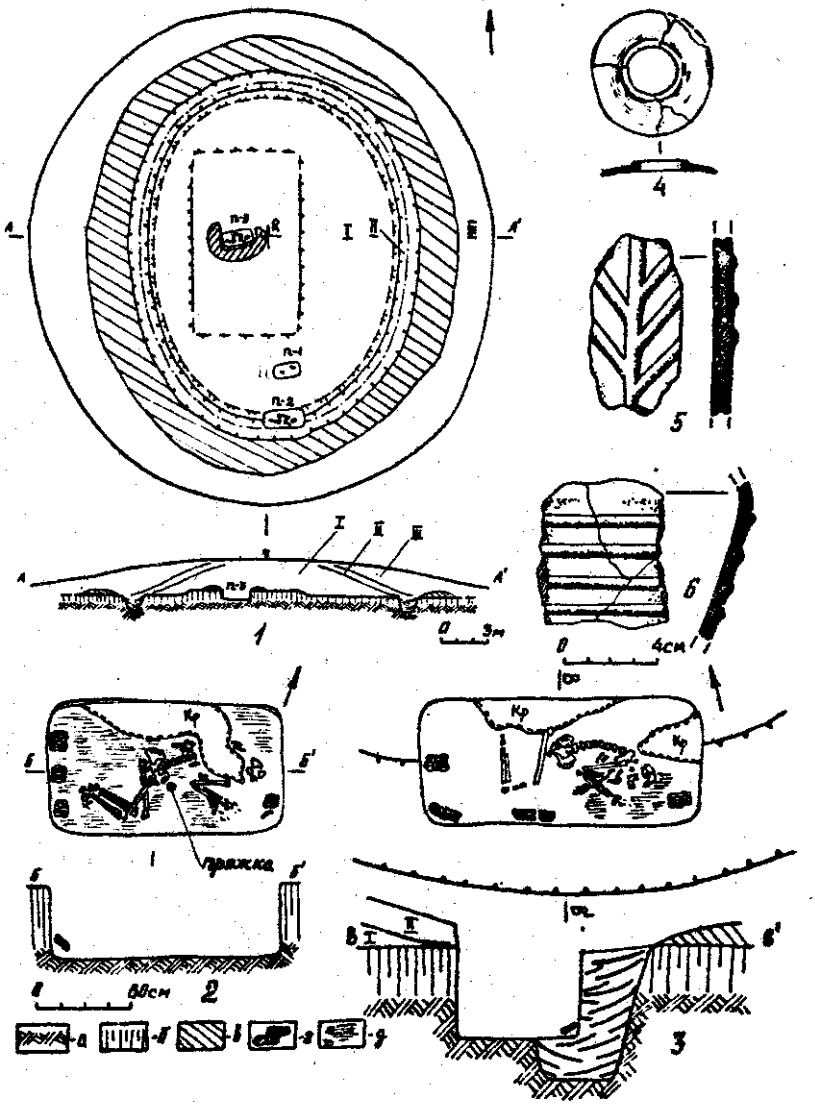


Рис.10. Курган 2 поблизу ст. П а л ь м и р а:

а-материк; б-похований ґрунт; в-вийми з рову; г-дерево; д-кора. 1-план і розріз кургану 2;2-поховання 3;3-поховання 2;4-кістяна прядка з поховання 5;5-гр.кераміки з рову;6-гр.кераміки з почат-кового насипу.

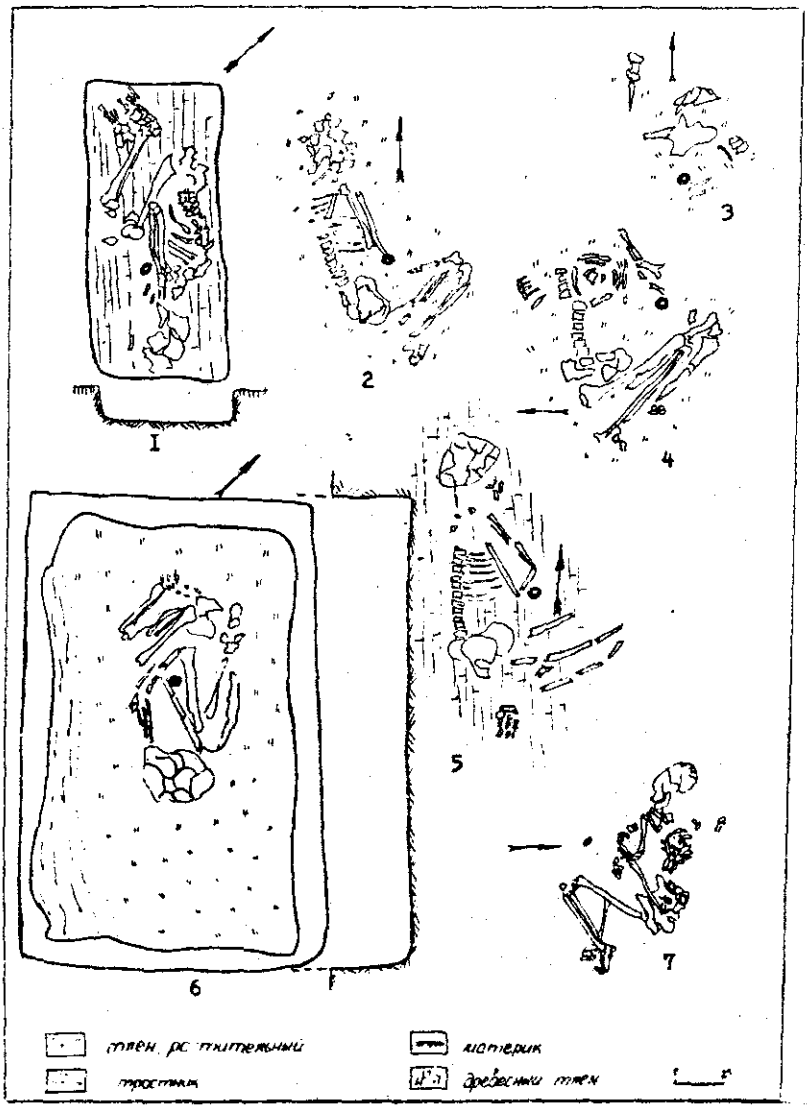


Рис. II. Погребения с костяными пряжками из Среднеднепровского Левобережья
1 - Магамлык к.2,п.1; 2,4 - Петрашовка к.7,п.1; 3,6 - Кириковка к.4 п.1 и к.1,п.2; 5 - Тимашовка к.2,п.2 ; 7 - Светлогорское к.1, п.2.

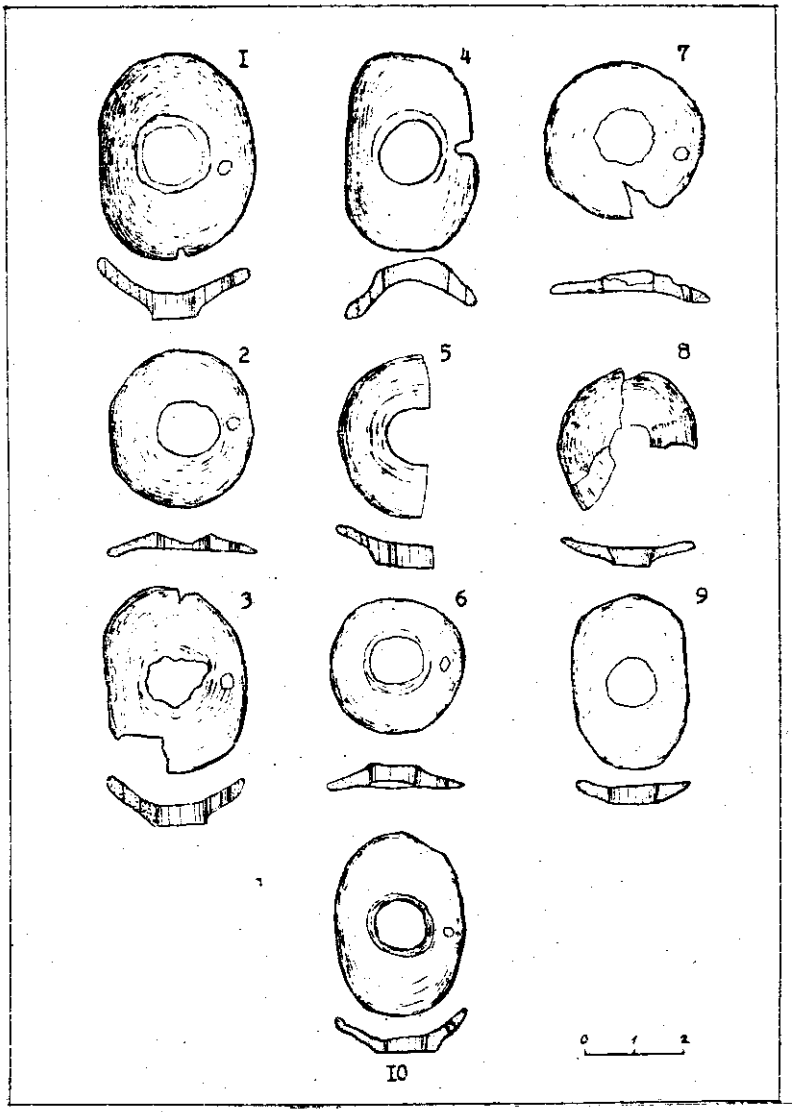


Рис. I2. Костяные пряжки из погребений культуры многоваликовой керамики Среднеднепровского Левобережья: I- Кагамлык к.2,п.I ; 2- Тимашовка к.2,п.2 ; 3,4- Кирияковка к.I,п.2 и к.4,п.I ; 5-7 - Петрашовка к.5, п.I ,2 и к.7,п.I ; 8- Пелеховщина к.I,п.3; 9-Светлогорское к.I,п.2; I0- Прилипка к.3, п.I.

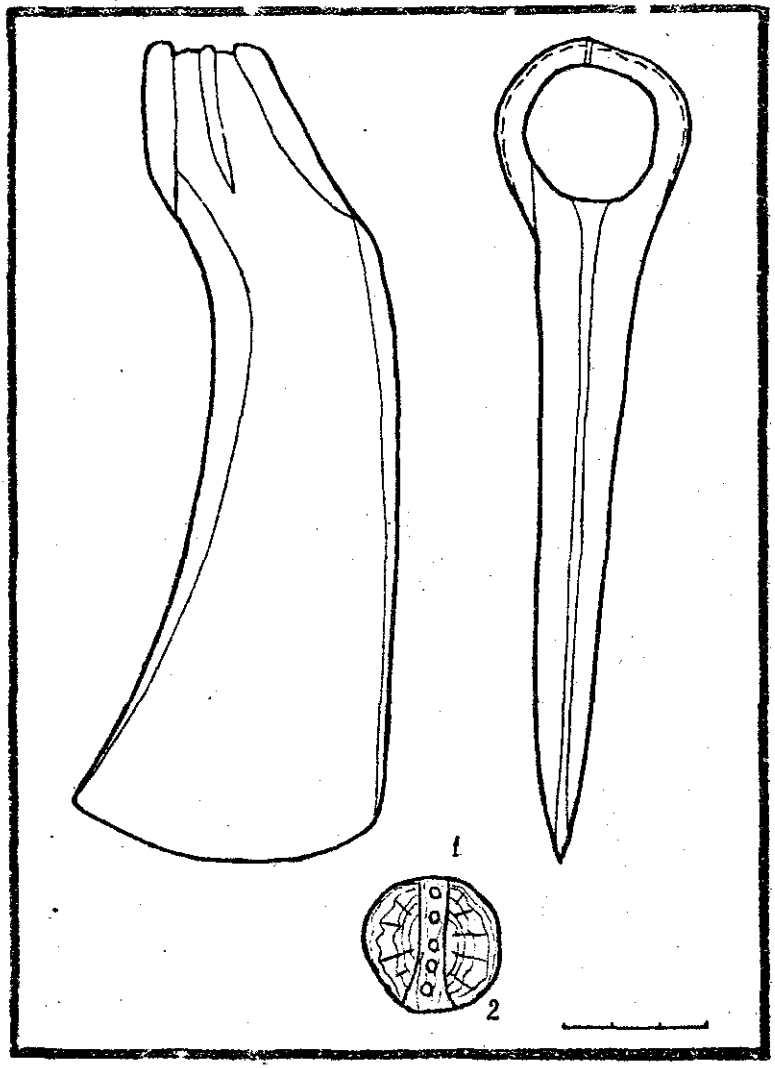


Рис. I3 . Топор из с. Стовбина Долина /р. Полузорье/: I-топор, 2-расклинение рукояти.

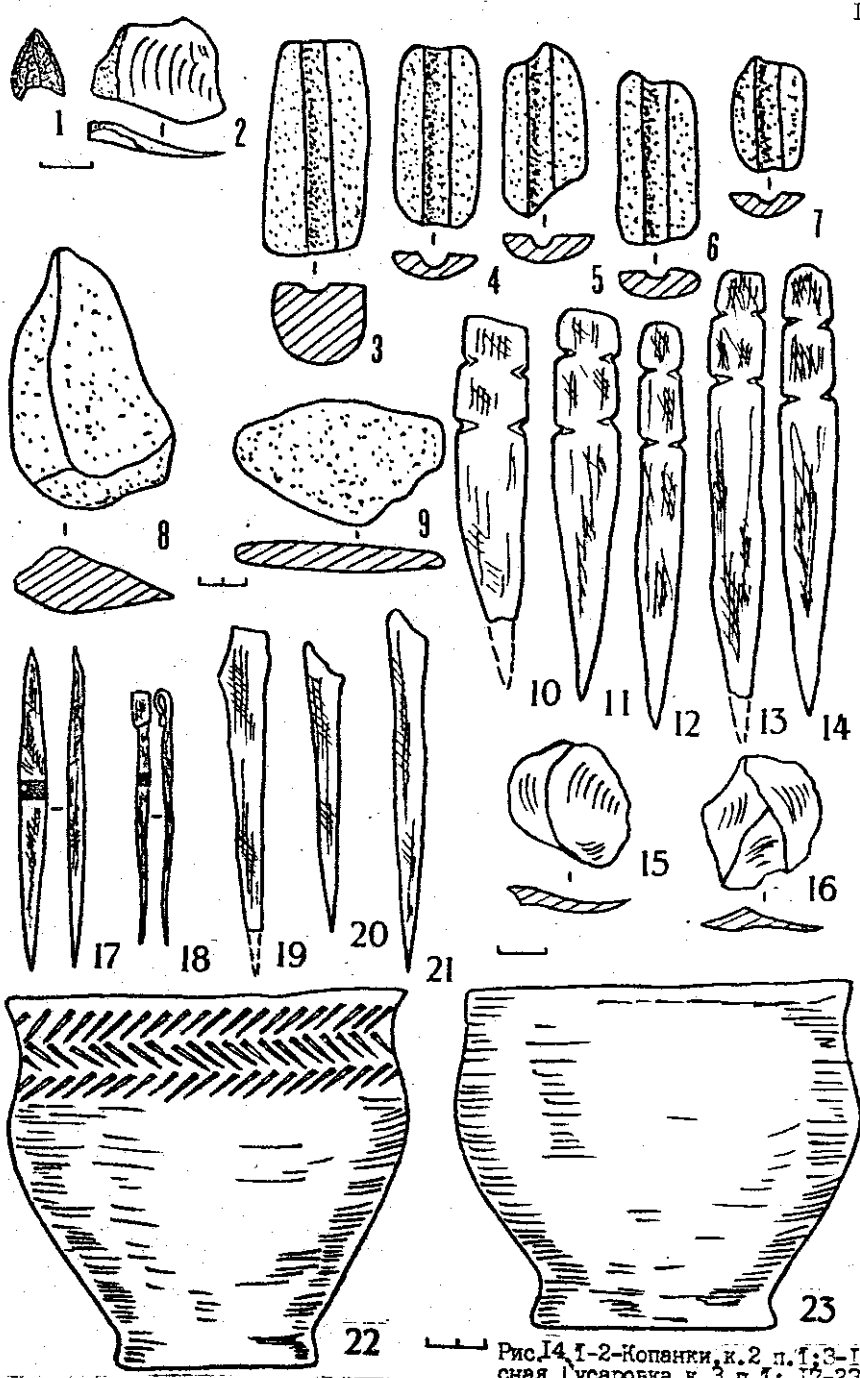


Рис.I4. I-2-Копанки,к.2 п.I;3-I6-Красная Гусаровка,к.3 п.I; I7-23-Котовское,к.2 п.I. I-2,I5-I6-кремень;3-9-камень;I0-I4,I9-2I-кость;I7-I8-бронза; 22-23-керамика.

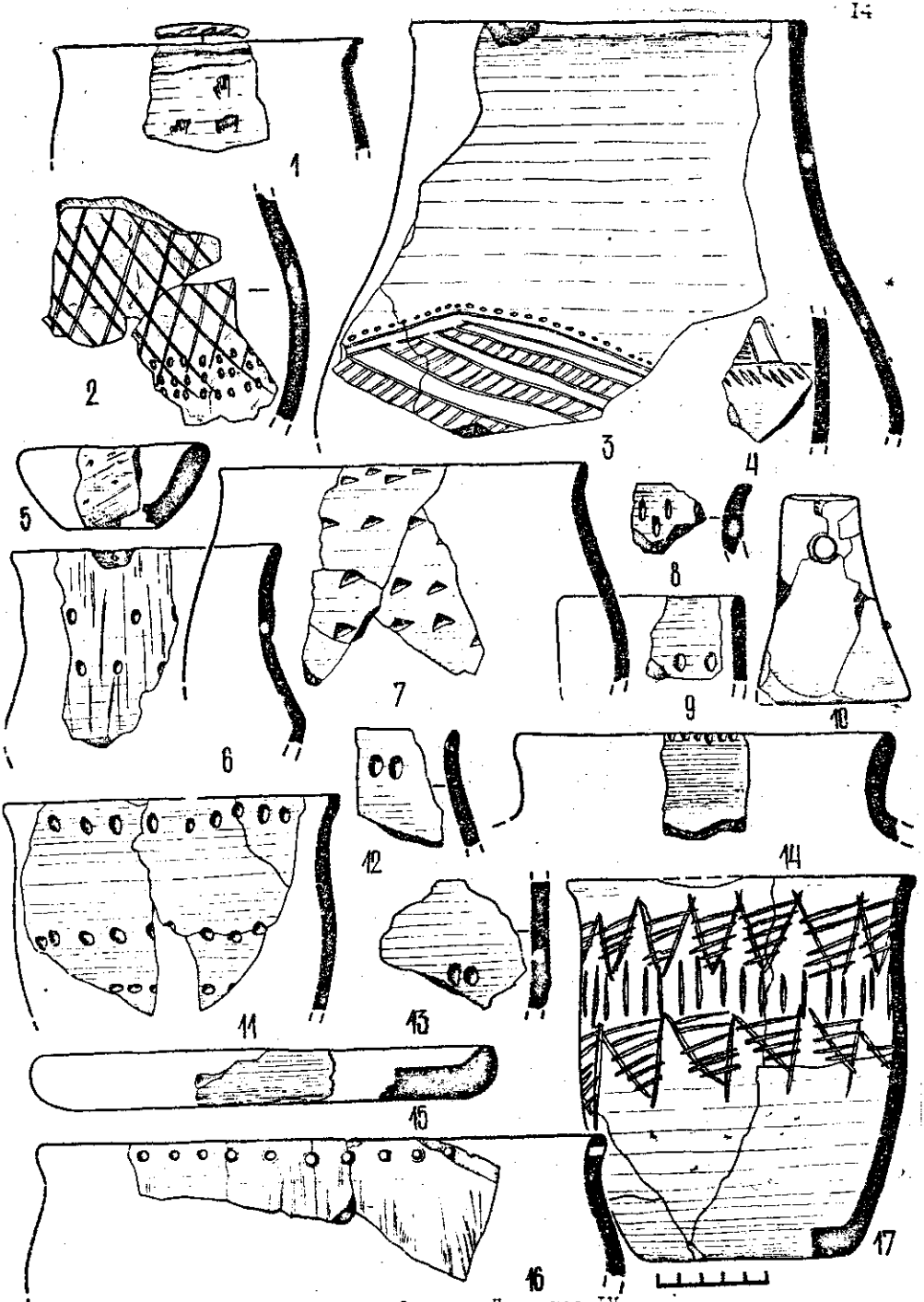


Рис. I5 Керамика поселения Орехово-Донецкое IУ.

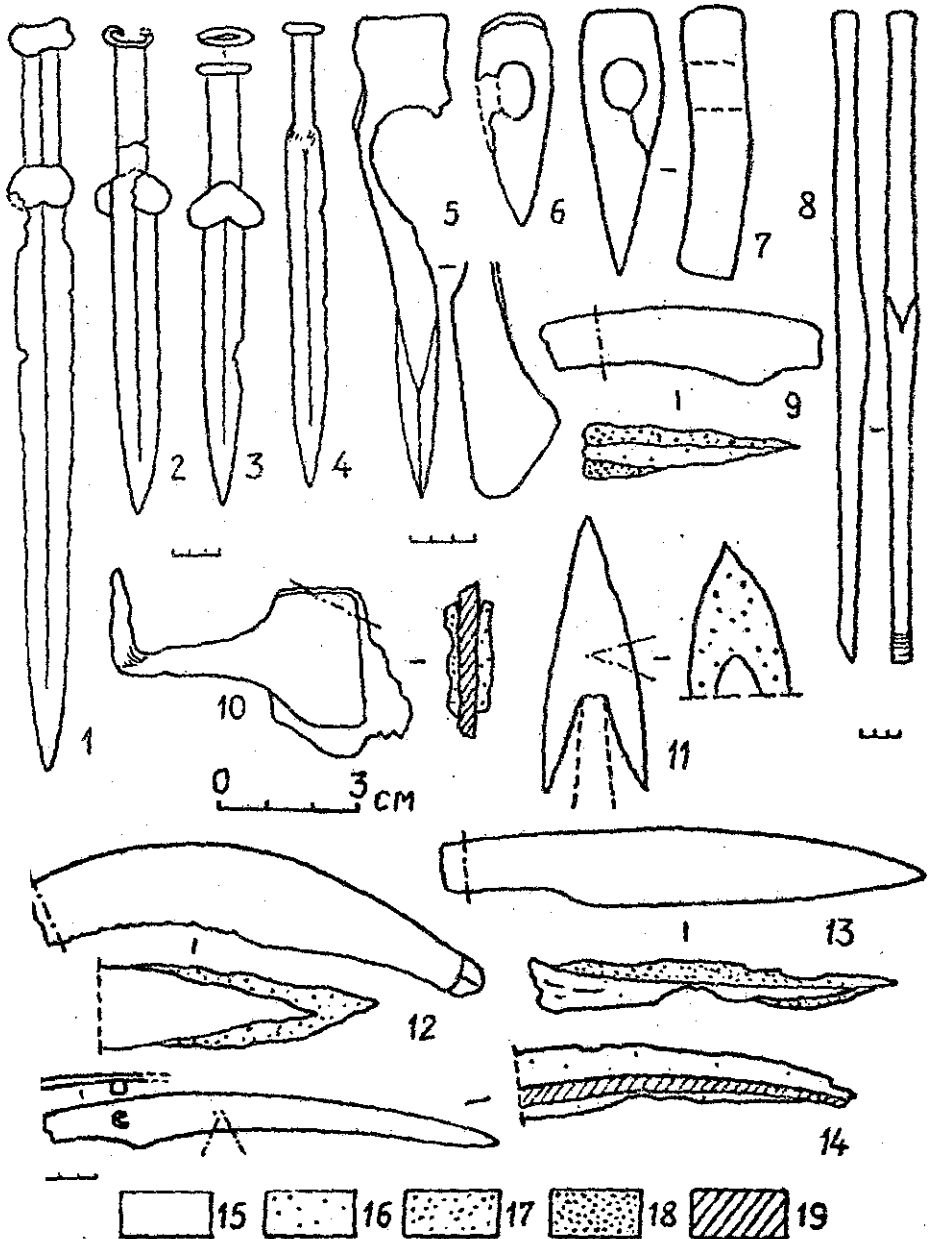


Рис.16. Образцы сварных изделий. 1-4-мечи и кинжалы; 5,7-хозяйственные топоры; 6-топор-молоток; 8-плотничье долото; 9,13,14-ножи; 10-пила; 11-фрагмент дротика; 12-серп. Места находок: 1-6,8,9,11,12,14-Вельское городище; 7,13-городище у с. Волковая Никитовка; 10-Коломакское городище. Условные обозначения: 15-железо, 16-малоуглеродистая сталь, 17-среднеуглеродистая сталь, 18-высокоуглеродистая сталь, 19-закалка.

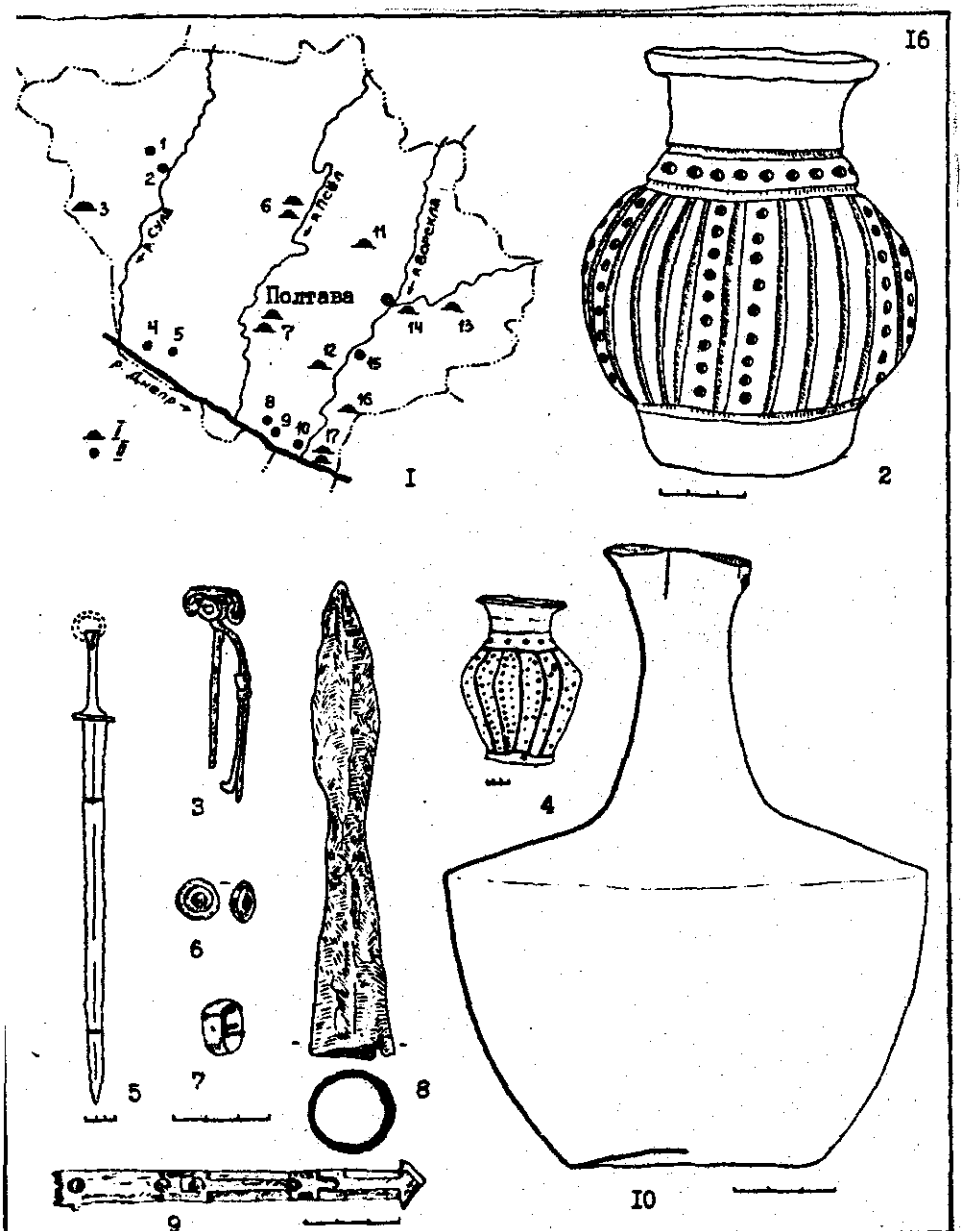


Рис. 17. Сарматские древности на Полтавщине. I. Карта памятников: I-погребения; II-отдельные находки. 1-Клепачи; 2-Лубны; 3-Круподеренцы; 4-Шушваловка; 5-Кагамлык; 6-Барановка; 7-В. Мануйловка; 8-Григоро-Бригадировка; 9-Солошино; 10-Кишеньки; 11-Яроховка; 12-Новые Санжары; 13-М. Ладыжино; 14-Макуховка; 15-Клюсовка; 16-Павловка; 17-Орлик. Находки: 2-Кагамлык, 3-В. Мануйловка; 4-Лубны; 5-Клепачи; 6-9-Новые Санжары; 10-Павловка.

2,4-керамика; 3,6,7,9,10-бронза; 5,8-железо.

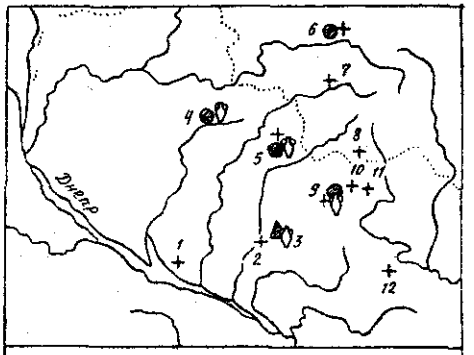


Рис.18 .Карта распространения памятников черняховской культуры раннего этапа в Днепровском лесостепном Левобережье: 2-5,10,13-18,20-24 - Боромля-II, 6-9,19 - Родной Край-III, 11-Беседовка, 12-Новосёловка

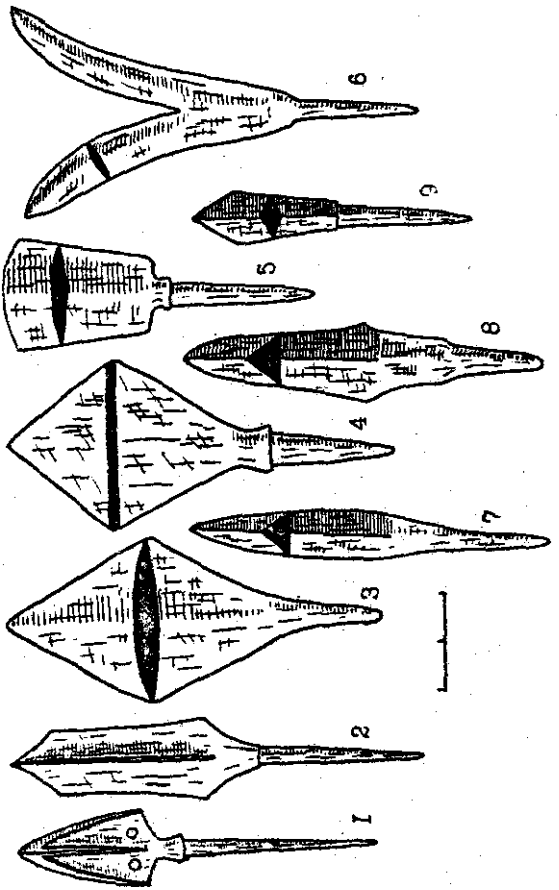


Рис. I9 .Раннесредневековые железные черешковые наконечники стрел.

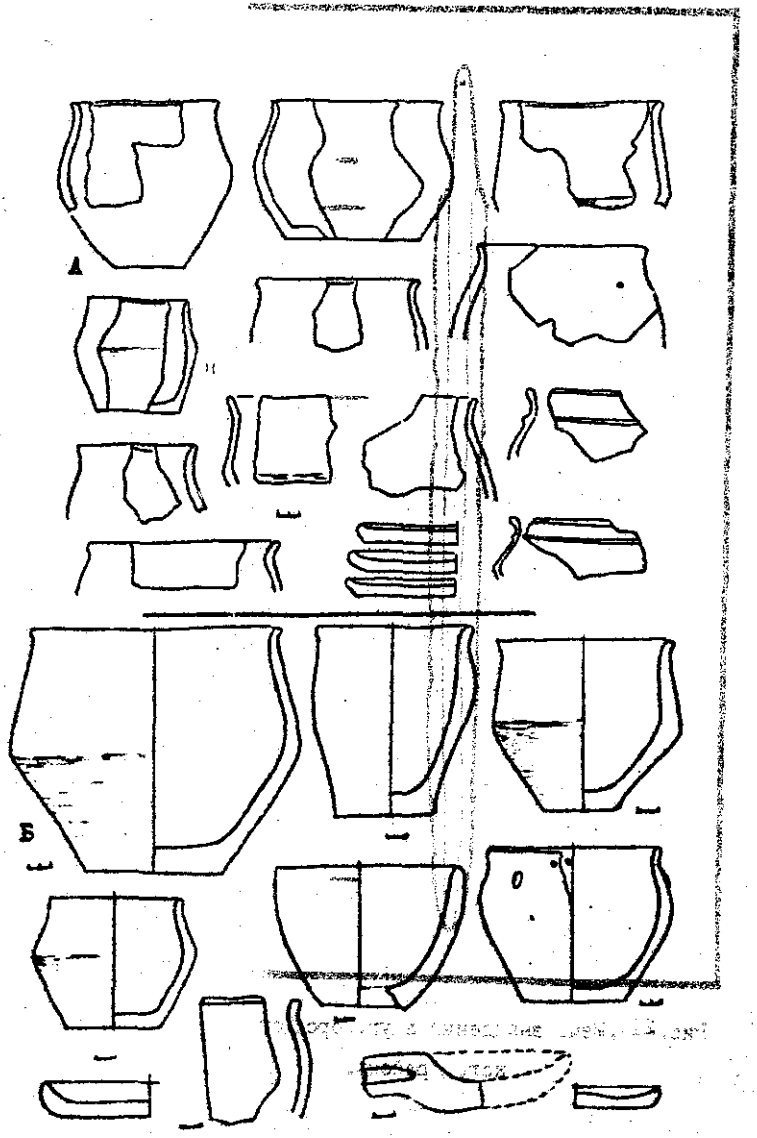


Рис. 20. Керамические комплексы раннеславянских памятников довольницевского периода: А - Прогресс Кобелякского р-на, Б - Засулье Лубенского р-на Полтавской области.

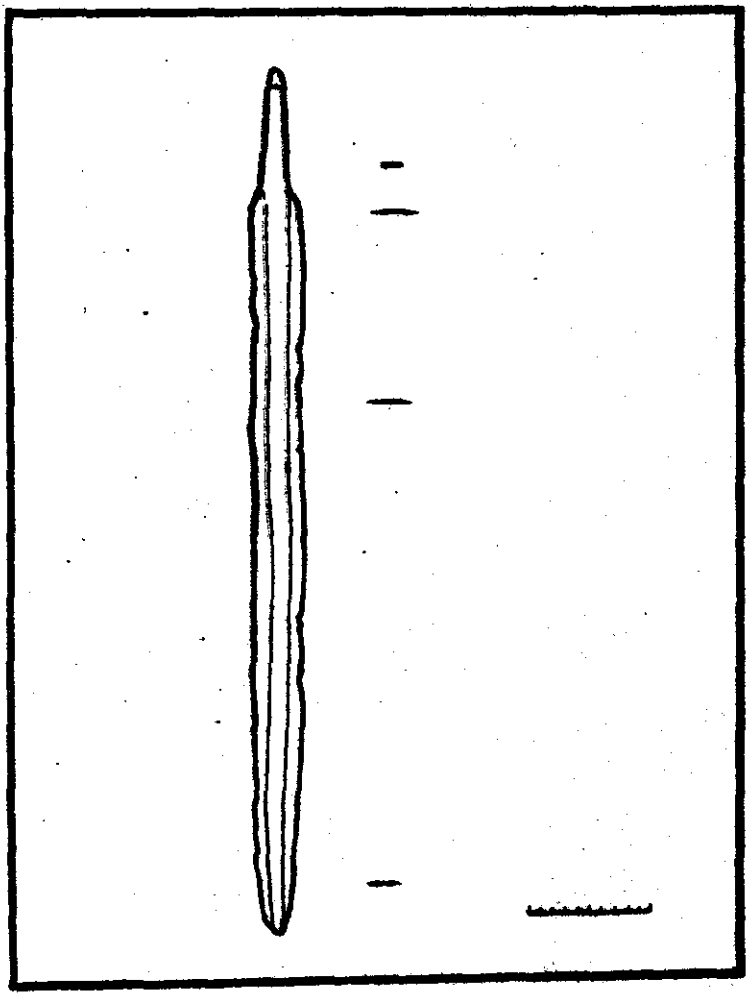


Рис. 21 .Меч, знайдений в ур.Городище бІля с.Клепачі Лубенського району.

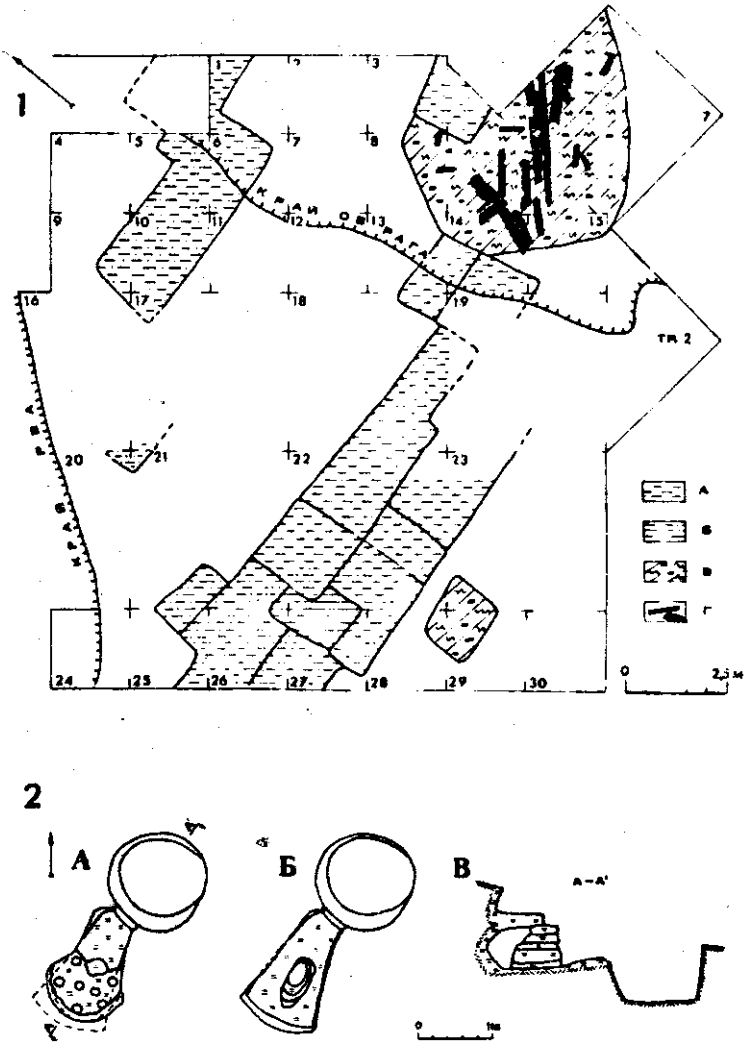


Рис.22. I.Конструкция въезда летописного г.Снепорода: А-переотложенный материковый суглинок; Б-тёмно-коричневый суглинок; В-чернозём с углём и золой; Г-обгоревшее дерево. 2.Гончарный горн: А-общий план; Б-план топочной камеры; В-разрез.

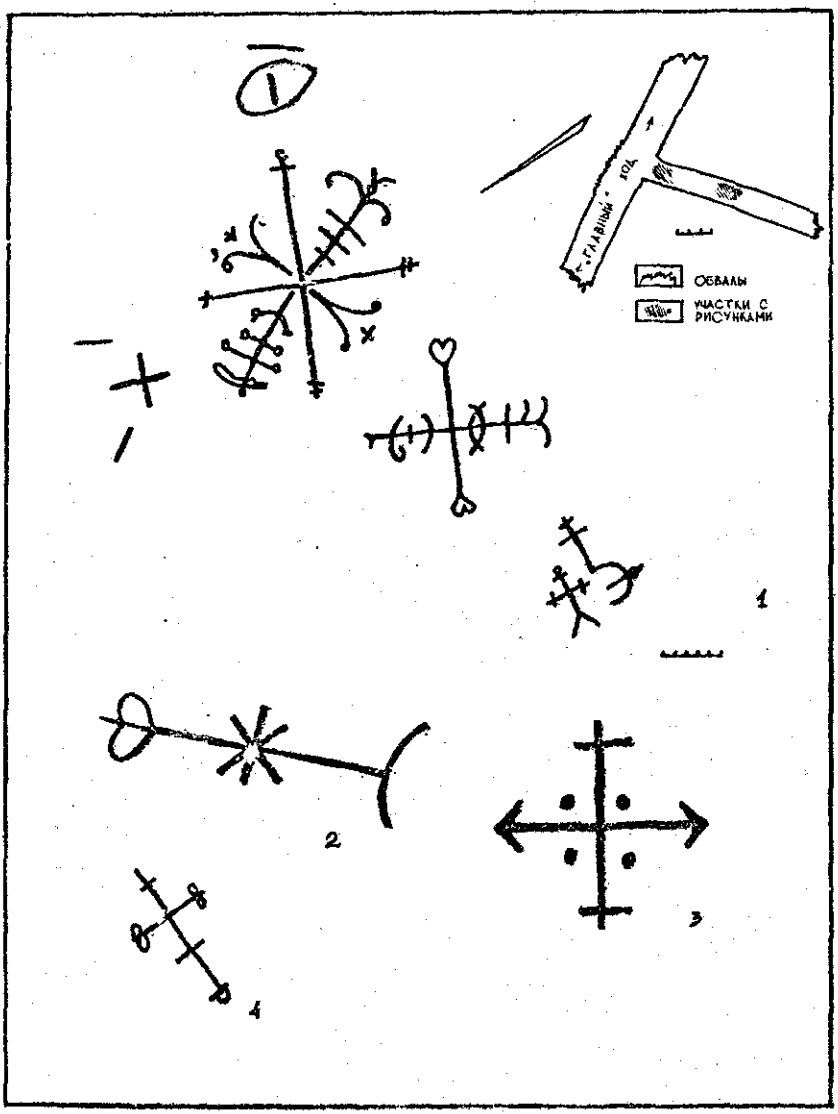
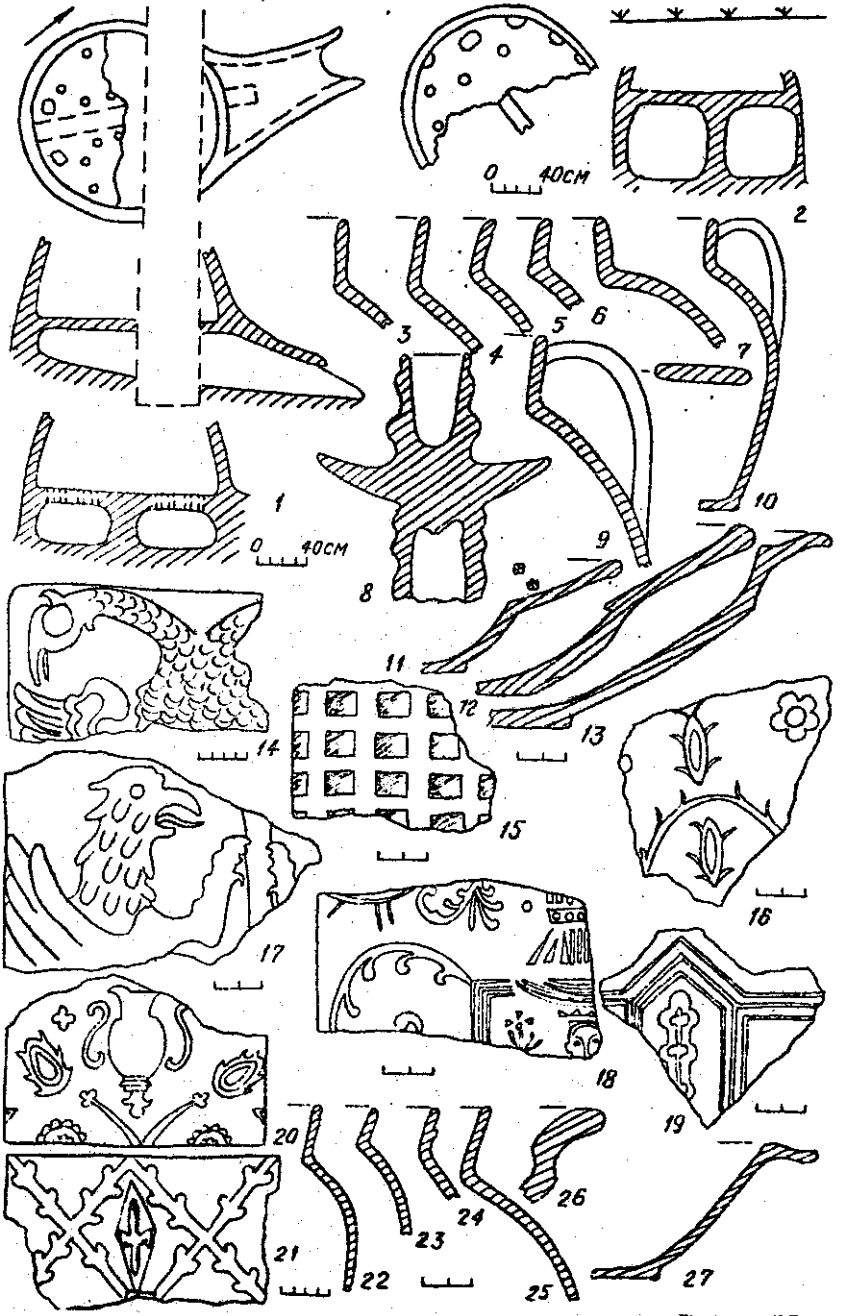
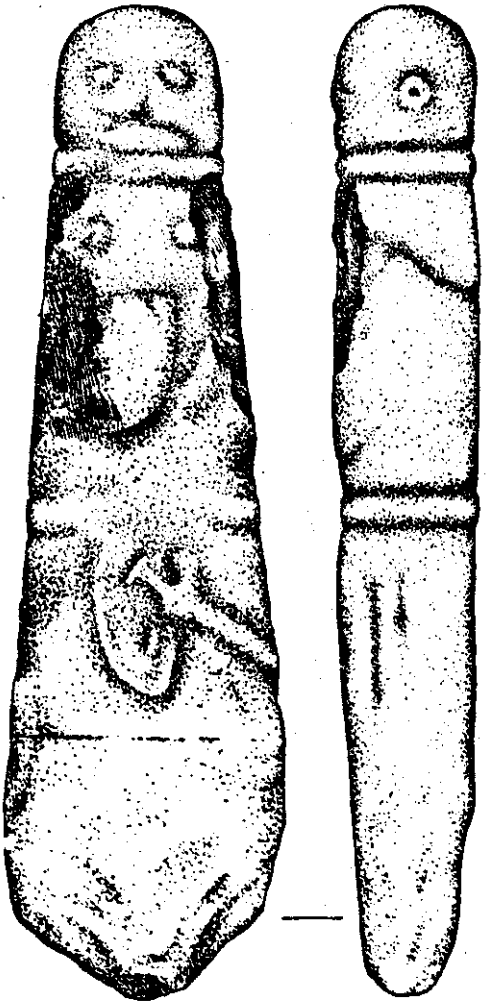


Рис.23 .Рисунки в подземном ходе г.Полтавы: I-план обследованного участка хода и рисунки в первой группе изображений; 2-4-изображени второй группы.



ис.24. Материалы из керамических горнов XVII-XIX вв. в г. Полтаве и с. Свириденки



Укрстат. а. №196. т. 602. 25. 01. 90г.

Рис. 25. Каменное изваяние из кургана "Роблена могила" у с. Приднепровское Черкасской области.

Оба горна были забиты керамикой. В полтавском горне находилась бытовая посуда, которой были забиты верхняя и нижняя камеры (рис. 24, **3—13**). Основную массу посуды составляли фрагменты горшков из светлой глины с примесью мелкого песка, расписанных красно-коричневой краской (рис. 24, **3—7**, 9—10). Все они имели шероховатую поверхность, тонкие стенки, приземистые округлые формы, изготовлены способом вытягивания из одного куска глины по РФК-7. Обращают на себя внимание тарелки с расписным и врезным подполивным орнаментом. Одна из них покрыта бирюзово-синей поливой с выпуклыми синего и коричневого цвета цветочками по крыльям тарелки (рис. 24, **11**). Часть посуды, найденной в горне, была в употреблении. По-видимому, в заброшенный уже горн сбрасывали битую посуду.

Керамика из горна в Свиридовке в основном идентична посуде из полтавского горна (рис. 24, 22—27). Преобладает столовая посуда, представленная расписными и поливными тарелками и мисками с плоскими округло-прямоугольными в сечении ручками. Встречаются также фрагменты макитр и ручек от сковородок на трех ножках. Тесто светло-красного цвета. Кроме посуды, в горне были найдены фрагменты изразцов, выполненные из плотной красной глины с высоким рельефным орнаментом геральдического характера (рис. 24, **14, 17**) и растительно-геометрическим с включением человеческих фигур (рис. 24, **15, 16, 18—21**). Встречаются и угловые изразцы. Оттискивались они в глиняных формах. Форма с углубленным изображением двуглавого орла была найдена рядом с горном.

Таким образом, раскопанные горны открывают еще одну страницу изучения истории керамического производства на Украине, представляя интерес как редкий пример сохранения древнерусских традиций в строительстве горнов на территории Левобережной Украины в конце XVII-нач. XVIII вв. Широкий ассортимент посуды, тщательность изготовления, богатство и разнообразие приемов орнаментации говорят о расцвете гончар-

ного ремесла в это время, что неразрывно связано с подъемом украинской культуры в конце XVII-сер. XVIII вв. В гончарной мастерской изготовлялись все виды посуды вместе с изразцами и обжигались в одном горне. То есть еще не было той дифференциации по специальностям, которая отмечается уже в этнографических исследованиях Полтавской области в XIX в. И. А. Зарецким (горшечники, мисочники, изразечники и т. д.).

МУЗЕЙНІ ЗІБРАННЯ

Б. С. ВАНЦАК

ЛУБЕНСЬКИЙ КРАЄЗНАВЧИЙ МУЗЕЙ І ЙОГО ІСТОРІЯ

У путівниках по Лубенському краєзнавчому музеєві (останній видано 1973 року) зазначається, що його засновано 1891 року при чоловічій гімназії на базі археологічних розкопок, які проводились на Лубенщині.

На мій погляд, є підстави переглянути цю дату, принаймні, не можна говорити про неї, не згадуючи навіть на чому все базувалося.

В 1898 році побачила світ така цікава книга: «Двадцатипятилетие Лубенской гимназии. Краткая историческая записка» (дай боже, щоб сьогодні ми мали такі «короткі» історичні довідки — 175 сторінок!). Так ось, у розділі «Учебные пособия» говориться: «В первый год существования Лубенской гимназии получили начало следующие отделы учебных пособий: фундаментальная и ученическая библиотеки, кабинеты зоологический, ботанический, минералогический, нумизматический, археологический и палеонтологический». А відкрито цей навчальний заклад у 1872 році. Згадаймо добрим словом, що першим директором гімназії став лубенець — український етнограф, фольклорист, письменник і педагог М. Т. Симонов (Номис). А вже в 1874 році новий навчальний заклад подав експонати на третій археологічний з'їзд, який проходив у Києві. Які ж саме? «47 кремниевых орудий и осколков эпохи мамонта», найденные в с. Гонцах Луб. уезда в долине р. Удая, 7 крупных костей вымерших животных и 60 мелких, найденных в с. Гонцах, костяные и каменные орудия — шило, острие копья, кремневый наконечник стрелы, каменный молоток, бронзовые наконечники стрел, — затем 6 камней, найденных в овраге в Лубнах позади здания гимназии, древний кувшин и несколько римских монет». Цікаво, що згадані колекції було відправлено на прохання секретаря з'їзду, історика й археолога, етнографа й археографа В. Б. Антоновича та голови археолога графа О. С. Уварова.

А ще пригадаймо, що, по-перше, основу археологічної збірки склали предмети, подаровані гімназії поміщиком-меценатом із с. Гінців Г. С. Кир'яковим. По-друге, розкопки першої палеолітичної стоянки, що стала відомою на території Росії, провів у

тих же Гінцях 1873 року учитель Лубенської гімназії Ф. І. Камінський.

Ще слід сказати, що пожертвувані були, окрім книг, рукописи царських указів і гетьманських універсалів, давня зброя, кольчуги, медалі, портрети, стародавні прикраси тощо.

Тож, ураховуючи походження гімназійної збірки, її характер, доступність для огляду, а також специфіку часу, чи не варто погодитися з заснуванням Лубенського музею 1872 року? Тим більше, що діяльність його була безперервною аж до 1918 року, коли його було перетворено на державний.

Перед тим, як перейти до розповіді про наступний період, нагадаємо і повідомлення у жовтневому номері журналу «Киевская старина» за 1890 рік: «Научные коллекции предметов древности, старинного быта и культуры, археологии, этнографии и естественно-исторических, к собиранию, сохранению которых общественные учреждения наших южных городов выказывают такое поразительное и невежественное равнодушие, возникают то тут, то там трудами и усердием просвещенных частных лиц. Об одном из замечательнейших собраний подобного рода, помещицы Лубенского уезда Полтавской губернии Екатерины Николаевны Скаржинской, слышно было в последние пять—шесть лет...». Цей чудесний музей член кількох наукових товариств Росії К. М. Скаржинська заснувала 1885 року в Кругляку під Лубнами, а 1906 року подарувала його експонати полтавському земству.

На початку 1919 року в журналі «Наше минуле» з'явилася стаття під заголовком «Лубенський український музей». Читаємо: «Але в кінці 1918 р. поновлення заходів в справі утворення в Лубнах музею, зроблене археологом Гн. Стеллецьким, знайшло відгук і щире співчуття серед теперішніх представників міської людності». Тимчасово виділили помешкання в будинку міської думи, а пообіцяли дати краще — в Братській школі.

Діло поставили солідно: створено тимчасовий комітет для керування справами, складено статут, згідно з яким музей «мав бути в зв'язку з Відділом охорони пам'яток старовини й мистецтва Головного управління по справах мистецтва й національної культури». Ось які відділи було створено: археології, історії, етнографії, церковний та бібліотека. В цей час Г. Я. Стеллецький проводив археологічні розкопки на Лубенщині і передав у музей виявлені колекцію скляного посуду XVI—XVIII століть

і старовинні монети. Згадано «решту з збірки тутешньої чоловічої гімназії» (ось вона, спадкоємність).

Стараннями Г. Я. Стеллецького музей проводив значну наукову й популяризаторську роботу. Учений М. М. Павлов-Сильванський у вересні 1920 року, наприклад, доповідав до Ради Українського Наукового Товариства у Києві, що він, разом із професором Е. І. Перфецьким та завідуючим Лубенським музеєм Г. Я. Стеллецьким організували філію згаданого товариства, що мала три секції: історико-філологічну, правово-соціологічну та природничу. Потім було приєднано до філії музей, книгозбірню, Товариство української культури та інші «культурні та наукові сили» і створено «Комітет науки та культури на Лубнях». У грудні 1922 року Центральне бюро краєзнавства при Російській академії наук визнало лубенський досвід «весьма целесообразным и интересным».

Не збереглися будівлі колишніх гімназії, думи, Братської школи — їх зруйнували німецько-фашистські загарбники. Як і Троїцької церкви на колишньому Базарному майдані (тепер ім. С. М. Кірова). А в ній у 30-і роки й до вересня 1941 року містився Лубенський краєзнавчий музей, що згорів під час наступу фашистів. Лише незначну частку надзвичайно цінних експонатів зберегли в себе мешканці міста.

Восени 1943 року загарбників було вигнано. І вже тоді лубенська патріотка В. Г. Буніна (дружина закатованого фашистами художника Михайла Буніна) почала збирати серед людей ті експонати, які в них збереглися. Місцева Рада доручила їй відродити музей. У зруйнованому місті вдалось одержати кімнатку, в якій уже 1944 року розпочалася робота. В 1947 році було три відділи, хоча постійні експозиції стали функціонувати з 1957 року — природи, історії дореволюційного періоду та історії радянської доби. Через десять років музей одержав теперішній будинок. У 1970 році в окремому приміщенні відкрито галерею образотворчого мистецтва. А з нагоди 1000-ліття Лубен, 1988 року, розв'язано питання про передачу з міського житлового фонду окремого будинку по вулиці Івана Франка, в якому обладнується Літературний музей.

Можливо, слід би обговорити питання про присвоєння Лубенському краєзнавчому музеєві ім'я одного з визначних фундаторів музейної справи на Лубенщині — Ф. І. Камінського, К. М. Скаржинської чи Г. Я. Стеллецького.

Л. А. БАНКОВА, Т. М. ДЯЧЕНКО

АРХЕОЛОГІЧНЕ ЗІБРАННЯ ЛУБЕНСЬКОГО КРАЄЗНАВЧОГО МУЗЕЮ

Створення археологічного зібрання Лубенського музею пов'язане з діяльністю його засновника, археолога Г. Я. Стеллецького. Ним були перевезені до Лубен у 1919—1920 рр. ряд археологічних експонатів: кам'яні половецькі баби з Харківщини, кілька ліпних посудин бронзового віку, уламки античного посуду тощо. Активну збиральницьку й дослідницьку діяльність розвернув один із наступних завідуючих музеєм — І. Плескач. Відомі його звіти про археологічні дослідження на Лубенщині ВУАКу, а також і друковані праці (Шліфовані сокири-молоти Лубенського музею. // Антропологія. 1929. — № 2. — С. 257—260).

У час воєнного лихоліття фашисти грабували музей. До кінця 1943 р. вціліла лише невелика частина довоєнного зібрання. За створення археологічної колекції взявся науковий співробітник музею краєзнавець І. І. Горенко. До кінця 1940-х рр. зібрання збагатилося не лише окремими випадковими знахідками, але й зборами Посульської експедиції ІА АН УРСР на чолі з Ф. Б. Копиловим. Матеріали розвідок походили, здебільшого, з різночасових пам'яток Нижнього Посулля в межах Лубенського району. Зазначимо, що саме в цей час І. І. Горенком було відкрите поселення епохи енеоліту-бронзи в ур. Струлева Гора біля с. Мацкова Лучка, ряд пунктів в околицях Лубен. Згодом І. І. Горенко докладає зусилля для укладення облікових карток на археологічні пам'ятки, готує їх паспорти, складає описи знахідок. Краєзнавцем було створено й зал експозиції, присвячений найдавнішому минулому Лубенського району. У 1979—1988 рр. музей приймає участь чи надає посильну допомогу всім археологічним експедиціям, що працюють на Лубенщині.

На сьогодні у музеї створена нова експозиція про найдавніше минуле краю (експозиціонер Т. М. Дяченко), у фондах — зберігаються численні археологічні знахідки, що походять з розкопок і розвідок на території району.

Нижче наводимо перелік колекцій археологічних розвідок і розкопок, що зберігаються і частково експонуються у Лубенському краєзнавчому музеї, які поступили в музей за 1977—1989 рр.

1. Матеріали з розкопок Гінцівської пізньопалеолітичної стоянки (окремі крем'яні знаряддя, кістки мамонта) 1977—1978 рр. В. Я. Сергіна.

2. Знахідки розвідок Посульської розвідгрупи ІА АН СРСР у Нижньому Посуллі. Ю. Ю. Моргунов. 1973, 1979—1982 рр.

3. Матеріали археологічних розкопок на Верхньому Валу у Лубнах та поселенні пеньківської культури біля с. Засулля О. В. Сухобокова 1980—1981 рр.

4. Матеріали археологічних досліджень городища літописного «міста» Сніпорода Ю. Ю. Моргунова 1982—1989 рр.

5. Знахідки з перетину масиву «змієвого» валу поблизу с. В'язівок. Роботи Ю. Ю. Моргунова і О. Б. Супруненка 1984 р.

6. Матеріали розвідок на території району О. Б. Супруненка 1983—1984, 1989 рр.

7. Збори розвідзагону Полтавського краєзнавчого музею І. М. Кулатової 1988 р.

А. К. ДЕГТЯРЬ, Б. П. ЗАЙЦЕВ

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНОСТИ ПОЛТАВЩИНЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Археологический музей Харьковского университета — один из старейших музеев высших учебных заведений нашей страны. Первоначальным его ядром послужил кабинет редкостей, основанный в 1807 г. С 1835 г. по 1919 г. археологическая коллекция находилась при музее изящных искусств и древностей университета. С 1919 г. археологический музей функционирует как самостоятельное учреждение. Перед Великой Отечественной войной в нем насчитывалось до 200 тыс. экспонатов. В период временной оккупации Харькова немецко-фашистскими войсками музей был разграблен. После войны его пришлось создавать заново. В настоящее время в музее сосредоточены материалы большой научной ценности, позволяющие воссоздать историю племен и народов, населявших территорию современной Украины на протяжении нескольких тысячелетий. Среди них многочисленные предметы из раскопок и разведок памятников древ-

ности Полтавщины, которые проводились археологами ХГУ. Сегодня музей обладает уникальной коллекцией материалов из раскопок крупнейшего в Восточной Европе Вельского городища VIII — III вв. до н. э. (междуречье рек Ворскла и Сухая Грунь). С 1958 г. систематическое изучение этого памятника проводит археологическая экспедиция ХГУ под руководством Б. А. Шрамко. Результаты исследований обобщены в монографии Б. А. Шрамко «Вельское городище скифской эпохи (город Гелон)» (Киев, 1987).

В музейной коллекции десятки тысяч предметов из раскопок городища. Среди них разнообразная керамика, орудия производства, оружие, бытовые предметы, украшения, культовые изделия и др. Материал свидетельствует о том, что жители города Гелона (площадь свыше 4 тыс. га, протяженность остатков оборонительных сооружений около 34 км) занимались земледелием, скотоводством, различными ремеслами, домашними промыслами, торговлей и охотой. Особенно многочисленны предметы, связанные с деятельностью ремесленников: кузнецов, бронзолитейщиков, ювелиров, гончаров. Хорошо прослеживается существование прядения, ткачества, плетения, обработки кожи, кости, камня, дерева. Свидетельством торговых связей с греческими городами являются фрагменты амфор, чернолаковой посуды, ювелирные и стеклянные изделия. Гелон был религиозным центром, подтверждением чему служит, в частности, культовая глиняная скульптура: фигурки людей, животных, птиц, фантастических существ (крылатой лошади, грифона и др.).

В музее хранятся материалы раскопок Б. А. Шрамко из погребений курганных могильников скифского периода (Бельского, Перещепинского, Скоробор) и предметы, найденные им при археологических разведках на поселениях раннего железного века у сел Мачухи и Пожарная Балка (Полтавский район). Из археологов университета исследования на территории Полтавской области, в частности у сел Малая Рублевка (Котелевский район) и Марки (Полтавский район), проводили также С. И. Берестнев и А. В. Крыганов. На поселении Малая Рублевка I обнаружена керамика жаботинского типа (VIII — VII вв. до н. э.) и скифского времени, а на поселениях Малая Рублевка II и Марки — предметы бондарихинской культуры позднего бронзового века. И этот материал хранится в археологическом музее университета.

Таким образом, при изучении истории края I тыс. до н. э. необходимо учитывать и материалы исследований археологических памятников Полтавщины, хранящиеся в археологическом музее Харьковского университета.

В. А. ВОЙНАЛОВИЧ, Ю. З. ДАНИЛЮК

ПИТАННЯ ОХОРОНИ ТА ПРОПАГАНДИ ПАМ'ЯТОК АРХЕОЛОГІЇ В РОБОТІ КАФЕДРИ ПО РОЗРОБЦІ ПРОБЛЕМ ЕКОЛОГІЇ КУЛЬТУРИ ПРИ ПРАВЛІННІ ПОЛТАВСЬКОЇ ОБЛАСНОЇ ОРГАНІЗАЦІЇ УТОПІК

Одним з основних напрямків роботи кафедри є наукова розробка проблем охорони та пропаганди пам'яток археології Полтавщини. На сьогоднішній день наслідком тісного співробітництва членів кафедри з широким громадським активом стало придбання певного досвіду організації та проведення цієї роботи, а також визначення проблем, що чекають свого невідкладного вирішення.

Доброю традицією стало влаштування щорічного обласного науково-практичного семінару «Охорона та дослідження пам'яток археології Полтавщини». Він став не лише своєрідною формою звіту вчених-археологів, пошуковців про проведену роботу по дослідженню археологічних пам'яток Полтавщини за певний період, але й в значній мірі трибуною обміну досвідом проведення такої роботи в інших регіонах республіки. Слід визнати також, що семінар відіграє значну роль і в справі залучення молоді до участі в археологічних розвідках, збуджує їх інтерес до пам'яток рідного краю.

Безумовно, важливою проблемою залишається практичне застосування одержаних результатів досліджень в охоронній роботі. Мається на увазі, перш за все, широке ознайомлення працівників радянських та державних органів, проектних установ та організацій, громадськості з місцезнаходженням пам'яток археології, з відомостями про стан та результатами їх дослідження. В цьому плані заслуговує на увагу досвід співробітництва кафедри та сектора археології відділу охорони пам'яток Полтав-

ського краєзнавчого музею по підготовці районних каталогів. На сьогодні такі довідники видані по м. Полтаві, Машівському та Лубенському районах (автори О. Б. Супруненко, І. М. Кулатова). Вони містять перелік пам'яток та характеристику окремих знахідок, хронологічний та алфавітний покажчики, а також схему розташування пам'яток археології у визначеному регіоні. Вони розіслані на адреси радянських та господарських органів, проектних організацій, шкіл та бібліотек області. В перспективі планується підготовка та видання подібних каталогів і по інших районах.

Принципово важливим і невідкладним є питання про створення заповідних територій, де розміщені цілі комплекси археологічних пам'яток, і надання їм відповідного статусу. Особливо це стосується території Більського городища, Посульського «змієвого» валу та інших, що є унікальними пам'ятками історії та культури. Їх збереження має неабияке наукове, пізнавальне та виховне значення.

Кафедра по науковій розробці проблем екології культури вважає за необхідне впровадження в практику своєї роботи і широке застосування методу вивчення громадської думки шляхом анкетування, щодо поліпшення використання пам'яток, в тому числі і археологічних, в лекційній пропаганді, в навчальній та виховній роботі шкільної молоді.

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР, Київ.
ВДИ	— Вестник древней истории, Москва.
ВУАК	— Всеукраинский археологический комитет.
ВУЦИК	— Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет.
ДГУ	— Днепропетровский государственный университет.
ИА АН УССР	— Институт археологии АН УССР.
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества, Одесса.
ОДПІ	— Одеський державний педагогічний інститут.
ПКМ	— Полтавський краєзнавчий музей.
СА	— Советская археология, Москва.
СВ	— Северо-восток.
СНК УССР	— Совет Народных Комиссаров УССР.
УООПИК	— Украинское общество охраны памятников истории и культуры.
УТОПІК	— Українське Товариство охорони пам'яток історії та культури.
ХГУ	— Харьковский государственный университет.
ЮЗ	— Юго-запад.

З М І С Т

Охорона пам'яток археології. Підготовка «Зводу пам'яток історії та культури». 3

Нестуля А. А. *Охрана памятников археологии Полтавщины* в первые годы Советской власти 4

Рычков Н. А. Охрана или исследование археологических памятников? 6

Рубан В. В. Древности как экономическая и правовая категория 9

Голубчик Л. Н. Проблемы охраны памятников археологии на Днепропетровщине 10

Оленковский Н. П. Роль специализированных археологических разведок в подготовке материалов Свода памятников истории и культуры 13

Сапожников И. В. Археологические разведки для «Свода памятников истории и культуры». (Опыт работы Буго-Днестровской экспедиции ИА АН УССР) 15

Журавель Г. Г. Про роботу Лубенської міськрайорганізації УТОПІК по виявленню, вивченню, охороні та використанню пам'яток 17

Гавриленко І. М., Гольник Л. В. Питання збереження пам'яток археології в роботі керівних органів Полтавської облорганізації УТОПІК 19

Історія вивчення та дослідження археологічних пам'яток Полтавщини. 23

Линева Е. А. Археологические исследования Полтавщины членами Исторического общества Нестора-летописца . . 24

Васильев К. К. И. С. Орлай и его интересы в области археологии 26

Побожий С. И. Харьковский университет: от классической до отечественной археологии (XIX—нач. XX вв.) 28

Куриленко В. Е. К биографии Турвона Кибальчича . . 30

Супруненко А. Б. В. Б. Антонович об исследованиях на Полтавщине 31

Махно Е. В., Франко О. Е. В. В. Хвойко и черняховская культура 35

Макаренко Д. Е. Малоизвестные страницы жизни археолога и искусствоведа Н. Е. Макаренко 39
Кулатова І. М., Супруненко О. Б. Археологічні дослідження І. А. Зарецького в Полтаві 41
Выставкина Н. М. Из переписки И. А. Зарецкого . . . 47
Аббасов А. М. Первый директор Миргородского музея . 50
Кононенко Ж. А. Н. В. Сибилев — исследователь Изюмщины и Донеччины 52
Секерская Н. М. М. С. Синицин 55
Археологія кам'яного віку 59
Милованова Н. А. Палеолит лесостепной зоны Левобережной Украины: история открытий и исследования . . . 60
Степанчук В. Н. Экспериментальное расщепление: некоторые наблюдения 63
Телегин Д. Я., Порубай А. Б., Баранов В. Е., Тараненко В. Л. Палеолит в устье реки Сулы 64
Гавриленко И. Н. Новые памятники эпохи неолита на Полтавщине 65
Морковина И. В. Памятники сурской культуры Приорелья 67
Куриленко В. Е. Неолит Средней Десны по материалам Мезинского археологического музея 69
Археологія енеоліту і бронзового віку Дніпровського лівобережжя 73
Михайлова Н. И., Михайлов Б. Д. Древнейшие антропоморфные стелы вблизи Каменной Могилы в Северном Приазовье 74
Марина З. П. Ямные погребения Приорелья 76
Новицкий Е. Ю. Элементы древнейшей индоевропейской идеологии в погребальном обряде племен ямной культуры на территории Полтавской области 79
Супруненко А. Б. О Федоровском идоле и кургане . . 80
Алексеева И. Л. К семантике изображений стоп и посоха на антропоморфных стелах Северного Причерноморья . . 87
Сиволап Л. Г., Сиволап М. П. Курган «Кицина могила» в лісостеповому Подніпров'ї. 88
Андросов А. В. Некоторые особенности архитектурного оформления курганов эпохи палеометалла Южной Украины . 90
Ковалева Л. Г. О датировке кулачковых булавок . . 92
Клименко В. Ф. Исследование памятников катакомбной культуры на Харьковщине 93
Генинг В. В. Об использовании боевых колесниц степным населением Евразии в эпоху бронзы 95
Цымбал В. И. Охранные раскопки в Харьковской области 97
Фещенко Е. Л. К вопросу о Северо-Кавказских импортах в катакомбной культуре предстепья 99
Ковалева И. Ф. Социальная структура и идеология предсрубного общества южной лесостепи 100
Палагута І. В., Сиволап М. П. Курган епохи бронзи поблизу ст. Пальмира 103
Антоненко Б. А. Курганный могильник у с. Морокино . . 105
Луговая Л. Н. Погребения с костяными пряжками в Среднеднепровском Левобережье 107

Бовкун И. В. Вислообушный топор из Новосанжарского района 109
Берестнев С. И. *Новые погребения эпохи бронзы с производственным инвентарем в лесостепи Левобережной Украины* 110
Татаринов С. И. Донецкий горно-металлургический центр эпохи бронзы и металлообработка в Восточной Украине . 112
Черниенко Ю. А. Поселение у с. Чикаловка и некоторые аспекты интерпретации домостроительства сабатиновской культуры пограничья Степи и Лесостепи 115
Воловик С. И. Некоторые итоги исследования памятников малобудковского этапа бондарихинской культуры . . 117
Горбов В. Н., Усачук А. Н. Бондарихинское поселение на Северском Донце 120
Ранній залізний вік Дніпровського Лівобережжя . . . 123

Шрамко Б. А. *Была ли Лесостепь завоевана скифами* . *124*
Григорьев В. П. Новый памятник скифского монументального искусства в лесостепном Приднепровском Левобережье 126
Островерхов А. С. *Фаянс и стекло лесостепной Скифии:* архаика 129
Мухопад С. Е. Скифские памятники Днепровского предстепья 133
Гавриш П. А. Городище *скифского времени у с. Кнышовка* . 134
Шрамко И. Б. Сварные изделия скифского времени в бассейне Ворсклы. 137
Буйнов Ю. В. *Охранные раскопки курганов скифского периода* на Харьковщине 139
Гейко А. В., Гавриш П. А. Новые данные о памятниках скифского времени в *Нижнем Поворсклье* 142
Кулатова И. Н. К вопросу о сарматских памятниках Полтавщины 144

Пам'ятки I — початку II тисячоліття н. е. **149**
Некрасова А. Н. К вопросу о начальном этапе распространения черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье 150
Шепель Е. А. Об особенностях физического развития людей, оставивших могильник черняховской культуры у с. Успенка 151
Крыганов А. В. Уточнение датировки некоторых типов раннесредневековых восточноевропейских наконечников стрел . 153
Сухобоков О. В., Юренко С. П. Предволынцевские памятники Полтавщины 155
Корпусова И. В. Золотая серьга из собрания Одесского археологического музея АН УССР 157
Приймак В. В. Про деякі питання слов'яно-салтівських стосунків на Лівобережжі Дніпра 159
Добролюбский А. О. *Евразийская трактовка взаимоотношений* славян и кочевников 161
Мокляк В. О. Меч із Посулля 162
Моргунов Ю. Ю. Новые исследования летописного г. Снепорода 164

199

Звагельский В. Б. К вопросу о реалиях «Слова о полку Игореве» (маршрут и скорость передвижения на первом этапе пути) 166

Розвідки на Полтавщині. Пам'ятки XVI—XVIII ст. 169

Сидоренко А. В. Разведки в окрестностях Лубен . . 170

Ткаченко А. М. Разведки в Оржицком районе . . . 171

Мельникова И. С. Некоторые итоги разведок на Полтавщине 173

Лепявко С. А. Казацкий лагерь на Солонице . . . 175

Гладыш К. В. Памятники градостроительства и археологии 178

Суховская И. В. Рисунки в подземном ходе г. Полтавы . 181

Виногродская Л. И. Материалы по керамическому производству XVII—XVIII вв. на Полтавщине 182

Музейні зібрання 187

Ванцак Б. С. Лубенський краєзнавчий музей і його історія 188

Банкова Л. А., Дяченко Т. М. Археологічне зібрання Лубенського краєзнавчого музею 191

Дегтярь А. К., Зайцев Б. П. Материалы исследований памятников древности Полтавщины в археологическом музее Харьковского университета 192

Войналович В. А., Данилюк Ю. З. Питання охорони та пропаганди пам'яток археології в роботі кафедри по розробці проблем екології культури при правлінні Полтавської обласної організації УТОПІК 194

Список скорочень 196

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

ОХОРОНА І ДОСЛІДЖЕННЯ ПАМ'ЯТОК АРХЕОЛОГІЇ ПОЛТАВЩИНИ

Третій обласний науково-практичний семінар

Квітень, 1990 р.

Тези доповідей

Відповідальний за випуск — **О. Б. СУПРУНЕНКО**

Підписано до друку 29.12.1989 р. БЗ 01436. Формат 60x84/16. Папір книжково-журнальний. Гарнітура літературна. Друк високий. Ум.-друк. а. 11,62+1,39 вкл. Ум.-фарб. відб. 13,24. Обл.-вид. а. 21,55. Тираж 550. Зам. 1356. Ціна 1 крб. Друкарня видавництва «Полтава». 314000, м. Полтава, вул. Котляревського, 38/40.

В 1990 році Полтавський краєзнавчий музей видає слідуючі роботи з археології Полтавщини:

Кулатова І. М., Лугова Л. М., Супруненко О. Б. Кургани Нижнього Поворскля. — Полтава: ПКМ, 1990. — 120 с. — Іл. — Ціна 1 крб.

Робота вводить в обіг матеріали охоронних досліджень курганних пам'яток Нижнього Поворскля від доби енеоліту до XI ст., проведених експедиціями музею у 1977—1988 рр. у Диканському, Кобеляцькому, Новосанжарському, Полтавському і Чутівському районах Полтавської області.

Супруненко О. Б. Археологічні пам'ятки Карлівського району Полтавської області. — Полтава: ПКМ, Полтавська облорганізація УТОПІК, 1990. — 92 с. — Іл. — Ціна 50 коп.

Брошура є реєстром відомих археологічних пам'яток та знахідок на території району, ілюстрована схемами розміщення пам'яток та малюнками знахідок. Публікуються результати розкопок курганів доби бронзи з похованнями від ямного часу до середньовіччя біля сс. Климівка і Федорівка 1926 та 1988 рр., окремі речі з музеїв Полтавщини, знайдені у Карлівському районі.

Замовлення **просимо надсилати на адресу:**
314020, м. Полтава-20, пл. Леніна, 2, Полтавський краєзнавчий музей, відділ археології.

Адміністрація музею.

1 крб